477/24 р
1948 г.
891.71.092
П
БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губ. Земства.
КНИГИ ИЗЪ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ
и
Жизнь XVIII вѣка.

477124

477124.

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского. „Записки Института ЛЕНИНА". т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

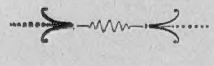
92:891.7
Э.
Инв 1555
4509
891.71.092
1754

Михаилъ Васильевичъ ЛОМОНОСОВЪ

и

ЖИЗНЬ XVIII ВѢКА.

Н. Р. Политуръ.



Куйбышевская
Областная
БИБЛИОТЕКА
477124

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія С.-Петербургской Тюрьмы, Арсенальн. наб., 5.
1912.

Михаилъ Васильевичъ

Ломоносовъ

и

Жизнь Заики.

П. Г. Полетуры.

С.-Петербургъ.
Тип. Каттерфельдъ С.-Петербургской Трамв. Дирекціи, Ивановская, 6.
1912.

Посвящаю дорогой

матери

Еленѣ Ивановнѣ Политуръ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Рожденіе генія для насъ необъяснимо. Почему и какъ могло случиться, что въ убогой хижинѣ далекаго сѣвернаго края, въ семьѣ безграмотнаго рыбака, родился сынъ, которому суждено было стать отцомъ русской науки?

Почему та же завидная доля не выпала дѣтямъ, которымъ съ самаго рожденія было предоставлено все, что могло облегчить имъ подняться на эту высоту.

Это для насъ загадка.

Но чтобы хоть отчасти подойти къ ея рѣшенію, мы увѣрены, что Ломоносова, какъ генія, необходимо разсматривать не какъ отца русской науки, а какъ человѣка того вѣка.

Мы видимъ, что часто незначительный случай ломаетъ сложившуюся уже жизнь человѣка, случайное знакомство, нечаянно брошенное слово, даже чужимъ человѣкомъ, дѣлаютъ цѣлый умственный переворотъ и тоже мѣняютъ жизнь.

Мелочи жизни—все и ничего.

...„Несомнѣнно, говоритъ Пыпинъ, что въ общемъ счетѣ условій, опредѣляющихъ историческій складъ характера, весьма важны бываютъ условія первоначальной среды, которыя даютъ первый толчекъ пробуждавшейся мысли, первую складку нравственной и умственной природы“ [1]).

[1]) Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Т. III, стр. 95.

И потому, повторяемъ, Ломоносова, какъ генія, мы будемъ разсматривать на фонѣ жизни XVIII вѣка. Тѣмъ болѣе, что Ломоносовъ, какъ ученый и поэтъ, достаточно ярко и полно обрисованъ, и теперь въ годину двухсотлѣтія со дня его рожденія и тѣ немногіе пробѣлы его научной дѣятельности будутъ пополнены.

Оговариваемся, что мы на свой трудъ смотримъ какъ на попытку опредѣлить тѣ чисто внѣшнія причины, которыя дали толчекъ и расчистили путь для торжества генія, а также и тѣ явленія, которыя препятствовали этому торжеству генія Ломоносова, и въ то же время разсмотрѣть его жизнь, какъ жизнь вообще человѣка, со всѣми присущими пороками и достоинствами того времени.

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губ. Земства.

I.

Родина Ломоносова, Архангельская губернія, всегда рѣзко выдѣлялась среди не только центральной Россіи, но и среди окраинъ Имперіи, особенностями быта, жизни и общаго уклада.

Архангельская губернія одно изъ самыхъ старѣйшихъ владѣній сѣвера. Русскіе вольные Новгородскіе люди впервые прибыли къ устью Двины, какъ видно изъ документовъ, еще XI вѣка и образовали „Двинскую пятицу".

Смѣлую предпріимчивую вольницу свободнаго Новгорода безъ сомнѣнія привлекли сюда торговыя выгоды. Они вѣрно учли, что широкая рѣка, съ удобными стоянками для судовъ соберетъ все богатство сѣвера и дѣйствительно въ построенный ими Холмогоры, какъ къ центру, стали стекаться богатства: съ Пинеги птицы и пушной звѣрь; съ Мезены сало морского звѣря. Но главное богатство края состояло въ добываніи соли и уже по грамотѣ 1550 г. они пріобрѣтали себѣ привилегію по которой, только имъ было предоставлено исключительное право скупать соль на мѣстѣ; торговля быстро стала расти и по словамъ Крестинина [1]) „не только Холмогоры, но и всѣ заволоцкіе монастыри соленнымъ торгомъ обогащались и для того на Холмогорахъ содержали монастырскіе дома, кладовыя, амбары и прикащиковъ-монаховъ. Все это черезъ Новгородскихъ купцовъ шло въ Ганзы и заморскія страны.

Жизнь на дикомъ сѣверѣ била ключемъ. Но жизнь была особенная, не похожая на жизнь центральной Россіи даже послѣ паденія Великаго Новгорода.

[1]) Крестининъ „Начертаніе гор. Холмогоръ".

Новгородская вольница принесла съ собой и Новгородское управленіе и, что замѣчательно, это управленіе и укладъ жизни сохранился и въ XVII ст. Даже XVIII вѣкъ государственнаго переустройства Россіи Петромъ только отчасти коснулся Архангельскаго края. Въ то время, когда повсемѣстно были уничтожены свободныя крестьянскія общества, и крѣпостное право прочно царило на Руси, даже въ это время всесокрушающая Петровская централизація почти не коснулась Двинской земли. Все это произошло благодаря отдаленности края отъ Москвы, а главное, бездорожью и непроходимыхъ болотъ по берегамъ Двины. Та же отдаленность отъ центра и бездорожье избавили жителей отъ тяжелыхъ поборовъ и рекрутчины. Холмогорскій крестьянинъ оставался вольнымъ.

Разумѣется, жизнь первыхъ русскихъ піонеровъ въ этомъ суровомъ краѣ, среди незнакомаго и чуждаго по языку и обычаямъ народа была нелегка. Въ постоянной борьбѣ съ природой, среди опасностей на морѣ они закалили свое тѣло и духъ, еще больше развили прирожденную новгородцамъ смѣлость и предпріимчивость. Но ко времени рожденія Ломоносова жизнь Холмогоръ рѣзко измѣняется. Къ концу XVII в. уничтожается свободная торговля солью, т. е. главный источникъ богатства. Маленькій когда то портъ Св. Николая у монастыря Архангельскаго, ниже по Двинѣ, растетъ и медленно но вѣрно убиваетъ торговлю Холмогоръ. Построенный въ 1525 г. портъ Св. Николая, къ концу XVII вѣка разрастается въ большой торговый городъ, названный именемъ монастыря—„Архангельскъ“, который стягиваетъ къ себѣ всю торговлю края отъ Холмогоръ и, наконецъ, страшный пожаръ въ 1698 г. окончательно разворилъ богатые когда то Холмогоры. „До сего времени, говоритъ Крестининъ [1]), холмогорскіе купцы и ремесленники во

[1]) Крестининъ „Начертаніе гор. Холмогоръ“.

время ярмарки, проживали въ сосѣднемъ г. Архангельскѣ лѣтнее время, а осенью возвращались въ дома съ желаемыми прибытками отъ торговли; но послѣ сего пожара многіе изъ холмогорскихъ гражданъ не захотѣли на мѣстѣ погорѣлыхъ своихъ домовъ строить новые дома и начали поселяться въ Архангельскѣ".

Жизнь постепенно засыпаетъ. Вновь отстроенный послѣ пожара Холмогоры былъ уже не прежнимъ богатымъ и шумнымъ городомъ, а ничтожнымъ, который лишь сохранилъ множество преданій о бывшемъ богатствѣ и могуществѣ и оживалъ въ дни своихъ мелкихъ ярмарокъ, и только одинъ рыбный промыселъ кормилъ коренное населеніе Холмогоръ и его окрестныхъ деревень. Бѣдность накладываетъ свою печать на бывшихъ буйныхъ новгородцевъ. Суровые, работящіе, придавленные бѣдностью они крѣпко держатся семьи и своихъ старыхъ обычаевъ. Умственная жизнь народа падаетъ окончательно.

Даже среди малограмотной въ то время Россіи, Архангельская губернія въ XVIII в. выдѣлялась особенной безграмотностью, и каждый норвежскій поселянинъ, говоритъ Лепехинъ въ своемъ путешествіи [1]), знаетъ грамоту своего языка, знаетъ катехизисъ, а многіе знаютъ и ариѳметику, напротивъ того въ Двинскомъ народѣ въ двухъ уѣздахъ Архангелогородскомъ и Холмогорскомъ гдѣ находится 25924 души мужского пола, считается грамотныхъ людей только 1842 человѣка. Въ тѣхъ же округахъ числится женскаго пола 27949 душъ, но грамотныхъ изъ нихъ не сыщется, какъ думать можно, трехсотъ". При томъ надо замѣтить, что Лепехинъ путешествовалъ тамъ послѣ смерти Ломоносова, когда грамотность стала понемножку проникать во всѣ углы Россіи. За то XVII вѣкъ, который въ корень уничтожилъ торговлю холмогоровъ, влилъ въ число постоянныхъ жителей Архангельской губерніи чуждый имъ народъ.

---

[1]) Т. IV, стр. 423.

Страшное преслѣдованіе раскольниковъ въ Москвѣ, заставили ихъ, защищая чистоту своей вѣры, бѣжать въ Архангельскую губернію цѣлыми семьями; ссыльные и добровольные бѣглецы стали заселять лѣса и болота по обонмъ сторонамъ Двины. Живя замкнуто они сторонились кореннаго населенія и въ то же время возбуждали къ себѣ интересъ поморовъ.

Два разныхъ міра въ концѣ концовъ должны были столкнуться несмотря на всю отчужденность раскольниковъ, тѣмъ болѣе, что поморы, чуждые церковной распри, не могли быть ихъ врагами.

Новый пришлый людъ окрестныхъ лѣсовъ и болотъ внесъ, разумѣется, много новаго въ жизнь кореннаго крестьянства. Раскольники, живя отдѣльно, старались расширить число своихъ послѣдователей и несмотря на то, что какъ напримѣръ Ѳедосѣевцы, питая ко всѣмъ непобѣдимую ненависть, окуривали свои избы послѣ прихода крестьянъ неѳедосѣевцевъ „дабы очистить запахъ аріанскій“ и проходя мимо православныхъ церквей зажимали носъ и уши „дабы не обнять волю діавола и не слышать львинаго рыканія“. Даже эта отчужденность и явное оскорбленіе православныхъ не родило острой вражды. Сближеніе между тѣми и другими незамѣтно, но вѣрно росло. Трезвая жизнь раскольниковъ, знаніе священнаго писанія, честность и набожность завоевали симпатіи поморовъ, въ общемъ равнодушныхъ къ религіознымъ спорамъ. И ко времени Ломоносова уже многіе поморы были раскольники, какъ и отецъ Ломоносова—Василій Дорофѣевъ [1]). Положимъ трезвость раскольниковъ не выдѣлялась особенно ярко, потому что и коренное населеніе вело сравнительно трезвую жизнь и множество кабаковъ холмогорскихъ пустовали во всѣ дни, кромѣ ярмарочныхъ. Эта трезвость особенно отразилась въ деревняхъ.

---

[1]) Максимовъ. Годъ на сѣверѣ. Изд. 3-е, стр. 663.

Среди такой обстановки и родился Ломоносовъ.

Къ сожалѣнію, годъ его рожденія точно не установленъ.

Родился Ломоносовъ на Курсъ-островѣ, въ деревнѣ Денисовкѣ, какъ ее звали по писанному или „Болотомъ“—по домашнему. Скученъ и однообразенъ видъ окрестностей деревни Денисовки. Низменный островъ часто заливало въ полую воду. Кругомъ топкія болота, усѣянныя кочками и на всѣхъ сухихъ мѣстахъ разбросаны деревни съ десяткомъ низкихъ, крѣпко срубленныхъ избъ. Болото, холмы и мохъ тянулись кругомъ, сливаясь съ низкимъ берегомъ рѣки. Въ одну сторону отъ Денисовки виднѣются Холмогоры со своими старинными церквами, а съ противоположной стороны открывается видъ на красивое село Вавгуни.

Жизнь была тихая, скованная тяжелой заботой о промыслѣ и сбереженіемъ лишней копѣйки. Жизнь сѣрая, однообразная, лишенная всего яркаго, отраднаго всего, что могло бы питать душу и умъ. Вотъ все что увидѣлъ Ломоносовъ и чѣмъ жилъ во время своего бѣднаго впечатлѣніями дѣтства.

Отецъ Ломоносова Василій Дорофѣевъ или Ѳедоровъ, какъ сказано въ ревизскихъ сказкахъ, былъ среди окружающихъ далеко не заурядный человѣкъ. У него была земля, которой онъ владѣлъ на правахъ собственности и, кромѣ того, „промыслъ имѣлъ на морѣ по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для ловли рыбы, трески и палтосины на своихъ судахъ, изъ коихъ въ одно время имѣлъ не малой величины гуккоръ съ корабельною оснасткою“. По другимъ источникамъ былъ „промысломъ рыбакъ“, но и здѣсь мы видимъ, что „и первый изъ жителей сего края состроилъ и по европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ [1]) и прозвалъ его „Чайкою“, ходилъ на

1) Въ XII стол. такъ назывались небольшія галеры для метанія греческаго огня. При Петрѣ Великомъ это названіе ведется небольшимъ одномачтовымъ грузовымъ судамъ съ тандерскимъ вооруженіемъ.

немъ по сей рѣкѣ, Бѣлому морю и Сѣверному океану". Это особенно важно, потому что отсюда видно, что отецъ Ломоносова былъ человѣкъ смѣлый, умный, готовый, несмотря на равнодушіе и бѣдность земляковъ, ввести новшество въ рыболовное и морское дѣло, и въ тоже время „собою былъ простосовѣстенъ и къ сиротамъ податливъ, а съ сосѣдями обходителенъ, *только грамоть не ученъ*", и эта безграмотность при его умѣ и обширныхъ торговыхъ предпріятіяхъ сильно давала себя чувствовать и нѣтъ сомнѣнія, что въ подростаемомъ сынѣ онъ хотѣлъ имѣть не только помощника-рыбака, но и грамотнаго человѣка, чтобы не быть такимъ безпомощнымъ въ дѣлахъ, какъ самъ. Мать Ломоносова была тоже не „маленькій" человѣкъ въ краѣ. Она была дочь дьякона и Василій Дорофѣевъ, по всей вѣроятности, женился на ней благодаря своей зажиточности и близости къ церкви. Къ сожалѣнію, о матери Ломоносова мы очень мало знаемъ, но судя по немногимъ извѣстіямъ и воспоминаніямъ самого Ломоносова можно заключить, что она была женщиной тихой, набожной и до самозабвенія любила своего единственнаго сына и, разумѣется не могла препятствовать ему учиться грамотѣ, а скорѣе всего если и не научила его грамотѣ, то пріохотила къ чтенію священнаго писанія, къ которому она привыкла дома.

Но была еще другая причина которая помогла Ломоносову выучиться грамотѣ. Какъ мы видѣли, Василій Дорофѣевъ былъ раскольникъ „и, можетъ быть, по обычаю своихъ единовѣрцевъ, считающихъ первою обязанностью имѣть сына, разумѣющаго церковную печать,—отдалъ его въ школу" [1]).

Первые годы сознательной жизни Ломоносова были самыми счастливыми годами его жизни. Онъ росъ подъ надзоромъ любящей, доброй матери въ довольствѣ. Но

---

1) Максимовъ. Годъ на сѣверѣ. Изд. 3-е, стр. 663.

эта жизнь не могла продолжаться долго; едва окрѣпнувъ, онъ уже сталъ помогать отцу и съ азбуки пріучаться къ работѣ. Лѣтъ съ семи онъ уже несетъ трудную должность „зуйка“ или мальчика подростка, на обязанности котораго было: чистить посуду, носить воду, готовить кушанье, убирать сѣти, обирать рыбу и чистить ее. Въ такой работѣ они проводили цѣлый день и даже большую часть ночи. Очень часто случалось, что зуекъ, за чѣмъ-нибудь посланный, отъ усталости, незамѣтно для себя падалъ на землю и засыпалъ; взрослые не дождавшись, находили его спящимъ и никакія силы не могли заставить его проснуться. Но скоро Михайло, какъ и его товарищи, уступаютъ обязанности зуйка другимъ, становятся полноправными помощниками и уходятъ въ море, въ жизнь полную труда, лишеній и опасностей.

„Не учась еще россійской грамотѣ“, разсказываетъ самъ Ломоносовъ, „ходилъ неоднократно въ море“, а въ другомъ мѣстѣ добавляетъ, что отецъ началъ брать его отъ десяти до 16-лѣтняго возраста съ собою каждое лѣто и каждую осень на рыбныя ловли въ Бѣлое и Сѣверное моря. Ѣздилъ съ нимъ даже до Колы, а иногда и въ Сѣверный океанъ до 70°. широты мѣста. Разумѣется, эта жизнь среди труда дома, на морѣ лѣтомъ и въ тяжелые непастные дни глубокой осени, какъ и вообще вся окружающая жизнь молодого Ломоносова вырабатывала способность къ труду, непреклонный характеръ и смѣлую настойчивость, которымъ не были страшны никакія препятствія. Но едва ли эта жизнь могла заставить работать его умъ или привить простую охоту грамотѣ. Даже фантастическое сѣверное сіяніе не могло заставить его задуматься надъ необыкновеннымъ явленіемъ; для думъ не было времени, какъ не было и необходимости. Да и само сіяніе было слишкомъ привычно для поморовъ. Онъ видѣлъ его, какъ и солнце, отъ самаго рожденія. И мы глубоко увѣрены, что первый толчекъ для развитія ума былъ данъ постороннимъ

вліяніемъ, независимымъ отъ обыденной жизни и природы.

Обученіе Ломоносова грамотѣ, какъ мы видѣли, началось не ранѣе 10-ти лѣтняго возраста. Въ одномъ изъ своихъ воспоминаній Ломоносовъ говоритъ, что „въ селеніи своемъ научился у одного тамошняго священнослужителя читать и писать порусски". По другимъ источникамъ его первымъ учителемъ былъ его сосѣдъ крестьянинъ Иванъ Шубный.

Научившись грамотѣ, онъ, безъ сомнѣнія, сталъ необходимымъ и единственнымъ помощникомъ отца по письменной части и въ торговлѣ, но продолжалъ смотрѣть на грамоту, какъ и его отецъ, только съ практической стороны.

Къ счастью Ломоносова, какъ мы видѣли ранѣе, мать его была дочерью дьякона, въ долгіе зимніе вечера, когда, природой оторванные отъ обычной работы, они коротали жизнь дома; въ эти вечера молодой Ломоносовъ подъ вліяніемъ матери, любившей, въ силу семейной обстановки, чтеніе св. писанія, сталъ читать его и для домашнихъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и отецъ его любилъ и былъ близокъ къ церкви, что видно изъ щедрыхъ пожертвованій на построеніе Куростовской церкви и сбора добровольныхъ пожертвованій среди своихъ сосѣдей. Такъ, въ 1727 г. мы видимъ, что „декабря 26 дня высыпано изъ запечатаннаго ящика въ трапезѣ при священникахъ и при мірскихъ людяхъ рубль девять алтынъ, въ которомъ ящикъ у города на ладьяхъ собралъ Василій Ломоносовъ съ товарищами", а далѣе Ломоносовъ уже одинъ безъ товарищей „въ церковное каменное строеніе далъ десять рублей денегъ". Эта близость къ церкви и короткое, родственное отношеніе къ священнослужителямъ сдѣлали то, что молодой Ломоносовъ скоро начинаетъ къ удовольствію матери и къ понятной гордости отца, читать и въ церкви [1]).

[1]) Извѣстія о жизни Ломоносова при академическомъ собраніи его сочиненій 1784 г.

„Черезъ два года учинился, говорится въ извѣстіяхъ къ удивленію всѣхъ, лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви. Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика, что нерѣдко биванъ былъ не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ передъ ними, произносить читаемое мѣсто разстановочно, внятно, а притомъ и съ особою пріятностью и ломкостью голоса".

Но и въ этихъ воспоминаніяхъ мы не улавливаемъ даже слабаго пробужденія первобытнаго ума мальчика, тутъ такъ и брызжетъ молодой задоръ самолюбиваго чтеца и соревнованіе со старшими товарищами, за что былъ битъ. Чтеніе священнаго писанія не могло натолкнуть его ни накакіе вопросы, которые бы заставили мыслить. Все вниманіе мальчика при чтеніи было исключительно направлено поразить слушателя умѣніемъ быстро прочесть положенное по службѣ мѣсто въ книгѣ, не вникая въ смыслъ часто непонятныхъ словъ. Смыслъ церковнаго чтенія и теперь недоступенъ для молящихъ, а въ то время былъ недоступенъ и для читающаго, не только мальчика, но и взрослаго. Такъ что близость церкви дала ему только искусство читать мертвыя для него слова, но не способность мыслить.

Окружающая же жизнь, даже сравнительно свободнаго зимняго времени, тоже не могла ничего дать для ума. Правда, сѣрую будничную жизнь зимы разнообразили рѣдкія гулянія и собранія молодежи. На святкахъ, въ заговѣніе и на второй или третій день Рождества устраивались вечеринки, гдѣ собирались дѣвушки и парни; эти вечеринки не отличались шумнымъ веселіемъ. Дѣвушки, каждая съ рукодѣліемъ, чинно садились на скамьи, пѣли пѣсни, танцовали монотонные, какъ жизнь танцы, играли хоровыя игры и, только на святкахъ, молодые поморы и даже старики точно оживали, ходили толпами по улицамъ; стучась въ окна домовъ, ходили хухольники, т. е. ряженные, одѣтые въ выворо-

ченныя на изнанку шубы и въ другихъ фантастическихъ одѣяніяхъ, не одѣвая однако маски, что считалось большимъ грѣхомъ а раскрашивали лицо, и послѣ веселыхъ святокъ, единственнаго яркаго проблеска, жизнь вступала опять въ свое скучное русло и текла тихо и трудно. Разумѣется и эти рѣдкіе праздники не могли развивать Ломоносова.

Гдѣ же и когда, наконецъ, Ломоносовъ получилъ толчекъ, заставившій проснуться его умъ? Толчекъ, который выбилъ его изъ застывшаго умственнаго кругозора помора и разбудилъ дремавшій до поры геній.

Въ началѣ очерка мы говорили о раскольникахъ и ихъ пропагандѣ среди мѣстныхъ жителей; нѣтъ никакого сомнѣнія, что они обратили особое вниманіе на молодого чтеца, притомъ же сына одного изъ зажиточныхъ крестьянъ и къ тому, если не раскольника, то очень близкаго къ расколу.

Дѣйствительно отецъ Ломоносова къ тому времени можетъ былъ уже и приверженцемъ православной церкви. Эта религіозная двойственность была тоже особенной чертой жителей Холмогоръ.

Очень возможно, что мальчикъ, польщенный вниманіемъ видныхъ раскольниковъ и, упоенный собственнымъ успѣхомъ чтеца, вступилъ въ болѣе близкія сношенія съ главарями сектъ, побуждаемый природной, но еще спавшей, любознательностью. Старовѣры, стараясь склонить его въ свою вѣру, съ присущей имъ страстностью, стали указывать отступленіе господствующей церкви отъ истинной вѣры и выставлять достоинство и святость своей старой вѣры. Страстные споры за и противъ, споры, на которыхъ первобытный умъ юноши не могъ дать отвѣта, заставили его впервые въ жизни задуматься надъ отвлеченными вопросами; кромѣ того раскольники открыли передъ нимъ жизнь Москвы съ ея интересами, борьбой и новшествами, а разсказами

о Петрѣ В. какъ противникѣ и ихъ гонителѣ, это окончательно выбило Ломоносова изъ его умственной спячки.

Надо замѣтить, что Петръ В. въ глазахъ помора былъ великъ и любимъ и какъ нельзя ближе подходилъ по духу къ смѣлому помору.

О Петрѣ В. среди жителей Двины ходили разсказы и воспоминанія, которые, передаваясь изъ устъ въ уста, къ тому времени выросли въ цѣлые легендарные подвиги; мало того, были живы старики которые видали Петра В. собственными глазами. Были живы свидѣтели закладки и спуска въ Соломбанѣ, въ присутствіи Петра В., перваго русскаго большого корабля, а въ сосѣдней деревнѣ съ Денисовкой Вавгунѣ жили дѣти богатаго крестьянина Баженина, любимца Петра, гдѣ онъ останавливался и гдѣ тоже строились по его повелѣнію торговыя суда; наконецъ, въ Архангельскѣ, гдѣ Петръ В., послѣ большой, опасной бури, вступилъ на землю, стоялъ крестъ и, по всей вѣроятности, не разъ передъ этимъ крестомъ стоялъ Ломоносовъ.

Въ глазахъ поморовъ Петръ былъ герой и благодѣтель „ихъ“ края, передъ которымъ все преклонялось. И впервые, въ откровенныхъ бесѣдахъ раскольниковъ, юноша опредѣленно услышалъ, что Петръ В. антихристъ, а главное врагъ народа и церкви. Правда, онъ и раньше зналъ, что раскольники не любятъ Петра В., но это были только разговоры, которые не заставляли задумываться. Теперь же онъ узналъ другія стороны жизни и дѣятельности Петра В., неизвѣстныя ему.

Узналъ жизнь и Петра, не похожаго на жизнь и Петра В. поморовъ.

Эти противоположности впервые родили рядъ смутныхъ, но мучительныхъ вопросовъ, которые стали преслѣдовать его дома и на работѣ. Мало того, онъ узналъ о новыхъ Петровскихъ школахъ, такъ ненавистныхъ раскольникамъ, о новыхъ „еретическихъ“ наукахъ. Предъ нимъ, въ озлобленныхъ разсказахъ

ревнителей старой вѣры, неожиданно открываются картины новой жизни, новыхъ интересовъ, такъ не похожихъ на окружающіе.

Умъ болѣзненно работалъ.

Проснувшійся геній требуетъ отвѣты на вопросы. Но отвѣтовъ не было. Отвѣты на эти вопросы не могли дать ни раскольники, ни знакомые ему старики земляки. Прежняя спокойная, трудовая жизнь юноши раздваивается.

Не получая удовлетворенія отъ раскольниковъ на свои смутные вопросы ума онъ, послѣ двухъ лѣтъ мучительныхъ исканій, порываетъ съ ними всякія сношенія и, по всей вѣрятности, понемногу приходитъ къ убѣжденію, что отвѣты на эти вопросы онъ найдетъ въ еретическихъ книгахъ Петра В., гражданскаго шрифта.

Можно смѣло сказать, что это время было главнѣйшимъ переломомъ умственной жизни Ломоносова. Проснулся геній и освятилъ его первобытный умъ, разбудилъ интересы къ сознательной жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принесъ страшную муку и счастье.

Но гдѣ достать эти завѣтныя книги? Ломоносовъ припоминаетъ что когда то онъ видѣлъ неизвѣстныя книги Петра В. у своего сосѣда старика Дудина. Онъ идетъ къ нему, проситъ книги и получаетъ отказъ, потому что старикъ Дудинъ, непонятныя для него книги хранилъ какъ святыню, какъ воспоминаніе о Петрѣ В. Послѣ мучительной борьбы съ самимъ собой, самолюбивый юноша просилъ опять и старикъ уступилъ настойчивой просьбѣ юноши и ссудилъ ихъ ему на нѣсколько дней.

Но книги эти были недоступны Ломоносову.

Нѣсколько дней прошло быстро и Ломоносовъ опять, подавляя свое самолюбіе, долго угождая тремъ сыновьямъ старика добивается наконецъ того, что книги переходятъ въ его собственность.

Только теперь говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ

Ломоносовъ: „я нашелъ врата своей учености". „Отъ сего времени, читаемъ мы дальше, онъ не разставался съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою, и непрестанно читая, вытвердилъ наизусть". [1]). Эти первыя книги, доставшіяся съ такимъ трудомъ Ломоносову, были грамматика Смотритскаго и ариѳметика Магницкаго, которыя обнимали почти всю книжную мудрость того времени; притомъ надо помнить, что ариѳметика Магницкаго заключала въ себѣ разнообразныя свѣдѣнія, кромѣ ариѳметики, изъ всѣхъ почти извѣстныхъ въ то время наукъ: геометрію, физику и астрономію, а также были таблицы склоненія магнитнаго и солнечнаго и другіе предметы. И Ломоносовъ весь ушелъ въ новую для него умственную жизнь, но крѣпкая голова помора работала туго. Мучительно больно было сознаніе своего безсилія и еще мучительнѣе, когда знаешь что и обратиться за помощью не къ кому. Окружающіе его люди простые, но большей частью неграмотные рыбаки, были всецѣло погружены въ свою тяжелую работу и заботу о хлѣбѣ насущномъ и, можетъ быть, даже лучшіе изъ нихъ, къ которымъ въ отчаяніи своего умственнаго безсилія, обращался юноша съ вопросами, смотрѣли на него съ удивленіемъ, совѣтовали бросить пустую затѣю, а можетъ быть и смѣялись.

Только проснувшійся геній могъ выдержать эту борьбу и въ отчаяніи не бросить книги и не стать тѣмъ, чѣмъ были окружающіе его люди.

Юноша весь ушелъ въ себя; пытливо, шагъ за шагомъ, самостоятельно, съ неимовѣрнымъ трудомъ разгадывалъ книжную мудрость и, разумѣется, обычная промысловая работа не могла уже поглощать его какъ раньше всецѣло, напротивъ, эта работа съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отрываетъ его отъ книгъ и дѣлается не любимой. Но при жизни доброй матери

[1]) Извѣстія о жизни Ломоносова. Академич. изд. Собранія его сочиненій. 1784.

эта небрежность къ обычной работѣ проходила незамѣтно; къ тому же можетъ быть помогая отцу онъ уже не несъ тяжелаго труда работника, но занимался счетной и письменной частью, которая ему оставляла много свободнаго времени; мы это говоримъ потому, что нигдѣ, ни въ воспоминаніяхъ Ломоносова, ни у его современниковъ не находили, чтобы отецъ выражалъ неудовольствіе на увлеченіе сына чуждой ему грамотой.

Со смертью матери жизнь Ломоносова рѣзко измѣняется; къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ годъ ея смерти, но судя по воспоминаніямъ Ломоносова она умерла когда ему было около пятнадцати лѣтъ.

Отецъ женился на другой, дочери крестьянина Троицкой - Ухтостровагой волости, Михаила Ускаго, Ирины.

Тутъ начинается второй не менѣе важный періодъ юности Ломоносова.

Прежняя тихая жизнь съ любимой, доброй матерью ушла вмѣстѣ съ ея смертью. Любимыя занятія книгами начинаютъ навлекать на него большія непріятности. Новая жена отца, его мачиха, о которой мы имѣемъ тоже очень скудныя свѣдѣнія, оставила большую горечь въ душѣ пасынка.

Эта была, по всей вѣроятности, какъ всѣ женщины крестьянской среды, „скопи-домокъ“ и при томъ не изъ достаточной семьи, что подтверждается ея выходъ за пожилого вдовца. Вступивши въ зажиточный домъ, она старается всѣми силами увеличить достатокъ. Ея узкая хозяйственная натура хочетъ выжать изъ всего пользу. Властная, сильная, она пользуется уступчивостью мужа, какъ мы видѣли, суроваго и смѣлаго на морѣ и добраго въ семьѣ, и всецѣло подчиняетъ его своему вліянію. При томъ не надо забывать, что женщина вступая въ семью, гдѣ есть дѣти отъ первой жены и притомъ взрослыя, инстинктивно думаетъ встрѣтить отъ нихъ если не вражду, то во всякомъ случаѣ и не любовь.

По всей вѣроятности, она и не ошиблась; это подтверждаетъ и самъ Ломоносовъ.

Долго спустя, въ письмѣ къ Шувалову отъ 31 мая 1753 г., пишетъ: „имѣючи отца хотя по натурѣ и добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго и злую, завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться чему возможно было въ уединеніи и пустыхъ мѣстахъ и терпѣлъ стужу и холодъ". Но въ этомъ письмѣ есть большія преувеличиванія. Мы видѣли, что несмотря на крайнѣе невѣжество отца, Ломоносовъ при жизни матери не встрѣчалъ съ его стороны большаго препятствія и могъ заниматься наукой. Относительно же мачихи можно сказать съ достовѣрностью, что ея нападки на сына были вполнѣ естественны. Она не понимала его книгъ и смотрѣла на пасынка какъ на взрослаго работника при томъ сурьезнаго, а не „лодыря". Ее сердило не желаніе юноши учиться, а не желаніе работать. При ненормальныхъ же семейныхъ отношеніяхъ и скорѣй всего при явномъ и, можетъ быть, рѣзкимъ отпоромъ юноши, она, чувствуя свою власть надъ мужемъ, старалась вооружить его противъ сына, и заставить такимъ путемъ бросить его книги и стать полезнымъ работникомъ какъ всѣ.

И такъ прежній миръ, спокойствіе и взаимная любовь въ семьѣ пропали. Юноша бѣгалъ изъ дому, отецъ, подъ вліяніемъ жены, сталъ во враждебное отношеніе къ сыну; здѣсь столкнулись два родныхъ, упорныхъ характера отца и сына; каждый защищалъ свое настойчиво. Но борьба была все-таки далеко неравная. Авторитетъ отца высоко держался въ семьѣ поморъ. Юноша видѣлъ, что нужно или бросить книги и подчиниться отцу, или бѣжать изъ дому. И мы убѣждены, что разногласіе въ семьѣ, которое сдѣлало невозможнымъ занятіе любимой наукой, подсказало впервые

мысль Ломоносову бѣжать изъ дома. Но, кромѣ того, была еще другая не менѣе важная причина рѣшиться бѣжать,—это предполагаемая женитьба. Правда, женитьба юноши выдвигалась уже нѣсколько разъ, напримѣръ, мы знаемъ, что „одно время его отецъ сговорилъ было въ Колѣ у не подлаго человѣка за него дочь, однако, онъ тутъ жениться не похотѣлъ, претворилъ себѣ болѣзнь и потому этого совершенно не было“ 1). Но теперь, и опять-таки вѣрно подъ вліяніемъ мачихи, чтобы избавиться отъ нелюбимаго пасынка, этотъ вопросъ о женитьбѣ сталъ рѣшительно и остро. Новиковъ спустя семь лѣтъ послѣ смерти Ломоносова писалъ 2): „къ сему же его побудило (бѣжать отъ отца) и упорное желаніе его родителя, дабы женить поневолѣ“. Все это взятое вмѣстѣ ясно говорило юноши, что одинъ исходъ для него—бѣжать изъ дома отца. Нѣтъ сомнѣнія, что сейчазъ же послѣ разрыва съ раскольниками и до опредѣленной мысли о бѣгствѣ онъ распрашивалъ обозниковъ изъ Москвы и всѣхъ кого могъ о тамошнихъ школахъ. Теперь, рѣшивъ бѣжать, эти школы стали для него свѣтомъ, который непобѣдимо тянулъ къ себѣ. Но какъ бѣжать, а главное куда, въ какія школы? Этотъ вопросъ для юноши былъ теменъ и онъ не могъ рѣшить его одинъ и если бы рѣшилъ; то по всей вѣроятности не такъ, какъ онъ рѣшился.

Чтобы уяснить это вѣрнѣе, мы позволимъ себѣ маленькое отступленіе. Принято думать, что люди окружавшіе Ломоносова были совершенно невѣжественны и, что главное, они ни въ коемъ случаѣ не могли сочувствовать ему въ стремленіи учиться, а, напротивъ, всячески отговаривали отъ этой пустой затѣи и даже открыто смѣялись; разумѣется, подавляющее большинство было того мнѣнія, но зато можно съ увѣренностью ска-

1) Лепехинъ, путешествіе.

2) Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателей, стр. 119—120 Спб. 1772 г.

зать, что среди знакомыхъ и родныхъ Ломоносова были люди, не знающіе науки но любящіе и знающіе ей цѣну, которые понимали стремленія юноши и помогли ему бѣжать и даже поступить въ Заиконоспасское училище, а не въ какое-нибудь другое.

Не случайно, конечно, были у Дудина книги Сматрицкаго и Могницкаго, иначе бы онъ ихъ отдалъ Ломоносову по первой просьбѣ, а скорѣй всего давно бы ихъ сжегъ или бросилъ, какъ ненужный хламъ; но мы видимъ, напротивъ, что старикъ эти книги берегъ какъ святыню и много труда нужно было Ломоносову, чтобы ихъ получить. Не случайно, разумѣется, изъ той же семьи Дудиныхъ, ихъ сынъ Петръ, въ іюлѣ 1758 году поступаетъ въ Петербургъ въ академическую гимназію учиться рисованію. Изъ другой же близкой Ломоносову семьи, старика Шубина, который можетъ быть былъ первымъ учителемъ его, сынъ Ѳома приходитъ въ Петербургъ и, благодаря поддержки Ломоносова, становится замѣчательнымъ русскимъ скульпторомъ. „Въ 1759 году Ѳома приходитъ пѣшкомъ въ столицу и опредѣленный благодаря Ломоносову, въ Академію художествъ, получилъ здѣсь всѣ награды, по окончаніи ея совершенствовался въ Италіи и Франціи и возвратившись былъ профессоромъ и ректоромъ“. И работаетъ лучшіе статуи и бюсты Имп. Екатерины II и ея сподвижниковъ [1]). И Петру Дудину и Ѳомѣ Шубину пришлось навѣрно перенестн не мало горя но какъ и юнаго Ломоносова ихъ поддержали отцы. Это была умственная аристократія края, если только такъ можно выразиться о людяхъ старыхъ, почти неграмотныхъ, но инстинктивно видѣвшихъ въ наукѣ свѣтъ и силу. Они и помогли бѣжать Ломоносову.

Нѣтъ сомнѣнія, что тяжелое семейное положеніе юноши Ломоносова и его жажда къ наукѣ было извѣстно и близкимъ имъ семьямъ Дудину и Шубину и только они

[1]) Большая энциклопедія подъ ред. Южанова, т. 20, стр. 408.

одни могли оформить его туманную мысль—бѣжать и учиться.

Во всякомъ случаѣ извѣстно, что онъ не для всѣхъ въ деревнѣ бѣжалъ тайно, а скорѣй всего бѣжалъ даже съ молчаливаго согласія отца. Въ волостной книгѣ, для записей поручителей въ платежѣ податей, написано: „1730 года декабря 7 дня отпущенъ Михайло Васильевичъ сынъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года, а порукою по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Банаевъ росписался“ [1]). Далѣе же мы видимъ, что уходя изъ дому Ломоносовъ выпросилъ у сосѣда своего Ѳомы Шубина китайское полукофтанье и заимообразно три руб. денегъ [2]). Если сопоставить съ этимъ займомъ зажиточность отца Ломоносова, и близкое знакомство ихъ то становится ясно, что Шубинъ далъ ему деньги и одежду для далекаго путешествія и помогъ можетъ быть, какъ мы увидимъ выше, даже указаніемъ, гдѣ остановиться въ Москвѣ и куда поступить. Правда, въ томъ же „Путешествіи“ Лепехина говорится, что „взялъ себѣ онъ паспортъ не явочнымъ образомъ посредствомъ управляющаго тогда въ холмогорахъ земскими дѣлами Ивана Васильевича Милюкова“. И это даетъ право думать, что людей сочувствующихъ бѣгству юноши было больше, чѣмъ мы знаемъ“.

О самомъже моментѣ ухода Ломоносова изъ родной деревни, мы читаемъ поэтическое описаніе Штелинга которому, кстати сказать, нельзя особенно довѣрять, когда онъ говоритъ о своихъ друзьяхъ или недругахъ: „Изъ селенія его отправлялся обозъ въ Москву караванъ съ мерзлою рыбою. Всячески скрывая свое намѣреніе (Ломоносовъ), по утру смотрѣлъ, какъ-будто изъ одного любопытства на выѣздъ сего каравана. Слѣдующею ночью, какъ всѣ

[1]) Труды Архангельскаго Статистическаго комитета за 1865 г. к. I Отд. историч. ст. VII.

[2]) Лепехинъ. Путешествія, стр. 301—302.

въ домѣ отца его спали, надѣлъ двѣ рубашки и нагольный тулупъ, погнался за ними въ слѣдъ". Но существуетъ и другой разсказъ объ уходѣ Ломоносова, гдѣ мы не видимъ обоза, Ломоносовъ просто ушелъ и „дошелъ до Антіоніева Сійскаго Монастыря, въ разстояніи отъ Холмогоръ по Петербургскому тракту во стѣ верстахъ", „былъ въ ономъ нѣкоторое время, оправлялъ псаломческую должность" [1]). Но въ монастырѣ онъ оставался недолго, можетъ быть, изъ боязни, что за малымъ разстояніемъ отъ родины его найдутъ и онъ, читаемъ дальше тамъ же: „заложилъ тутъ взятое имъ у Ѳомы Шубнаго полукофтанье мужику Емчанину, котораго потомъ выкупить уже не удалось, ушелъ оттолѣ въ идущему Москву [2]).

И въ дорогѣ онъ, можетъ быть присталъ къ обозу, въ Москву.

Не надо забывать, что это было въ декабрѣ 1730 года или въ январѣ 1731 года, т. е. въ самые сильные морозы.

II.

По прибытіи въ Москву для Ломоносова начинается другой важный періодъ его жизни. Къ сожалѣнію, о этомъ періодѣ, какъ и вообще о всей частной жизни Ломоносова мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Штелингъ, имя котораго мы уже упоминали выше, говоритъ, что по прибытіи въ Москву „первую ночь проспалъ Ломоносовъ въ общихъ баняхъ у рыбнаго ряда, на завтра проснулся такъ рано, что еще всѣ товарищи его спали. Въ Москвѣ не имѣлъ ни одного знакомаго человѣка; отъ рыбаковъ, съ нимъ пріѣхавшихъ, не могъ ожидать никакой помощи. Занимались они продажею только рыбы

[1]) Озарецковскій. Въ Путешествіи Лепехина воспом. подписано В. Варфоломѣевъ.

[2]) Озарецковскій. Въ путешествіяхъ Лепехина, воспоминанія подписанное В. Варфоломѣемъ.

своей, совсѣмъ объ немъ не помышляя. Овладѣла душою его скорбь; началъ горько плакать; палъ на колѣни; обратилъ глаза къ ближайшей церкви и молилъ усердно Бога, чтобъ его призрѣлъ и помиловалъ". И далѣе „у каравань-приказчика, (земляка Ломоносова), былъ знакомый монахъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, который часто къ нему хаживалъ; черезъ два дня послѣ пріѣзда его (Ломоносова) въ Москву, пришелъ съ нимъ повидаться. Представя ему молодого своего земляка, онъ разсказалъ объ его обстоятельствахъ, о чрезмѣрной охотѣ къ ученію, и просилъ усиленно постараться, чтобы приняли его въ Заиконоспасское училище. Монахъ взялъ это на себя и исполнилъ самымъ дѣломъ. Итакъ учинился нашъ Ломоносовъ ученикомъ въ семъ монастырѣ". Безспорно, можетъ это и было такъ въ дѣйствительности, но мы думаемъ, что и къ этому разсказу Штелинга надо относиться очень осторожно. Трудно допустить, чтобы Ломоносовъ, отправленный въ Москву Дубинымъ и Шубинымъ, не зналъ ничего ни о Москвѣ, ни объ томъ училище, куда онъ будетъ поступать. Тѣмъ болѣе, что его доброжелатели, люди зажиточные, торговые, безспорно, имѣли дѣловое сношеніе съ Москвой. Ихъ люди часто ходили съ обозами, были знакомы и съ монахами Заиконоспасскаго монастыря, гдѣ былъ большой спросъ на рыбу, потому не естественнѣе ли допустить, помимо поэтической картины Штелинга, что Ломоносовъ зналъ еще на родинѣ къ кому ѣдетъ и зналъ, что ему надо поступать, черезъ знакомыхъ монаховъ въ Заиконоспасскія школы, а не въ другія. Къ тому же и самый выборъ школы сдѣланъ очень удачно и видно человѣкомъ знающимъ школьное дѣло, потому что „Московская славяно-греко-латинская академія, была единственная организованная профессіональная школа" [1]) того времени. Къ тому-же поступленіе въ За-

[1]) Каптеревъ. Исторія русской педагогики.

иконоспасскія школы было ограничено. Указомъ 1731 г. опредѣлено, что только „Московскіе священнослужители имѣютъ право отдавать своихъ дѣтей въ академію“ [1]). Чтобы поступить въ школу надо было побороть это препятствіе и, разумѣется, посторонній человѣкъ едва ли бы это сдѣлалъ. Ломоносову пришлось назваться сыномъ священнослужителя, а можетъ быть кому-нибудь пришлось это и подтвердить. Надо, однако, оговориться, что это ограниченіе было фиктивное. Уже въ 1732 году начальство ясно сознавало, что если держаться этого правила, то „ученіе распространеніемъ пресѣчется“, и потому это правило часто обходили. Итакъ, первый шагъ по пріѣздѣ въ Москву былъ сдѣланъ, и передъ Ломоносовымъ открылись наконецъ двери науки.

Заиконоспасское училище, основанное царемъ Ѳеодоромъ, при монастырѣ того же имени, помѣщались въ большомъ трехэтажномъ каменномъ зданіи и глядѣло фасадомъ къ городской стѣнѣ. Тутъ же помѣщались классы и квартиры учителей. Другая сторона была обращена къ монастырю, гдѣ были пристроены еще два корпуса и въ мѣстѣ ихъ соединенія возвышалась башня, гдѣ по лѣстницѣ, помимо фасада, можно было подыматься въ другіе этажи. Середина второго этажа была занята залой съ кафедрой и большимъ портретомъ на стѣнѣ царя Ѳеодора. Это зало предназначалось для публичныхъ собраній и диспутовъ. При Петрѣ Великомъ училище утратило свое названіе греческихъ школъ и стало называться, по большей частью, въ оффиціальныхъ бумагахъ „славяно-латинскими школами“. Впослѣдствіи, во второй половинѣ XVIII в., академія получила названіе „Caesarza“, т. е. Императорская.

При поступленіи Ломоносова тамъ, за неимѣніемъ помѣщенія, не было семинарскаго общежитія и ученикамъ приходилось, по большей частью, ютиться въ гряз-

---

[1]) Исторія іерархіи I, стр. 432.

ныхъ каморкахъ городской бѣдноты, а зачастую и у подонковъ общества. О своихъ первыхъ годахъ школьной жизни, Ломоносовъ въ письмѣ къ И. Шувалову, (10 мая 1753 г.) говоритъ. „Имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ денежку хлѣба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ, жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ“ и далѣе „съ другой стороны, школьники, малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: „смотри-де какой болванъ лѣтъ двадцать пришелъ латыни учиться“ [1]). Вотъ единственное воспоминаніе самого Ломоносова о его пребываніи въ московскихъ школахъ. Но не надо забывать, что это письмо написано спустя восемьнадцать лѣтъ послѣ выхода Ломоносова изъ академіи, также и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ оно было писано. И потому, чтобы возстановить его жизнь въ Москвѣ, мы невольно должны познакомиться какъ вообще съ московскою жизнью, такъ и школьною того времени. А теперь нѣсколько словъ объ этомъ же письмѣ. Если эти слова Ломоносова, о его жизни въ школѣ, сопоставить съ другими фактами, то здѣсь бросится въ глаза большое преувеличеніе. Интересно, что почти тождественное воспоминаніе о голодныхъ школьныхъ годахъ оставилъ и святитель Тихонъ Воронежскій, учившійся почти одновременно съ Ломоносовымъ въ Новгородской семинаріи. Правда, святитель Тихонъ Воронежскій впослѣдствіи былъ въ лучшихъ условіяхъ, потому что ученики Новгородской семинаріи жили въ общежитіи при училищѣ и получали казенное содержаніе, но и онъ писалъ: „терпѣлъ великую нужду по недостатку къ содержанію себѣ, и такъ бывало, когда получу казенный хлѣбъ, то изъ онаго половину оставлю для продовольствія себѣ, а другую продамъ и куплю свѣчку;

[1]) Матер. для біогр. Ломоносова, собр. Билерскимъ, стр. 204.

съ нею сяду за печку и читаю книгу“ [1]). Это была уже не бѣдность, съ нашей точки зрѣнія, а голодовка. Но эту голодовку, главнымъ образомъ, чувствовали такіе люди какъ Ломоносовъ и святитель Тихонъ, которые изъ скуднаго содержанія урывали одну треть на книги. Остальная масса учениковъ не знала этой голодовки.

При дешевизнѣ того времени, такъ, напр., пудъ ржаного хлѣба стоилъ 26 коп., содержаніе ученика на алтынъ въ день почиталось даже роскошью, такъ Высокопреосвященный Митрополитъ Антоній Тобольскій просилъ для своей семинаріи половину академическихъ окладовъ для содержанія своихъ учениковъ [2]). Кромѣ того, многіе ученики, разумѣется, не первыхъ классовъ, добывали себѣ пропитаніе не только перепиской книгъ и рукописей, отъ которыхъ, въ то время, кормилось мелкое духовенство, но брались и за другіе занятія, менѣе подходящія къ нимъ. Поступали въ услуженіе, нанимались на черныя работы или прислугой къ учителямъ. И Ломоносовъ служилъ келейникомъ у одного изъ монаховъ Заиконоспасскаго монастыря. Святитель Тихонъ Воронежскій, учась въ Новгородской школѣ, до поступленія въ бурсу, нанимался копать гряды у огородниковъ. Наконецъ, однимъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ добыванія себѣ пропитанія, у школяровъ были хожденія по добрымъ людямъ, „суплики“, т. е. славленіе со звѣздою на Рождествѣ и съ вертепомъ на Пасхѣ. Эти „суплики“, въ которыхъ, силою обстоятельствъ, вѣроятно участвовалъ и Ломоносовъ, перешли изъ Кіевскихъ школъ и прочно привились въ Великорусскихъ. Изъ этого мы видимъ, что голодовка Ломоносова была относительная, какъ относительною и брань товарищей за его великовозрастіе, потому что въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ поступилъ Ломоносовъ, было много учениковъ,

---

[1]) Записки Чебатарева, Правосл. обозр. 1861 г., кн. V.

[2]) Знаменскій.—Духовныя школы въ Россіи.

такъ, напр., въ 1724 году, въ академіи учился іеродіаконъ изъ Тобольска, который будучи 35 лѣтъ, поступилъ въ первую латинскую школу, и черезъ два года былъ уволенъ изъ академіи „за неспособностью и старости лѣтъ“ [1]). Притомъ же ученики обыкновенно принимались не менѣе 12 лѣтъ и не старше 20-ти. Ломоносовъ же, въ одинъ годъ прошелъ три класса и далеко опередилъ своихъ товарищей.—Не надо забывать, что въ то время учились долго и не стѣснялись сидѣть въ одномъ классѣ по нѣсколько лѣтъ. Объ одномъ ученикѣ Зепелевѣ извѣстно что онъ, съ 1736 г. по 1750, дошелъ только до философіи, другой Конапатиновъ, въ фарѣ, сидѣлъ съ 1737 по 42 годъ, а одинъ ученикъ, въ синтаксисѣ, просидѣлъ десять лѣтъ [2]). Такимъ путемъ нерѣдко случалось, что студентъ богословія, по окончаніи курса, имѣлъ по 35 лѣтъ и болѣе. И это было вполнѣ понятно, ученикомъ дорожили какъ рѣдкостью и всячески тянули его изъ класса въ классъ. Исключали только въ очень рѣдкихъ случаяхъ; по духовному регламенту увольняли только тогда, когда „буде покажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, клеветникъ, не покорливъ, и буде черезъ годовое времени увѣщаніями ни жестокими наказаніями одолѣть ему немозможно“. Отсюда можно смѣло заключить, что эти воспоминанія оставили у него такой глубокій слѣдъ только потому, что онъ былъ непривыченъ ни къ голоду, ни къ насмѣшкамъ, которые больно били по его самолюбію и поморской гордости. Между прочимъ, о другой, гораздо важнѣйшей сторонѣ жизни—о воспитаніи, о развитіи ума и о жизни вообще—ни Ломоносовъ, ни его близкіе не оставили никакихъ воспоминаній и, намъ кажется, оттого, что эта жизнь не сразу захватила Ломоносова, а понемногу онъ привыкъ и втянулся въ нее, и считалъ какъ должное.

[1]) Смирновъ, С. Исторія Московско-славяно-греческой академіи.

[2]) Каптеревъ. Исторія русской педагогики стр. 101.

Время ученья въ Московскихъ школахъ, при пытливости ума Ломоносова, можно считать однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ лѣтъ его жизни. И это понятно, потому что помимо скудности научнаго преподаванія идеалъ воспитанія и ученія въ то время, въ правительственномъ пониманіи, былъ ветхозавѣтный съ суровыми наказаніями и съ желаніемъ подавить въ ученикѣ всякій проблескъ самостоятельности и свободы, не только воли, но и мышленія. Страхъ проявленія личности, страхъ открытаго неповиновенія начальству заставлялъ учителей смотрѣть на учениковъ, не какъ на юношей, которыхъ надо воспитать и которымъ необходимо дать знанія, а какъ на солдатъ, которые должны безпрекословно имъ повиноваться. Тогда разсуждали такъ: „за службу онъ (ученикъ) получалъ жалованіе и за неисполненіе обязанностей онъ подвергался служебнымъ взысканіямъ“ [1]).

Во главѣ школы стоялъ ректоръ, обыкновенно ученый монахъ, въ помощь ему назначались „фискалы“ и надзиратели или префекты. Это послѣднее, мелкое, но страшное начальство, не изъ ученыхъ, назначалось непремѣнно изъ людей честныхъ и не пьяницъ, а также „не вельми свирѣпые и не меланхолики“. Кромѣ того, для своекоштныхъ назначались еще надзиратели-воспитанники изъ старшихъ классовъ, которые должны были наблюдать за жизнью подчиненныхъ имъ воспитанниковъ и доносить объ ихъ проступкахъ ректору. Само начальство вообще не касалось частной жизни своекоштныхъ воспитанниковъ, находя, что имъ, какъ монахамъ, неприлично входить въ тѣ гнѣзда бѣдноты и разврата, гдѣ обыкновенно ютились своекоштные. Жизнь же въ этихъ гнѣздахъ московской бѣдноты была поистинѣ ужасна и отвратительна, въ постоянномъ чаду пьянства и разврата взрослыхъ обитателей угловъ. Благодаря томуже принципу воспитанія и мѣры пресѣченія дурныхъ поступ-

[1]) Милюковъ, П. Очерки—302.

ковъ воспитанниковъ заключались исключительно въ наказаніяхъ и притомъ въ наказаніяхъ не нравственно-исправительнаго, или воспитательнаго характера, а исключительно-карательнаго. Притомъ, наказанія отличались суровостью. Для устрашенія учениковъ и для лучшаго прилежанія ихъ въ наукахъ, существовалъ цѣлый кодексъ наказаній, мало чѣмъ отличавшихся отъ наказаній уголовныхъ. Такъ, въ инструкціи Питирима говорится, что „за легкую вину, кромѣ татьбы и другихъ тяжелыхъ винъ, до двухъ разъ велѣно наказывать ученика словесными выговорами, въ третій разъ въ собраніи учениковъ смирять шелепами, въ 4 и 5 разъ наказывать плетьми и недѣльнымъ заключеніемъ въ тюрьму, въ 6 разъ доносить о виновныхъ духовному судіи". Но эта инструкція была слишкомъ слабой по мнѣнію многихъ и въ дополненіе къ ней существовали всевозможные виды наказанія въ зависимости отъ богатой фантазіи и изобрѣтательности педагоговъ, напр.: стояніе на горохѣ на колѣнахъ, удары палкой по рукамъ, щекамъ, ожесточенное сѣченіе въ одну и двѣ лозы, даже на „воздусяхъ", битье батогами и кошками, сажаніе на цѣпь и много другихъ. Притомъ, надо замѣтить, что эти наказанія назначались даже за малыя провинности, а часто и по капризу наставника или для устрашенія, чтобы ученикъ въ чемъ-нибудь впредь не провинился. И ни одинъ изъ учениковъ не миновалъ большинства изъ этихъ наказаній, какъ не миновалъ ихъ, разумѣется, и Ломоносовъ. Но что было самое ужасное въ школахъ того времени и что самымъ ужаснымъ образомъ растлѣвало душу ученика — это страшное развитіе доносовъ другъ на друга.

Въ этихъ доносахъ и сыскѣ школьниковъ, какъ нельзя ярче отразилась страшная язва, разъѣдающая народъ и общество XVIII в. Для школьныхъ доносовъ и сыска существовали тоже инструкціи, которыя говорили, что „того, кто за кѣмъ свидалъ какую вину, утаитъ, подвергался равномѣрному наказанію, чему ви-

новный принадлежитъ“ [1]). И тотъ, кто видѣлъ какую-либо вину своего товарища, боясь наказанія, не могъ не донести, потому что объ этомъ могъ донести кто-либо другой, а такихъ охотниковъ въ то время было много. Мало того, это же правило распространялось и на учителей „ежели вы учителя, сами виноватому въ чемъ учините послабленіе, воспримите равномѣрное наказаніе, какъ и объ ученикахъ положено“ [2]). Образовался какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго не могли выйти ни учителя ни ученики подавленные боязнью. И эта боязнь постояннаго сыска, постояннаго риска подвергнуться жестокому наказанію, родила злобу, недовѣріе и вражду. Въ этой атмосферѣ доноса и сыска воспитывалось все русское общество XVIII в., отъ верховъ до низу. Страшное „слово и дѣло“ царило надъ Русью и было знакомо даже ученикамъ, которые прибѣгали къ нему, чтобы оклеветать своихъ враговъ или избавиться, хотя временно, отъ жестокаго наказанія.

Въ такой затхлой, отравляющей духъ, атмосферѣ пришлось жить и учиться Ломоносову, и онъ, незамѣтно для себя, впиталъ эту отраву, какъ мы увидѣли выше.

Что же изъ себя представляла въ то время научная сторона школы, которая особенно важна намъ для опредѣленія умственнаго развитія Ломоносова. Къ сожалѣнію, она была далеко не такъ „блестяще“ поставлена, какъ сыскъ и наказанія. Наука, державшаяся на такихъ педагогическихъ пріемахъ, была мертва и ненавистна ученикамъ. Наука преподавалась какъ казенная обязанность, и надо было имѣть особенную любовь къ ней, особый складъ характера, чтобы заниматься съ такой самоотверженной любовью какъ Ломоносовъ, или Святитель Тихонъ. Но и помимо ненормальнаго, жестокаго метода преподаванія, сама наука была на очень

---

[1]) Исторія Нижегородской семинаріи,—10.

[2]) Исторія Нижегородской семинаріи,—10.

низкой ступени сравнительно съ западомъ. Положимъ, во время Петра Великаго духовная наука успѣла отчасти освободиться отъ схоластической мишуры и, хотя робко, но все-таки силой инерціи шла къ дѣйствительной жизни, въ особенности послѣ смѣлыхъ проповѣдей противъ крайностей хитросплетеній діалектической философіи Ѳ. Прокоповича. Но это было едва замѣтно.

Пагубная оторванность высшей духовной школы отъ потребностей жизни, отъ реформъ не только государственныхъ, но и запросовъ новыхъ гражданскихъ школъ, т. е. отъ всего того, что силилось стряхнуть съ себя наслѣдство до Петровской Руси, сдѣлала то, что представители духовной науки продолжали жить и работать по старымъ методамъ. Непобѣдимый авторитетъ Аристотеля остался и въ XVIII в. символомъ всей науки. Этотъ авторитетъ заглушалъ робкіе проблески свободнаго мышленія, которое такъ настойчиво прорывалось въ реформахъ Великаго Петра. Правда, лучшіе изъ духовенства начала XVIII в. силились отрѣшиться отъ схоластики и даже поколебать авторитетъ Аристотеля. Такъ Ѳ. Лопатинскій первый смѣло сказалъ, что „истина открыта для всѣхъ и еще не исчерпана: много осталось отъ нея для будущихъ поколѣній“. Но, къ сожалѣнію, какъ самъ Лопатинскій, такъ и его немногіе послѣдователи далеко въ этомъ направленіи не пошли, потому что побоялись вражды большинства духовенства, приверженцевъ старыхъ вѣрованій, а также и потому, что „авторитеты, признанные схоластикой и сильно подорванные на западѣ философіей Декарта, въ Россіи только еще, такъ сказать, заподозрѣвались“ [1]). Но и эти маленькіе проблески самостоятельной мысли послѣ смерти Петра гаснутъ. Узкія формы схоластической риторики и пінтики опять твердо входятъ въ духовную науку. Еще недавнія лекціи немногихъ профессоровъ съ позаимствованіями изъ ино-

[1]) Архангельскій.— Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

странныхъ источниковъ преслѣдуются какъ зло. Не говоря уже о наукѣ, вообще даже умственно-просвѣтительное ученіе христіанства было убито такими вопросами: „какъ заключаются договоры съ дьяволомъ? Какъ велико по объему мѣсто, которое можетъ занимать ангелъ? Отчего у женщинъ не растетъ борода и др.“ [1]).

Разумѣется, эта мертвая наука не могла удовлетворять лучшихъ учениковъ и, только въ дни публичныхъ экзаменовъ Академія оживала. Но и тутъ была собственно не повѣрка знаній учениковъ, а показная сторона „для лучшаго Академіи прославленія, для большаго возбужденія прочихъ къ ученію, а паче для защищенія вѣры православныя догматовъ“,—такъ писалъ ректоръ Сафроній въ 1732 г. въ Святѣйшій Синодъ.

Эти диспуты происходили дважды въ годъ: предъ Рождествомъ и лѣтними вакаціями, послѣдній былъ обставленъ особенно торжественно. Три дня подрядъ продолжались многолюдныя собранія въ актовомъ залѣ, куда допускались также и посторонніе. Первый день былъ диспутъ богословіи, второй философіи, третій для другихъ классовъ. Торжество начиналось съ пѣнія духовной кантаты, нерѣдко съ присоединеніемъ оркестра. Потомъ всѣмъ посѣтителямъ раздавались печатные тезисы или „дедикованныя конклюзіи“, въ которыхъ обозначались темы диспутовъ. Диспуты открывалъ ректоръ съ каѳедры, говоря, такъ называемыя Prolusons, въ которыхъ указывалось краткое содержаніе богословскаго или философскаго вопроса. Въ диспутахъ обыкновенно участвовало не болѣе четырехъ студентовъ, причемъ тѣ, которые защищали предложенный вопросъ назывались defendentes, а возражавшій имъ—impugnantes. Возражать имѣли право также и постороннія лица. Торжество заканчивалось духовнымъ пѣніемъ.

Въ видѣ отдыха отъ занятій полагались и лѣтнія

---

[1]) Водовозовъ, В.—Очерки русской литературы XVIII в.—стр. 216.

вакаціи, каждый мѣсяцъ, одинъ или два раза, но съ тѣмъ, чтобы, какъ говоритъ Регламентъ, „гулянье было съ играми честными и тѣлодвиженіями, чтобы ученики прогуливались по полямъ и мѣстамъ веселымъ и къ дворамъ загороднымъ, ибо сіе и здравію полезно, и скуку отгоняетъ. „Кромѣ того студентамъ дозволялась игра на мусикійскихъ инструментахъ". И два раза въ годъ „дѣлать комедіи, что зѣло полезно къ наставленію и къ резолюціи, сіесть честной смѣлости". Каковъ былъ характеръ комедій, можно судить хотя бы по такой, какъ „Комедія, ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ въ Евангельскомъ пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная. Нынѣ же при зопустныхъ пированіяхъ дѣйствіемъ благородныхъ Великороссійскихъ младенцевъ въ новосіяющихъ Славяно-Латинскихъ Аѳинахъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ явленная". Всѣхъ комедій дошло до насъ четыре. „Кромѣ этихъ комедій въ Академіи представляли драмы Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ и о Навуходоносорѣ и нѣкоторыя Мольеровы комедіи, изъ которыхъ больше нравилась: докторъ принужденный"[1]).

Безъ всякаго сомнѣнія Ломоносовъ не могъ довольствоваться такой мертвой наукой, его неудержимо тянуло къ другимъ знаніямъ и онъ ищетъ ихъ въ Академической библіотекѣ, но тамъ кромѣ священныхъ книгъ, твореній Св. отцевъ, русскихъ лѣтописей и древнихъ классиковъ ничего не было, Ломоносовъ же былъ далекъ отъ любви къ богословскимъ наукамъ, за что говоритъ вся его будущая жизнь и научная дѣятельность, а также и отказъ отъ сана священника, предложенный ему въ бытность его въ Академіи. Онъ жадно искалъ наукъ точныхъ и вотъ, урывая изъ алтына одну денежку, т. е. треть своего скуднаго суточнаго пропитанія, несетъ эту святую денежку къ Спасскимъ воротамъ,—къ этому почти едип-

[1]) Смирновъ С.—Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 190.

ственному книжному рынку тогдашней Москвы. Въ надеждѣ тамъ найти отвѣты на запросы своего ума.

Книжный торгъ у Спасскихъ воротъ велся издавна. Сюда же всегда сходилось и множество безмѣстныхъ священниковъ, которые, чтобы чѣмъ-нибудь питаться, приносили и продавали разныя рукописи. Вскорѣ, кромѣ ручной продажи, появились и книжные лари, а также и большой каменный домъ, тоже занятый книжными лавками. Ко времени Ломоносова, т. е. въ первой половинѣ XVIII в., на спасскомъ мосту, кромѣ лавокъ, строится большое зданіе подъ громкимъ названіемъ библіотеки, по крайней мѣрѣ оно такъ называлось въ полицейскихъ дѣлахъ 1729 г., а также и на старинномъ глазомѣрномъ планѣ 1738 года. Это была, разумѣется, не библіотека въ нашемъ пониманіи, а тоже рядъ большихъ но благоустроенныхъ лавокъ. Къ тому же и купцы, торгующіе книгами, въ то время назывались библіотекарями. Эти лавки и лари были полны печатными книгами, рукописями, листками, лубочными картинками и, такъ называемыми, фряжными листами. Тутъ, кромѣ чисто-народной, лубочной литературы, продавались и выписки изъ житій святыхъ, повѣсти изъ „Великаго зерцала“, также всевозможныя „зерцала“, выписки изъ „Римскихъ дѣй“ и свѣтскія писанія: переводные романы, повѣсти, новеллы, басни, стихи, которые къ тому времени стали проникать въ Россію, все это было грубо, цинично и по большей части нелѣпо. Благодаря не развитости въ то время литературныхъ началъ не было почти ничего самобытнаго и поэтическаго, ничего похожаго на западныя рыцарскія исторіи, близкія къ дѣйствительной жизни; единственное исключеніе составляли первые представители исторической повѣсти, хронографы и палеи. Сатира, шуточный разсказъ и стихотвореніе, появившіеся впервые при Петрѣ, имѣли тоже тутъ своихъ многочисленныхъ представителей, напр. „Хожденіе попа Саввы большой славы“, или сочиненіе еще болѣе циничное и

богохульническое въ этомъ родѣ,—это „служба кабаку". кощунственно сложенное подражаніе церковной службѣ, написанное съ большимъ знаніемъ ея порядковъ и текстовъ подъ заглавіемъ: „Мѣсяца Китовраса въ нелѣпый день иже въ неподобныхъ кабака пальнаго, нареченнаго въ иноческомъ чину Курехи и иже съ нимъ страдавшихъ", и далѣе продолженіе стиховъ: „На малой вечернѣ поблаговѣстимъ въ малыя чарки, тажъ позвонимъ въ полведршина ковшика... Спаси Боже наготою съ пропою люди своя"[1]).

Очень часто книги, особенно листы съ лубкомъ, украшались циничными рисунками, живо иллюстрировавшими наивный, но отвратительный цинизмъ того времени. „Впрочемъ вся эта литература вовсе не оскорбляла вкуса читателей, называя вещи ихъ именами и давая много воли воображенію"[2]).

Но главнымъ образомъ въ обращеніи была литература духовная и раскольничья. Особенно много шума и интереса тогда возбуждали: Ѳ. Прокоповичъ „Первое ученіе отрокомъ" и „Камень вѣры" Яворскаго. Въ раскольничьей же литературѣ все съ большей и большей настойчивостью проводилась яркая гражданско-демократическая мысль о необходимости открытой борьбы противъ произвола и грубой безправной силы.

Эти смѣлыя мысли находили живой откликъ среди угнетенной массы народа и, можетъ быть, были одной изъ главныхъ причинъ быстраго роста раскола. Въ этихъ книгахъ впервые смѣло указывалось на пороки людей, на неправду, на притѣсненіе слабыхъ и произволъ. Къ сожалѣнію изъ всей этой обширной и интересной литературы конца XVII и начала XVIII в.в. мало что осталось, благодаря жестокости гоненія и почти полнаго ея уничтоженія. Но несмотря ни на гоненія, ни на въ первые народив-

[1]) Забѣлинъ—Исторія Москвы.

[2]) Пыпинъ А.—Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ.

шуюся 5 Октября 1720 г. цензуру, ни на указъ 20 Марта 1721 г., подтверждавшій, чтобы книги духовнаго содержанія не продавались безъ дозволенія правительства, онѣ въ то время продавались въ еще большомъ количествѣ. Но эта литература, даже историческія повѣсти, могли интересовать Ломоносова только отчасти; къ нимъ, какъ и къ богословскимъ наукамъ, онъ не имѣлъ особеннаго пристрастія. Книгъ же научнаго характера на томъ книжномъ рынкѣ было очень мало. XVII в. намъ оставилъ въ наслѣдство: географію, сочиненія неизвѣстнаго автора, астрономію или „селенографію“ Гевеліуса, по зоологіи трудъ Альдрованда, по естествознанію и философіи Алборта Великаго и Михаила Скотта, Раймунда и др. [1]).

Въ началѣ XVIII в., съ распространеніемъ печати, правда появляется больше книгъ по разнымъ отраслямъ наукъ, даже по языкознанію Латинско-словянскій словарь. Іоанна Максимовича. О. Поликарповъ составилъ руководство къ ознакомленію съ западной литературой, а Ѳ. Максимовичъ, учитель новгородской школы, смѣло разрушаетъ непоколебимый авторитетъ грамматики Смотрицкаго и печатаетъ новую, гораздо проще и понятнѣе, и кромѣ того множество книгъ, заказанныхъ Петромъ В. по военной, естественнымъ и другимъ наукамъ. Вотъ эти книги, по всей вѣроятности, и тянули жадный до естественныхъ наукъ умъ Ломоносова. На пріобрѣтеніе ихъ онъ, можетъ быть, мѣсяцами откладывалъ свои денежки, но и книги эти не могли ему многаго дать по своей незначительности и по его неподготовленности, но можно смѣло сказать, что лишь книги научнаго характера тянули его къ себѣ и что только за чтеніемъ ихъ онъ забывалъ тяжелый школьный режимъ, мертвую профессорскую науку Академіи, грязь и бѣдность окружающей его жизни.

[1]) Соболевскій—переводная литература Московской Руси.

Жизнь-же внѣ школы, жизнь улицы и толпы, можетъ быть, шла незамѣтно для Ломоносова только первые годы его ученія, когда онъ, скромный дикарь—поморъ, со всей страстностью своей натуры ушелъ въ ученіе. Застѣнчивый среди чужихъ ему людей не похожихъ на его скромныхъ и суровыхъ земляковъ, онъ сторонился и, можетъ быть, даже уходилъ отъ ихъ шумной жизни чтобъ они не мѣшали ему учиться. Но время шло. Внѣшкольная жизнь незамѣтно втягивала его въ свои интересы; первое увлеченіе наукой прошло, молодость будила жажду жизни, школьные товарищи взрослые, искушенные московской жизнью низовъ еще болѣе будили эту молодую жажду и разжигали страсти. А жизнь кругомъ кипѣла, несмотря на бѣдность и приниженность народа: пьяная, разнузданная и по большей части праздная. Эта жизнь, разумѣется, въ концѣ концовъ захватила Ломоносова, положила на невиннаго рыбака свое клеймо, привила къ нему пороки, привычки и взгляды окружающаго общества.

Москва въ первой половинѣ XVIII в., или лучше сказать низы Москвы, гдѣ въ то время исключительно и вращался Ломоносовъ, представляла собою картину полнѣйшаго огрубѣнія и разврата. Народъ, послѣ смерти Петра Великаго, освободившись отъ страшныхъ поборовъ и рекрутчины, отъ ужаса массовыхъ казней, которыя надолго подавили его лучшія духовныя стороны и разбудили звѣрскіе инстинкты, ожилъ, и звѣрскіе инстинкты, порожденные временемъ, разцвѣли пышнымъ, но страшнымъ букетомъ.

Кромѣ того, сама Москва съ ея обширными слободами давала надежный пріютъ всѣмъ бѣглымъ и преступнымъ людямъ. Всѣ, на комъ лежало какое-нибудь клеймо преступленія, всѣ тѣ, кто долженъ былъ скрываться отъ правительства и правосудія: преступники, бѣглые солдаты, пропившіеся священники, дворянскіе недоросли,—весь этотъ людъ бѣжалъ въ Москву, чтобы свободнѣе заработать на пропитаніе разными путями и скрываться.

Днемъ эти „гулящіе“ люди бродили съ утра по городу въ одночку и группами по Красной площади, между безпорядочно раскинутыми ларями, на Крестцахъ,—этомъ главномъ рынкѣ по скупкѣ и торговлѣ краденными вещами. Тамъ можно было купить все, что нужно, начиная съ съѣстныхъ припасовъ и одежды до драгоцѣнныхъ камней и золота. Бродили и около Охотнаго ряда и по Неглинной и у торговыхъ бань и по Никольской улицѣ, гдѣ, начиная отъ Кремля, тянулись по улицѣ на протяженіи 52 саженей шалаши, гдѣ производилась тоже всевозможная торговля и продавался въ квасныхъ кадяхъ квасъ—этотъ любимый напитокъ народа того времени.

Сильные и слабые, одѣтые зимой и лѣтомъ въ дырявые зипуны, испитые, готовые на всякое преступленіе на которое они выходили большей частью почью, безпечные, пьяные, они жили и веселились по своему; ихъ не чуждались и низы коренного московскаго народа, болѣе обезпеченнаго и осѣдлаго. Зато все, что имѣло хоть малый достатокъ боялось этой преступной арміи, противъ которой полиція была безсильна. И вездѣ и всюду къ услугамъ низовъ, даже въ центрѣ города, были разбросаны во множествѣ харчевни, пирожныя и фортины (кабаки), гдѣ съ утра и всю почь толпился народъ; горланили и дрались пьяные. Фортины окраинъ по большей части помѣщались въ полуразрушенныхъ домахъ. Низкое, грязное помѣщеніе отоплялось печами безъ трубъ, благодаря чему дымъ валилъ изъ нихъ на улицу. Помѣщенія эти были настоящими клубами отбросовъ Москвы, гдѣ открыто обсуждались предстоящіе ночные грабежи, гдѣ женщины, потерявшія обликъ человѣка, цинично выносили порокъ на улицу и площади. Въ этой пестрой толпѣ города, среди громкаго зазыванія торговцевъ, крика пьяныхъ и спора покупателей, бродили и голодные ученики московскихъ духовныхъ школъ, такіе же оборванные, озвѣрѣлые и склонные въ большинствѣ

къ воровству, дракамъ и пьянству. А ночью, когда не освѣщенныя улицы и переулки Москвы погружались въ мракъ и по угламъ улицъ ставились рогатки, выходили эти темные люди на воровской, а чаще на разбойничій промыселъ и рѣдко когда попадались полиціи, потому что имъ все благопріятствовало скрыться: и тѣснота темныхъ переулковъ, и пустыри, и брошенные послѣ частыхъ пожаровъ полуразрушенные дома, а главное своеобразный взглядъ полиціи на воровство. Къ тому же въ то время во главѣ полиціи стояли часто укрыватели воровъ, которые для полиціи были большой доходной статьей, а иногда стояли завѣдомые воры, какъ знаменитый Ванька Каинъ,—этотъ яркій цвѣтокъ общественной жизни XVIII в. Пойманныхъ воровъ били смертнымъ боемъ и они тутъ же опять принимались за опасный и обычный свой промыселъ.

Объ общественной же нравственности, при той грубости нравовъ и необразованности, которое было въ то время, едва ли можно говорить.

Среднее сословіе было на очень низкой ступени умственнаго развитія. Пьянство свило прочное гнѣздо среди всего общества XVIII в.—самое безпросвѣтное, отвратительное. Даже священство, эти единственные грамотныя люди и учителя народа, часто благодаря пьянству теряли обликъ человѣка. Уже духовный регламентъ жестоко бичуетъ этотъ общій порокъ, такъ онъ обязываетъ властямъ наблюдать „не безчинствуютъ ли священники и дьяконы и прочіе церковники не шумятъ ли пьяни въ церквахъ, не ссорятся ли по мужичьи на обѣдахъ, не истязаютъ ли въ гостяхъ потчиванья, не храбствуютъ ли вы боякъ кулачныхъ“ и далѣе „не ходили бы простоволосъ, не ложились бы спать по улицамъ, не бились бы по кабакамъ, не являли бы въ гостяхъ силы и храбрости къ питію, и прочая симъ подобная“. Вотъ въ какихъ не привлекательныхъ краскахъ рисуетъ оффиціальный документъ близкихъ лицъ для Ломоносова. Ломоносовъ

какъ ученикъ духовной школы, разумѣется былъ знакомъ съ ними черезъ своихъ товарищей и навѣрно принималъ нерѣдко участіе во всѣхъ упомянутыхъ преступленіяхъ. Но и нравственная сторона духовенства была почти на уровнѣ нравственности общей жизни того вѣка. Такъ уже въ 1742 году оберъ-прокуроръ князь Шаховской объявляетъ Дикастріи, что, „усмотрѣно де имъ, что многіе священнослужительскаго чина люди на трехъ горахъ и въ прочихъ тому подобныхъ мѣстахъ, имѣютъ съ мірскими людьми смотрѣніе ристаніе и пьяное пребываніе... кромѣ того, они, священнаго чина люди, ѣздятъ съ бабами и на роспускахъ на извощикахъ“[1]) или напримѣръ, „двое московскихъ поповъ присланы изъ полицейской конторы за ссору и драку между собою, изъ которыхъ попъ Михайло, какъ сказано въ промеморіи, задравъ попа Ивана кричалъ караулъ“; или „придѣльный попъ Спасскаго собора, что на бору пришибъ палкою голову до крови придѣльному же дьякону Благовѣщенскаго же собора при раздачѣ памятцевъ на площади“. Вообще изъ дѣлъ Дикастеріи видно, что духовенство ни въ чемъ не отличалось въ жизни не только отъ общества и даже народа, но не смотря на священическое достоинство часто ходило въ харчевни, кабаки и посѣщало другія увеселенія.

Такой же пьяной, безнравственной и грубой жизнью жило и монашество, хотя и не такъ часто выпося свои пороки на улицу, какъ бѣлое духовенство. но зато еще съ большей страстностью предовалось имъ по кельямъ, куда нерѣдко свободно приходили женщины. Пьянствовали всѣ.

Часто монахъ-учитель приходилъ въ классы послѣ безсонной пьяной оргіи ночи, съ больной головой, озлобленной и окончательно прокутившійся и вымѣщалъ свое озлобленіе на неповинныхъ ученикахъ жестокими нака-

1) Розановъ. Н. Исторія московской епархіи,1721—1821 г.г.

заніями. При томъ не надо забывать, что духовенство, какъ и всѣ классы того общества, было втянуто въ систему доносовъ, что при низкомъ уровнѣ общественной жизни порождало зло почти равносильное другимъ порокамъ. „Желая сдѣлать духовенство органомъ реформы, говоритъ Знаменскій, правительство втянуло его во всю систему доносовъ, которая считалась тогда лучшей поддержкой указовъ государственной власти“ [1]).

Правда, само духовенство какъ бѣлое, такъ и черное, и общество вообще въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей боролось съ пьянствомъ, съ нравственной распущенностью, говорило проповѣди, издавало законы, опредѣляло сильныя наказанія, но все это мало достигало цѣли. Общій развратъ еще болѣе усилился разными дикими сектами, гдѣ развратъ уже признавался „Любовію христіанской“. Такъ, простая баба основала секту „Акулиновщину“, въ которой мужчины и женщины, монахи и монахини жили другъ съ другомъ повальной связью. И такихъ сектъ къ серединѣ XVIII в. распространилось очень много и число послѣдователей „свободной любви“ въ то время было тоже очень велико. Недаромъ Корбъ недоумѣвалъ, „что именно составляетъ главную черту характера этого (русскаго) народа, жестокость ли, невоздержанность ли или распутство[2]).

Особенно ярко отразилось это ужасное пьянство въ народной литературѣ. Такъ напримѣръ, въ повѣсти о „высокоумномъ хмелѣ“, предоставляющей монологъ самому хмелю, мы читаемъ: „тако глаголетъ хмель ко всякому человѣку ко царямъ и князямъ и ко инокамъ и боярамъ и слугамъ и вкупѣ всѣмъ православнымъ христіаномъ, и богатымъ и нищимъ, и женамъ, старымъ и малымъ познайте мя. Азъ есть хмель силенъ и болѣе плодовъ земныхъ всѣхъ, отъ корени если сильна и отъ

[1]) Знаменскій. Духовенство въ Россіи.

[2]) Корбъ. Дневникъ.

племени велика“ [1]). Здѣсь безнадежность борьбы съ пьянствомъ еще ярче выражена, чѣмъ въ поэтическомъ народномъ произведеніи „Горѣ-Злосчастіе“, гдѣ отъ власти хмеля, молодца все-таки спасли монастырскія стѣны.

Остальной же коренной русскій народъ: купечество, ремесленники и другіе стояли еще на болѣе низкомъ уровнѣ общественной жизни, чѣмъ духовенство. Пьянство, цинизмъ, даже открытый развратъ на улицахъ города никого не удивлялъ и не возмущалъ.

Но самая унизительная и жалкая роль въ той кошмарной жизни выпала на долю женщины. И права Шашкова, когда говоритъ, что „въ обществѣ, которое могло терпѣть такое безобразіе въ народѣ, который вынужденъ былъ терпѣть ихъ, не могло быть даже того наружнаго, форменнаго уваженія къ женщинѣ, которое мы видимъ въ Европѣ“ [2]). На женщину въ то время смотрѣли уже не по суровому опредѣленію Домостроя, а по унизительному и циничному взгляду крѣпостного права.

Крѣпостное право окончательно убило въ женщинѣ человѣка и прировняло ея роль въ семьѣ къ рабынѣ мужа и вообще мужчины, къ ней исключительно примѣнялась во всѣхъ случаяхъ палочная система, потому что „Богомъ созданы суть онѣ (т. е. женщины) и намъ онѣ отъ Бога поручены на послугу“, а потому не только любовь, но и вообще человѣческое отношеніе къ женщинѣ считалось преступнымъ и пагубнымъ, какъ „вино безмѣрно піямое“. Благодаря такому взгляду, женщина опустилась почти на степень скота. И точно мстя за свое порабощеніе, вся ушла въ развратъ.

Лишенная любви и самостоятельности, она изъ покорной рабы силится стать только женщиной, животной женщиной, только въ этомъ она видитъ свою единствен-

1) Пыпинъ, А. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ.

2) Шашкова. Очеркъ исторіи русской женщины, 206.

ную власть и оружіе передъ всесильнымъ мужчиной. Благодаря этому чистый укладъ семейной жизни пропадаетъ. На смѣну ему идетъ обычный порокъ конца XVII и начала XVIII в. открытое распутство. Въ семейной жизни царятъ ссоры, драки, ругательство, измѣны и дикое, безпробудное пьянство становилось обычнымъ явленіемъ. Упившіеся виномъ мужчины и женщины предаются открытому разврату, шутя мѣняются женами, торгуютъ ими и даже своими дочерями на улицахъ. И потому не только на праздникахъ церковныхъ, царскихъ, при свѣтѣ огней и фейерверковъ, среди разношерстной толпы, но и въ семейныхъ домахъ, въ монастыряхъ повсюду царило неприкрытое пьянство, развратъ, доносъ, воровство и богохульство.

Разумѣется самымъ главнымъ притономъ всему этому служилъ кабакъ, гдѣ вмѣстѣ съ женщинами продавалась водка и табакъ, шли запрещенныя игры. Содержатели и содержательницы этихъ заведеній получали столь выгодные барыши, что считали ихъ достаточнымъ вознагражденіемъ за плети. Другимъ притономъ разврата были публичныя бани, въ которыхъ мужчины и женщины обыкновенно мылись вмѣстѣ. Пьяныя проститутки нерѣдко нагишемъ выбѣгали изъ этихъ бань на улицу и зазывали мужчинъ. Около бань и кабаковъ развратъ иногда творился публично. Для людей же богатыхъ женское тѣло предлагалось сводниками [1]). Въ высшемъ обществѣ всѣ эти пороки, развратъ, пьянство, грубость и доносъ жили еще ярче и сильнѣе. И оттуда съ верховъ эти пороки разумѣется еще больше усиливали и точно давали право гражданство для пороковъ всей Россіи и нѣтъ сомнѣнія, что Ломоносовъ, вскорѣ же познакомился со всѣми этими пороками общества и его взглядами, и даже втянулся въ пьянство. Тѣмъ болѣе надо удивляться, что онъ продолжалъ упорно учиться, хотя и видѣлъ что ни

1) Шашкова. Очеркъ исторіи Русской женщины.

Академіи и библіотека, ни книжный торгъ у Спасскихъ воротъ, не могли дать многаго для его умственнаго развитія. Несмотря на это, учась въ Академіи, Ломоносовъ успѣлъ написать учебникъ, заключающій въ себѣ реторику на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Artis Rhetoricae praecepta tres in libros divisa atquead instruendum Oratorem sclectioribus Elogucntiae fundamentis ad elegantiam styliin omne genere diecnadi. Tradita Moscowiae ex anno 1733 in annum. 1734 octobris 17. Въ этомъ учебникѣ какъ нельзя лучше отразилась мертвая схоластика господствовавшая въ то время.

О поэтическихъ же произведеніяхъ Ломоносова мы знаемъ его ученическое стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Сочиненіе г. Ломоносова въ Московской академіи за учиненный имъ школьный проступокъ Calculus dictus [1]).

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣли сѣли,
Въ радости запѣли,
Егда стали ясти
Попали въ напасти
Увязли бо ноги
Ухъ, плачутъ убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

Надпись учительская: Pulchie стихи на туясокъ [2]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія что это были не единственные стихи написанные Ломоносовымъ въ бытность въ Академіи, тѣмъ болѣе, что въ то время, стихи на торжественные случаи считались обязательными и писались почти исключительно академистами. Но поэзія какъ и наука, да вообще и вся жизнь Ломоносова въ Академіи

---

1) Лепехинъ. Путешествіе т. IV.

2) Туясь по толкованію Даля, глупый-безтолковый человѣкъ.

не проявилась ничѣмъ яркимъ. Но все-таки можно смѣло сказать что онъ въ поэзіи былъ подъ большимъ вліяніемъ Тредьяковскаго, который къ тому же издалъ первый въ Россіи „Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ,“ эту книгу имѣлъ у себя Ломоносовъ уѣзжая заграницу. Да и Тредьяковскій въ то время считался единственнымъ образцовымъ поэтомъ. Въ книгахъ же онъ не нашелъ то, что смутно искалъ, а наука академическая не могла дать ему ничего. Проснувшейся окончательно геній Ломоносова упорно искалъ пищи и напрасно бросался изъ стороны въ сторону. Даже годъ, проведенный въ Кіевской Академіи, не могъ удовлетворить его и онъ опять, и, можетъ быть въ отчаяніи, вернулся въ Московскую Академію.

Правда, Академія дала ему основательное знаніе латинскаго языка и тѣмъ ввела въ общую образованную семью запада, и это одна изъ самыхъ крупныхъ заслугъ Академіи. Но зато окружающая жизнь, не давши удовлетворенія умственнымъ запросамъ, втянула его во всѣ пороки присущіе XVIII в., или лучше сказать не втянула, потому что окунуться въ нихъ головой онъ не могъ, за недостаткомъ средствъ, но познакомила съ порокомъ. И намъ теперь становится вполнѣ понятнымъ жалоба Ломоносова въ письмѣ Шумахеру отъ 10 мая 1753 года.

„Обучаясь въ спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли“. Притомъ надо замѣтить, пьянство сильно было развито среди учениковъ Академіи и не рѣдки были случаи когда ученики попадались въ крупномъ воровствѣ и въ тайныхъ отвратительныхъ порокахъ.

Въ это время когда Ломоносовъ метался въ поискахъ знаній, въ Петербургѣ баронъ Корфъ настойчиво работалъ надъ улучшеніемъ Академіи паукъ. Вѣрный преемникъ мысли Великаго Петра, основателя академіи, онъ старается, чтобы это ученое общество было не только

для усовершенствованія наукъ иностранцами, но и для распространенія наукъ среди Россіи и притомъ русскими и для этой цѣли онъ предлагаетъ Сенату 24 января 1735 г., открыть при Академіи семинарію на тридцать шляхетныхъ юношей, чтобы изъ нихъ впослѣдствіи можно было выработать русскихъ ученыхъ. Но вѣроятно чувствуя что въ этихъ начинаніяхъ онъ встрѣтитъ серьезныя препятствія баронъ 13-го мая того года вновь входитъ съ новымъ представленіемъ въ сенатъ, гдѣ пишетъ: „понеже отъ учрежденія семинаріума не прежде какъ по прошествіи нѣкотораго времени способные люди произойти могутъ, того ради предлагаю я правительствующему сенату: не соблаговолено-ли будетъ приказать, чтобы между тѣмъ изъ монастырей, гимназій и школъ въ здѣшнемъ государствѣ двадцать человѣкъ чрезъ означенныхъ къ тому отъ Академіи людей выбрать, которые столько научились, чтобы съ нынешняго времени они у профессоровъ сея Академіи лекціи слушать и въ вышнихъ наукахъ съ пользою происходить могли“ и ввиду того что Академія не имѣла въ своемъ распоряженіи необходимыхъ для ихъ содержанія средствъ просить сенатъ назначить на содержаніе каждаго ученика по сто пятидесяти рублей. Сенатъ, не упоминая о содержаніи учениковъ, распорядился все-таки вызвать въ Академію тѣхъ. „Изъ учениковъ, кои есть въ Москвѣ въ спасскомъ училищномъ монастырѣ, выбрать въ наукахъ достойныхъ двадцать человѣкъ, и о свидѣтельству ихъ въ наукахъ подписаться ректору и учителямъ и выслать въ Санктпетербургъ въ Академію наукъ“.

Баронъ Корфъ сейчасъ же по полученіи этого указа пишетъ къ ректору Спасскаго монастыря архимандриту Стефану „дабы притомъ высочайше намѣреніе Ея Императорскаго Величества исполнилось, то вашего преподобія прошу избрать и отправить сюда отроковъ добрыхъ, которые бы въ приличныхъ къ украшенію разума наукахъ довольное знаніе имѣли и вамъ бы самимъ честь и отече-

ству пользу учинить могли". Благодаря скорому запросу Академіи видно, что баронъ Корфъ принималъ очень дѣятельное участіе въ скорѣйшей присылкѣ учениковъ точно боясь получить отъ Сената другой указъ, отмѣняющій первый.

„Изъ московской славяно-греко-латинской академіи ученики (пишетъ въ отвѣтъ на запросъ Корфа ректоръ архимандритъ Стефанъ), числомъ двѣнадцать, остроумія, по нашему мнѣнію, не послѣдняго, выбраны и въ московскую синодальнаго правленія канцелярію при доношеніи представлены". Большой интересъ въ этомъ отвѣтѣ представляетъ то, что ректоръ очевидно не могъ выбрать какъ то требовалось *двадцать* способныхъ учениковъ и высылаетъ только двѣнадцать: отъ богословіи,— Василій Лебсдевъ, Яковъ Виноградовъ, Яковъ Несмѣяновъ, которые сего 1735 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при отправкѣ философскаго корпуса (курса ?) въ богословію вступили. Изъ философіи—Александръ Чадовъ, Дмитрій Виноградовъ, Иванъ Голубцевъ, Михайло Ломоносовъ, что изъ реторики въ нынѣшнемъ же году перешли до философіи. Изъ реторики Прокофій Шишкаревъ, Семенъ Старховъ. Изъ піитики — Алексѣй Барсовъ, Михайло Ковринъ, Никита Поповъ, которыхъ до упомянутыхъ школъ промоціи ученика сего же года". Очень интересно, что можетъ быть былъ выборъ учениковъ сдѣланъ по совѣту ректора, Гредьяковскимъ, потому что въ своемъ донесеніи Разумовскому онъ говоритъ между прочимъ, что онъ былъ посланъ въ Новгородъ, въ Москву для выбора студентовъ [2]). И ироніей судьбы онъ выбралъ между ними своего будущаго соперника въ поэзіи Ломоносова.

2 января 1736 года отставной прапорщикъ Василій

---

[1]) Пекарскій. Истор. Импер. Ак. наукъ въ Петербургѣ.

[2]) Москвитянинъ 1742 стр. 124.

Поповъ прибылъ въ Академію наукъ съ двѣнадцатью молодыми людьми, которыхъ привезъ изъ Москвы[1]).

Но Ломоносову не долго пришлось пробыть въ Петербургѣ и объ этомъ времени мы мало знаемъ, хотя съ достовѣрностью можно сказать, что время пребыванія въ Петербургѣ не прошли для него даромъ какъ мы увидимъ ниже, онъ дѣятельно изучаетъ нѣмецкій языкъ, потому что скоро онъ съ товарищами: Виноградовымъ и Рейзеромъ былъ отправленъ за-границу. Дѣло въ томъ, что еще въ 1735 году баронъ Корфъ старался пріискать за-границей и выписать въ Россію знающаго химика и астронома, а главное человѣка знакомаго съ горнымъ дѣломъ, въ которомъ особенно ощущалась нужда въ Россіи для предполагаемой экспедиціи въ Сибирь. Астрономъ Либертусъ отозвался на вызовъ барона, но химика, знающаго горное дѣло и соглашающагося ѣхать въ Россію, не находилось. И Іоганъ Генкель, докторъ и горный совѣтникъ на просьбу барона Корфа подыскать нужнаго химика отвѣтилъ, что желающаго ѣхать въ Россію онъ не можетъ найти, но предлагалъ послать въ Германію для изученія горнаго дѣла нѣсколько русскихъ, которые уже получили научное образованіе, или по крайней мѣрѣ знакомы съ латинскимъ, и нѣсколько съ нѣмецкимъ языкомъ, если, они кромѣ того,—настолько одарены умомъ и способностями, что съумѣютъ сами управлять собою и обращать на все должное вниманіе [2]).

Этотъ отвѣтъ германскаго ученаго очень характерный, какъ рисующій взглядъ запада на русскаго и въ частности на русскаго ученика.

Баронъ Корфъ въ силу необходимости долженъ былъ согласиться съ Генкелемъ и 5 марта 1736 г. просилъ Императорскій Кабинетъ объ отправленіи во Фрейбергъ къ

---

1) Куницъ. Собраніе матеріаловъ для исторіи Академіи.

2) Пекарскій, П. Исторія Импер. Академіи Наукъ въ Петербургѣ.

Генкелю для изученія металлургіи трехъ прибывшихъ изъ Московскихъ школъ учениковъ, Рейзера, Дмитрія Виноградова и Ломоносова, потому что „понеже они всѣ тѣ свойства въ себѣ имѣютъ, какихъ помянутой бергъ-физикусъ требуетъ“, и добавляетъ: „хотя Дмитрій Виноградовъ съ Михаиломъ Ломоносовымъ нѣмецкаго языка и не знаютъ, однако еще въ бытность свою здѣсь чрезъ три мѣсяца столько научиться могутъ, сколько имъ надобно“. Къ счастью Генкель спросилъ за обученіе русскихъ больше чѣмъ на то ассигновала Академія и потому баронъ Корфъ снесся съ знаменитымъ профессоромъ Вольфомъ, который уже успѣлъ сдѣлать много услугъ нашей молодой Академіи.

18-го августа 1736 г. Вольфъ прислалъ согласіе взять къ себѣ русскихъ учениковъ. По полученіи отвѣта, была подписана инструкція[1]), въ силу которой Ломоносовъ и его товарищи обязывались. 1) „Во всѣхъ мѣстахъ, во время своего пребыванія показывать пристойные нравы и поступки, также и о продолженіи своихъ наукъ наилучше стараться. 2) Къ полученію желаннаго намѣренія ничего не оставлять, что до химической науки и горныхъ дѣлъ касается, а при томъ учиться и естественной исторіи, физики, геомотріи тригонометріи, механикѣ, гидравликѣ и гидротехникѣ. 3) Объявленнымъ наукамъ учиться ему у тамошняго совѣтника правительства Вольфа и требовать отъ него при всѣхъ случаяхъ совѣта, а къ нему о томъ уже написано и впредь письменная пересылка съ нимъ содержена быть имѣетъ.

4) Положивши основаніе въ теорію, долженъ онъ при осматриваніи рудокопныхъ мѣстъ различныя свойства горъ и рудъ, также и случающуюся при томъ работу и прочія къ тому принадлежащія машины и строенія прилежно примѣчать, а при плавленіи и отдѣленіи рудъ въ лабораторіяхъ самъ трудиться, и вездѣ въ практикѣ

1) Пекарскій, П. Исторія Императорской Академіи Наукъ, т.

ничего не пренебрегать, чѣмъ онъ свое знаніе въ химіи и въ горныхъ дѣлахъ въ возможное совершенство привести можетъ. 5) Стараться имъ о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, чтобы они ими свободно говорить и писать могли, а притомъ учиться прилежно рисованію. 6) Присылать всегда по происшествіи полгода въ Академію наукъ извѣстія, какимъ наукамъ и языкамъ онъ обучается; также и нѣчто изъ своихъ трудовъ въ свидѣтельство прилежанія и притомъ счетъ съ росписками о своихъ расходахъ. 7) Если они потомъ, смотря по обстоятельствамъ, далѣе въ Саксонію, Голландію, Англію и Францію посланы быть имѣютъ, то дана будетъ ему тогда новая инструкція". Кромѣ того, въ опредѣленіи сказано: „каждому изъ нихъ назначается въ годъ по триста рублей, изъ которыхъ они должны не только содержать себя, но и покрыть издержки на проѣздъ въ Марбургъ и всѣ другіе необходимые расходы, остальные триста рублей остаются въ запасъ, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ могли быть уплочены могущіе встрѣтиться экстренные расходы и путевыя издержки въ случаѣ дальнѣйшей поѣздки въ Голландію, Англію и Францію".

8-го Сентября 1736 года бывшіе ученики Московской Академіи отправились на кораблѣ въ путь къ новой жизни и къ новой наукѣ, но сильная буря заставили ихъ вернуться и только 23-го числа того же мѣсяца они могли выѣхать изъ Кронштадта, а 3-го Ноября того же года прибыли въ Марбургъ.

III

Марбургскій университетъ, первый въ Германіи, основанный протестантами въ 1527 г. все время съ начала основанія и ко времени прибытія Ломоносова

счастливо выдѣлялся изъ ряда другихъ университетовъ Германіи по своимъ ученымъ силамъ и всегда стоялъ въ оппозиціи къ католическимъ университетамъ, гдѣ царила въ началѣ XVIII в. мертвая наука XVI и XVII в.в., не освященная еще самостоятельной критической мыслью протестантизма.

Ко времени же пріѣзда Ломоносова, составъ ученыхъ Марбургскаго университета былъ особенно блестящій, и во главѣ ихъ стоялъ знаменитый въ то время Христіанъ Вольфъ, главный представитель нѣмецкой науки всего XVIII-го столѣтія и, поэтому, сюда стекались студенты почти со всей Германіи. Самъ городъ Марбургъ, типично нѣмецкій, небольшой, когда-то входившій въ свободный союзъ городовъ, сохранилъ вполнѣ характеръ стараго, горнаго, средневѣковаго города. Узкія улицы подымались и опускались по изрытымъ скаламъ, то пропадая въ вышинѣ, то опускаясь въ долины. Маленькіе бюргерскіе домики, окруженные садами, всегда накрѣпко закрытыми воротами, какъ бы отдѣльныя крѣпости, лѣпились по утесамъ.

Кругомъ было много зелени и простора.

Великолѣпный замокъ въ готическомъ стилѣ царилъ высоко надъ городомъ и съ нимъ, точно соперничая въ величіи и красотѣ, выдѣлялась на общемъ фонѣ низкихъ домовъ еще болѣе великолѣпная церковь Св. Елизаветы—покровительницы города. Построенная рыцарскимъ орденомъ въ 1253—83 г.г., она представляла изъ себя одинъ изъ рѣдкихъ образцовъ чистѣйшей раннеготической архитектуры. Университетъ, эта цитадель науки, помѣщался почти въ центрѣ города, въ мрачномъ зданіи упраздненнаго монастыря. Живописныя окрестности тѣснымъ, краснымъ кольцомъ окружали высокій городъ, раскинувшійся на торговой рѣкѣ между Франкфуртомъ на Майнѣ и Касселемъ.

Марбургъ жилъ пестрой, грубой и пьяной жизнью торговаго и университетскаго города того вѣка и эта

жизнь, разумѣется, должна была втянуть русскихъ студентовъ уже испорченныхъ порокомъ Москвы. Первое извѣстіе о прибытіи ихъ въ Марбургъ мы находимъ въ университетской книгѣ, гдѣ записывали вновь поступившихъ студентовъ. Подъ датой 17-го Ноября 1736 года значится: „Петербургскіе Руссы“: Густавъ Ульрихъ Рейзеръ, Михаилъ Ломоносовъ и Дмитрій Виноградовъ“. Всѣ остальныя извѣстія о нихъ мы будемъ черпать изъ донесеній Вольфа и Гекеля Петербургской академіи, изъ писемъ самого Ломоносова, а главное изъ жизни окружающихъ людей, т. е. изъ жизни народа, бюргерства и студенчества того времени. Изъ предыдущей главы мы знаемъ, съ какимъ жалкимъ умственнымъ богажомъ прибыли студенты Московской академіи учится заграницу; мы знаемъ также условія Московской жизни и нравовъ и благодаря этому знаемъ хотя отчасти, ихъ нравственную физіономію.

Можно положительно сказать, что первое время по пріѣздѣ въ Марбургъ, они растерялись подъ впечатлѣніемъ новой жизни и новыхъ отношеніи съ людьми. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что нѣмецкій языкъ, могщій объяснить имъ многое, былъ для нихъ совершено чуждъ. Правда, въ обществѣ Хр. Вольфа они говорили по латыни, но внѣ его общества, они были совершенно одинокими, притомъ не только среди горожанъ, но и среди своихъ будущихъ товарищей студентовъ.

Бродя безцѣльно по улицамъ незнакомаго города, возбуждая удивленіе, а можетъ быть и смѣхъ окружающихъ, они поражались всѣмъ и жадно присматривались къ новой жизни и новымъ порядкамъ.

Но и въ обществѣ Вольфа и его ученыхъ друзей ихъ ждало тоже большое непривычное новшество. Ихъ должно было очень поразить отношеніе къ нимъ знаменитаго ученаго. Эти простые человѣческія отношенія, а потомъ даже отеческія, особенно глубоко трогали ихъ и выбивали изъ прочно установившагося воззрѣнія, что

учитель и ученикъ два враждующіе лагеря. Эти отношенія, можетъ быть, впервые будили въ нихъ человѣческое достоинство, какъ пестрая жизнь въ городѣ, будила порывы молодой страсти и радость свободы.

Но была еще другая сторона ихъ жизни, особенно сильно касающаяся Ломоносова, это жажда научныхъ знаній. Вольфъ съ первыхъ шаговъ открылъ передъ ними необъятный горизонтъ новыхъ мыслей, новыхъ вопросовъ и пытливый умъ Ломоносова, ошеломленный массой научныхъ впечатлѣній, жадно слушалъ слова учителя и эта жажда къ знанію, какъ мы увидимъ ниже, не позволила ему уйти въ пошлый разгулъ жизни XVIII в., какъ это случилось почти съ большинствомъ студентовъ и отчасти съ его русскими товарищами.

Мы не думаемъ, что сразу по записи ихъ въ университетъ они стали посѣщать лекціи. Надо помнить, что преподаваніе въ то время велось уже въ большинствѣ на нѣмецкомъ языкѣ, непонятнымъ для нихъ. Правда уже въ Іюнѣ 1737 г. мы имѣемъ извѣстіе, т. е. донесеніе Вольфа нашей Академіи, гдѣ онъ пишетъ барону Корфу: „Виноградовъ и Ломоносовъ уже говорятъ по нѣмецки и довольно хорошо понимаютъ то, о чемъ говорится, нужно конечно нѣсколько времени на то, пока русскій который ничего не смыслитъ въ нѣмецкомъ языкѣ, успѣлъ усовершенствоваться въ немъ“ и добавляетъ „стали также учиться рисованію, которое имъ пригодится въ математикѣ и естественной исторіи“. Но мы позволимъ себѣ думать, что этому быстрому успѣху въ изученіи нѣмецкаго языка, не столько помогли бесѣды самого Вольфа, и ихъ прилежаніе какъ тѣсное соприкосновеніе студентовъ съ жителями города. Начиная хотя и плохо понимать языкъ окружающихъ людей, они спѣшили пріобрѣсти знакомства и, разумѣется, ихъ первое знакомство было съ низами города, съ прибрежными жителями. которое и дало имъ большую практику въ изученіе языка. Постепенно привыкая къ

новому положенію, они естественно начинали чувствовать, что гнетъ казарменной дисциплины Московскихъ школъ, которому они невольно подчинялись въ первые мѣсяцы въ Марбургѣ—наконецъ сброшенъ и остался тамъ за моремъ, какъ далекое, тяжелое воспоминаніе. Передъ ними открывалась новая, полная захватывающихъ интересовъ жизнь и притомъ сытая послѣ московскихъ голодовокъ. Сумма въ 300 р., отпущенная каждому изъ нихъ, казалась неисчерпаемымъ богатствомъ. Молодость вообще жадна на излишества и крайности. Но молодость нашихъ студентовъ, впервые почувствовавшихъ себя не узниками, а свободными, должна была опьянить ихъ, и мы видимъ, что они какъ къ солнцу потянулись ко всѣмъ порокамъ и излишествамъ большого рѣчного города. Жизнь разбилась между улицей и учеными занятіями. Жадно впитывая то и другое, они жили первое время какъ въ туманѣ, плохо отдавая себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. И если повторяемъ, животная жизнь города не захватила ихъ окончательно, то этимъ мы должны быть особенно благодарны Вольфу и не какъ педагогу или надзирателю за ихъ поведеніемъ, потому, что въ ихъ частную жизнь онъ не вмѣшивался и даже, какъ мы увидимъ ниже, и не зналъ, а тому умственному интересу который онъ успѣлъ привить къ своимъ ученикамъ и это вліяніе особенно отразилось на Ломоносовѣ.

Что же изъ себя представляла жизнь германскаго народа?

Жизнь Германіи была вообще жизнь XVIII в., и мы позволимъ, хотя отчасти познакомить съ этой пестрой жизнью, чтобы лучше уяснить жизнь русскихъ студентовъ. Низы народа, мало чѣмъ, въ нравственномъ и умственномъ тношеніи отличались отъ низовъ Москвы. Все это были люди труда и минутныхъ развлеченій. Женщины и вино играли въ ихъ жизни главную роль, а того и другого было въ изобиліи въ многочисленныхъ кнейпахъ. Этому, почти повальному пьянству и разврату

низовъ Германіи, очень много способствовало какъ само общество, начиная съ верховъ, такъ и студенчество, тоже пьяное, развратное, презирающее все, кромѣ женщинъ и вина. Но студенчество какъ товарищество, по обычаямъ того времени, было еще недоступно нашимъ студентамъ. Другая же часть жителей, бюргерство, къ этому времени, хотя и было доступно для знакомства студентовъ, но отличаясь большой сдержанностью, они вели въ большинствѣ случаевъ, совершенно замкнутый образъ жизни и были вѣчно во враждебныхъ отношеніяхъ какъ къ студентамъ, такъ и не менѣе къ пьянымъ и развратнымъ дворянамъ. Благодаря этой изолированности въ жизни бюргерства, странно перемѣшались строгіе семейные обычаи съ пошлостью и роскошью, внесенную въ Германію дворянствомъ, притомъ же бюргерство насквозь пропитанное ханженствомъ тоже пьянствовало.

Вообще надо сказать, что средній классъ Германіи, послѣ несчастнаго Вестфальскаго мира, который разорилъ, а главное больно ударилъ по національному самолюбію, впалъ вполное отчаяніе и ушелъ въ духовную, внутреннюю жизнь и въ мечты о загробной жизни. Религіозныя размышленія въ родѣ Шпенеровскаго царили особенно среди бюргерства и ремесленниковъ. И этотъ мрачный піэтизмъ убилъ въ концѣ смѣхъ, веселыя шутки, танцы. Развлеченія даже невинныя считались тяжелымъ грѣхомъ. Царили только кнейпы — пивныя въ подвальныхъ этажахъ, темныя, грязныя и низкія, съ большими грубыми столами и съ бочками пива они были всегда полны народомъ. Пили много, мрачно, строго соблюдая, чтобы въ пивную бюргера не было доступа ремесленнику, студенту или другимъ. Тѣ также оберегали замкнутость своей пивной и только прибрежныя пивныя низовъ были полны разнообразной публикой и публичными женщинами. Тамъ вмѣстѣ съ пьянствомъ царилъ и мрачный уличный развратъ.

Между тѣмъ, верхи столичнаго общества, въ противо-

ложность бюргерству и мелкому дворянству, послѣ несчастной тридцатилѣтней войны предавались открыто необузданному пьянству, веселью и разврату. Роскошь, заимствованная у Франціи раззоряла аристократовъ и притѣсняла поборами народъ. Грубость нравовъ XVIII вѣка дошла казалось до апогея. Даже въ столицахъ и при дворѣ Фридриха Вильгельма II, гдѣ все таки дворянство было въ умственномъ отношеніи много выше провинціи царилъ полный развратъ и невѣжество. Вотъ что говоритъ о высшемъ берлинскомъ обществѣ одинъ достойный довѣрія современникъ, оставившій въ своихъ интересныхъ письмахъ описаніе тогдашняго состоянія прусской монархіи...„ Въ столицѣ физическія наслажденія развиты до высшей утонченности. Офицеры и прежде всегда преданные праздности и чуждые научнымъ занятіямъ перещеголяли всѣхъ въ искусствѣ наслаждаться. Эти привиллегированные нарушители порядка попирать начали все: религію, супружескую вѣрность, всѣ добродѣтели семейной жизни. Жены у нихъ считаются общимъ достояніемъ; они ихъ продаютъ, мѣняютъ, увозятъ другъ у друга. Женщины до того испорчены, что даже знатныя дамы становятся сводницами, привлекаютъ къ себѣ молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ высшаго круга и соблазняютъ ихъ. Многія женщины публичныхъ домовъ могутъ быть названы настоящими весталками въ сравненіи съ знатными дамами, являющимися въ обществѣ законодательницами моды. Важныя барыни не стыдятся садиться въ театрѣ на скамьи публичныхъ женщинъ, привлекаютъ къ себѣ любовниковъ и отправляются съ ними домой. Часто цѣлый кружокъ развратныхъ аристократокъ складываются вмѣстѣ и нанимаютъ меблированную квартиру, куда являются съ любовниками что бы тамъ, ничѣмъ не стѣсняясь, справлять вакханаліи и оргіи, которыя изумили-бы новизною даже регента Франціи“ [1]). Но и дворъ во

1) Шерръ. Исторія цивилизаціи Германіи, кн. III 541—42.

главѣ съ королемъ тоже были во власти этой распущенности и грубости. Стоитъ вспомнить знаменитую „табачную комнату“ короля Фридриха Вильгельма I, гдѣ онъ среди своихъ генераловъ и министровъ проводилъ большую часть времени за круглымъ столомъ, уставленнымъ пивомъ и въ клубахъ табачнаго дыма рѣшалъ важнѣйшіе вопросы своего царствованія. Пили ужасно много и много было веселья когда королю удавалось кого нибудь напоить до безчувствія. Шуты и прохвосты играли выдающіяся роли. Нѣкоего Гудлинга Король въ насмѣшку дворянамъ осыпалъ милостями, сдѣлалъ его дворяниномъ и точно подчеркивая презрѣніе къ ученымъ назначилъ его президентомъ Академіи наукъ. Но это не мѣшало продѣлывать съ нимъ подчасъ грубыя шутки. Разъ Гудлингъ былъ пьянъ, король велѣлъ положить ему въ постель одного изъ медвѣдей, содержимыхъ въ Вестенгаузенѣ и только счастливый случай спасъ его отъ смерти. Соперникомъ Гудлинга былъ Фасманъ, извѣстный авторъ разговоровъ „въ царствѣ мертвыхъ“. По приказанію короля онъ сочинилъ сатиру на Гудлинга и прочелъ её въ табачной коллегіи. Гудлингъ пришелъ въ такую ярость, что бросилъ въ лицо сатирику сковороду съ горячими углями, приготовленными для закуриванія трубокъ. Тогда Фасманъ схватилъ противника, обнажилъ въ присутствіи короля извѣстную часть его тѣла и такъ обработалъ её сковородой, что Гудлингъ нѣсколько недѣль не могъ сѣсть. Когда Гудлингъ умеръ отъ пьянства онъ былъ погребенъ въ винной бочкѣ, а его мѣсто заступилъ Моргенштернъ [1]). Въ этой же комнатѣ устраивались диступы на тему. „Всѣ ученые пустомѣли и дураки“. Но этого казалось мало. Фридрихъ Августъ Саксонскій показывалъ гостямъ въ волшебно освященной комнатѣ нагую дочь свою. Эта дочь была одна изъ многочисленныхъ любовницъ отца.

---

1) Шерръ. I. Исторія цивилизаціи въ Германіи 45—23.

Разумѣется, въ тискахъ между развратомъ и грубостью высшаго общества и низовъ, сведенныхъ почти до животной жизни, бюргерство и мелкое дворянство не могло долго оставаться въ мрачной оторванности отъ другихъ и постепенно впитывали тѣ же пороки. Ко времени пріѣзда заграницу Ломоносова и въ кругу бюргерства пьянство было сильно развито и въ строгій обычай древняго уклада, въ суровый религіозный піэтизмъ незамѣтно входило легкость нравовъ и пренебреженіе ко всему верховъ.

Даже женщина, эта безсловесная раба мужа, которая не имѣла права одна безъ провожатаго выходить изъ дома, къ тому времени, преодолѣвъ съ большой борьбой церковно-нравственную полицію стремилась жить жизью верховъ.

Разложеніе нравовъ, грубость, нетерпимость, умственное невѣжество точно черною тучею покрыло Германію въ мрачную первую половину XVIII. вѣка.

Науки презирались даже большинствомъ студентовъ и только какъ свѣтлыя, блуждающія точки среди сплошной тьмы страшной ночи жила мысль немногихъ ученыхъ и поэтовъ, которые силились тяжелой борьбой разогнать мракъ невѣжества и вывести народъ къ свѣту. Таково было общество съ которымъ, хотя не въ цѣломъ объемѣ, но съ низами и частью бюргерства пришлось столкнуться и жить русскимъ студентамъ.

Студенчество всегда во всѣ времена можно разсматривать какъ квинтъ эссенцію даннаго времени. Въ нихъ какъ въ зеркалѣ отражаются всѣ пороки и достоинства вѣка, притомъ картина жизни студентовъ въ началѣ XVIII вѣка, вѣка умственнаго перелома германскаго народа поможетъ намъ разобраться и въ умственной жизни Ломоносова.

Германское студенчество временъ Ломоносова жило какъ и остальные классы общества совершенно отдѣльно, разбитое на множество корпорацій рѣзко отдѣленныхъ одна отъ другой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что

русскимъ студентамъ пришлось пройти если не всѣ, то большую часть обрядовъ поступленія въ корпорацію.

Марбургскій университетъ въ то время состоялъ изъ четырехъ факультетовъ: теологическаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. Профессора обыкновенно читали лекціи по нѣсколькимъ предметамъ, Вольфъ напримѣръ по шестнадцати. Лекціи раздѣлялись на общія, частныя и спеціальныя. Общія лекціи были официальныя, частныя для записавшихся студентовъ на какой-либо предметъ и спеціальныя, которыя читались по желанію профессора. При этомъ нельзя забывать, что Германскіе университеты въ первой половинѣ XVIII в. переживали важный переломъ въ научномъ міросозерцаніи. Это было время уже вполнѣ опредѣлившихся новыхъ теченій въ философской мысли. Въ этомъ отношеніи университеты въ Галле и Марбургѣ сыграли выдающуюся роль. Въ нихъ особенно ярко проявилась реформатская дѣятельность, которая въ конецъ побѣдила старые идеалы и старую науку и освободила мысль отъ несокрушимаго до того времени господства слѣпого догмата. Толчокъ этому былъ данъ еще Лейбницомъ, сейчасъ же послѣ Гуттена и Лютера, которые какъ бы подготовили ему почву. Послѣ Лейбница образовалась цѣлая плеяда учениковъ критической мысли и критической вѣры, но это вліяніе не могло распространяться дальше стѣнъ кабинетовъ ученыхъ. Всѣ сочиненія ихъ не исключая математики, физики и естественной исторіи, писались на латинскомъ языкѣ совершенно не доступнымъ для общества Но какъ мы видѣли выше, въ обществѣ, и особенно среди бюргерства крайне обостренно религіозные вопросы, связанные какъ всегда съ философіей.

Бюргерство жадно прислушивалось къ отрывкамъ спора ученыхъ и по своему искажало ихъ. Это искаженіе породило множество духовныхъ обществъ и братствъ, которыя невольно будили мысль. Такимъ пу-

темъ, хотя и безъ прямого участія ученыхъ, подготовлялась почва великой революціи мысли. При такихъ обстоятельствахъ, и при общемъ пренебреженіи ученыхъ къ родному языку, какъ громовой ударъ является смѣлый поступокъ Х. Томазеуса, который въ 1688 г., будучи магистромъ Лейпцигскаго университета, вывѣсилъ объявленіе, что онъ будетъ читать свой курсъ на нѣмецкомъ языкѣ. Около того же времени появился рядъ научныхъ книгъ на нѣмецкомъ языкѣ и знаменитая книга Готфрида Арнольда: „Безпристрастная исторія церкви и ересей".

Въ этой книгѣ безъ сомнѣнія большое участіе принималъ и Томазіусъ. При томъ интересѣ, который существовалъ въ обществѣ къ религіознымъ вопросамъ эта книга какъ камень брошенный въ стоячее болото, всколыхнула его и загорѣлись страсти. „Я покажу пишетъ Готфридъ Арнольдъ, что истинная церковь никогда не была многочисленной и гонительницей, а напротивъ, всегда малой и гонимой" [1]). Томазіусъ говоритъ: „по этой-то причинѣ напали на Арнольда съ ожесточеніемъ, хотя несправедливо, всѣ тѣ, которые по своимъ расчетамъ не желали бы видѣть въ печати истину, обнаруженную передъ всѣмъ свѣтомъ, поэтому его противники утверждали даже, будто бы онъ оправдываетъ всѣхъ еретиковъ, фантазеровъ и даже атеистовъ, порицаетъ Божію церковь, предаетъ поношенію правовѣрныхъ учителей и первыхъ христіанскихъ императоровъ" [2]). И въ отвѣтъ на критику Тенцеля пишетъ: „Разумъ признаетъ верховнымъ властелиномъ Бога. Всякое стѣсненіе, которымъ его подвергаютъ, когда поставляютъ правиломъ ему человѣческій авторитетъ невыносимо ему". Но несмотря на эту смѣлую борьбу съ догмой, рѣшительную борьбу съ нею всетаки пришлось дать Христіану Вольфу, сперва въ Галле, а потомъ въ Марбургѣ. Онъ первый изъ послѣдователей Лейбница, какъ съ универ-

1) Шлоссеръ, Р. к. Исторія XVIII в., изд. II, т. I 431.
2) Тамъ же, стр. 431—2.

ситетской кафедры, такъ и въ своемъ сочиненіи „Vernünftige Gedanken“ смѣло превозгласилъ главенство свободной мысли что „нѣтъ слѣдствія безъ достаточной причины“. Но помимо того Вольфъ былъ яркимъ представителемъ космическаго и естественно-историческаго изслѣдованія, основаннаго на томъ, что и истина не существуетъ ввидѣ готоваго ученія, а является результатомъ постоянно двигающейся впередъ работы научнаго изслѣдованія. Но главная его заслуга передъ наукой та, что онъ заставилъ старыхъ педагоговъ схоластики уступить мѣста новымъ ученымъ. Польфъ сдѣлалъ науку и критику вѣры достояніемъ всѣхъ.

Къ этой борьбѣ, которая отразилась на развитіи Ломоносова мы еще коснемся впереди, а теперь разсмотримъ бытъ студенчества и ихъ умственныеи нтересы прибавимъ только, что взаимныя отношенія профессоровъ и студентовъ тогда по большей части были товарищескія. Профессора часто принимали дѣятельное участіе въ торжественныхъ празднествахъ студенчества.

Каждый вновь прибывшій студентъ долженъ былъ вступить въ кругъ своихъ новыхъ товарищей и это вступленіе было обставлено очень торжественно. Въ назначенный день „Depositor“, т. е. старшій студентъ, въ фантастической одеждѣ, встрѣчалъ вновь вступающихъ, которые входили въ зало наряженными разными звѣрями и главное съ твердымъ сознаніемъ, что они дѣйствительно звѣри, а не студенты. При полномъ молчаніи старыхъ, посвященныхъ студентовъ, „Depositor“ разрисовывалъ имъ лица, наклеивалъ бороды и обращался къ нимъ съ рѣчью, пересыпанною грубыми и циничными насмѣшками. На эту рѣчь новички должны были говорить отвѣтныя рѣчи и разумѣется неудачно, по крайней мѣрѣ такъ должно было быть, за что они получали подъ хохотъ, грубую ругань и смѣхъ удары колбасой, набитой пескомъ; потомъ по командѣ ложились на полъ такъ, чтобы головы ихъ были вмѣстѣ, какъ центръ круга, а ноги расходились на подобіе лучей и всѣ они въ тактъ

должны были вращаться колесомъ подъ бурный смѣхъ и остроты старшихъ товарищей въ знакъ покорности къ нимъ. Потомъ новичку стригли голову, посыпали стружками, опилками или пепломъ, чистили у него въ ушахъ громадною ложкою, гигантскими клещами вытаскивали искусственно вставленные зубы. Въ заключеніе всѣхъ этихъ обрядовъ, не лишенныхъ символическаго значенія, вакхантъ говорилъ своему тутору: „Accipe depositor, pro munere munera grata, et sic quaero mei sis measque memor“ и вновь принятый становился пенналомъ. Во все время этой церемоніи пѣлись пѣсни и игралъ студенческій оркестръ.

Но жизнь принятаго въ корпорацію пеннала была далеко не изъ легкихъ. Она вся выражалась въ слѣпомъ подчиненіи старшему до чистки сапогъ и разныхъ мелкихъ услугъ включительно, деньги пеннала тоже почти цѣликомъ шли на угощенье старшихъ въ студенческихъ кнейпахъ.

Кнейпа студенческой корпораціи рѣзко отличалась отъ общей городской кнейпы. Она по большей части тоже помѣщалась въ низкомъ подвальномъ помѣщеніи, установленномъ столами и бочками пива, но почти всегда красиво и ярко украшена.

Картины, иногда очень талантливо написанныя, изъ студенческой жизни украшали стѣны, на ряду съ ними висѣли и картины, изображавшія соблазнительныя сцены, гдѣ главная роль была отведена женщинѣ и надо сознаться, что при грубости того вѣка эти картины поражали своимъ цинизмомъ и откровенностью. Но главное украшеніе кнейпы всегда составляли хранившіяся тамъ корпоративное знамя и знамена родственныхъ корпорацій и разноцвѣтные корпоративные значки. Этими значками были увѣшаны всѣ свободныя мѣста стѣнъ ими были изрѣзаны всѣ скамьи, стулья, столы, двери и окна.

Почти всегда, безлюдная днемъ, кнейпа, къ девяти

часамъ вечера наполнялась студентами. Множество свѣчей тускло освѣщали мрачное сводчатое подвальное помѣщеніе, клубы синеватаго табачнаго дыма облакомъ стлались надъ головами.

Въ девять часовъ вечера всѣ члены корпораціи должны были собраться въ кнейпу. Кто являлся позже, того считали опоздавшимъ и онъ подвергался разнымъ наказаніямъ, по большей части денежными штрафами отъ 10 грошей до 30 крейцеровъ. Къ означенному часу за большой столъ садился въ особое почетное кресло „синьоръ“, т. е. старшій студентъ, кругомъ размѣщались другіе студенты. По слову синьора „ad loca“ всѣ садились по своимъ мѣстамъ. Передъ каждымъ уже стоитъ его „шоппенъ“, пѣнящійся пивомъ. Величественный синьоръ. сильно ударяя по столу шпагой, или чѣмъ-нибудь другимъ, громко провозглашалъ. „Silen-tium! Wir reiben zur Eröffnung Kneipe ein kräftigen Schoppen. Salamandra (?)! Ad exercstium salamandrium: eins, zwei, drei... и всѣ разомъ высоко поднимаютъ бокалы, пьютъ и разомъ же опускаютъ.

Eins, zwei... медленно произноситъ синьоръ и всѣ остальные выбиваютъ бокалами по столу громкую дробь; при крикѣ „drei“ она вдругъ умолкаетъ и всѣ бокалы опять подняты кверху. Eins, zwei, drei! снова слышится повелительный голосъ синьора и при послѣднемъ возгласѣ всѣ быстро опускаютъ бокалы на столъ, такъ что происходитъ нѣчто вродѣ выстрѣла. Это и есть „саламандра“ обрядъ, весьма уважаемый студентами.

Послѣ этого можно было свободно пить пиво но съ пожеланіемъ здравія „Varzukemmer“.

Это былъ обычный вечеръ студента.

Болѣе важные праздники проходили болѣе торжественно. Такъ напримѣръ въ 1726 году Марбургскій университетъ праздновалъ свой двухстолѣтній юбилей и въ академическихъ лѣтописяхъ сахранилось описаніе этого праздника. „Въ залѣ, сказано въ лѣтописяхъ, обѣдало

около пятисотъ человѣкъ; господа студенты веселились вдоволь и не произошло ни малѣйшаго несчастія; ни даже безпорядка, за исключеніемъ только того, что всѣ стаканы, бутылки, столы, скамейки и окна были разбиты въ дребезги, что сдѣлало убытку на двѣсти талеровъ“ [1]). Поэтому можно судить о тѣхъ пиршествахъ которыя происходили и „съ несчастіемъ“ и „безпорядками“.

Но кромѣ кнейпы и въ пьяныхъ праздничныхъ гуляній были и другія развлеченія и одно изъ самыхъ распространенныхъ Марбургѣ и любимыхъ были концерты въ „они давались каждую субботу безденежно, но съ условіемъ — молчать во время игры и слушать му-зыку“ [2]).

Студенты были большею частью сыновья бюргеровъ, зажиточныхъ ремесленниковъ и мелкихъ дворянъ, воспитанные въ обстановкѣ, гдѣ ханжество и безвѣріе, жестокость нравовъ и грубый развратъ переплелись какъ мы видѣли въ какой-то фантастично-страшный клубокъ, они несли ихъ и въ университетъ и эти пороки, скрываемые отъ глазъ суровыхъ родителей, здѣсь пышно разцвѣтали на свободѣ. Но особенность студенчества какъ касты состояло въ томъ, что они прививали къ себѣ духъ стараго рыцарства, который мѣшаясь съ сѣрымъ мѣщанствомъ вырождался въ жалкую пародію.

Ни одинъ вѣкъ не былъ такимъ пестрымъ какъ XVIII. На зарѣ новой жизни, новой философіи, вѣры и науки царили, какъ мы уже видѣли, необыкновенно тѣсно сплетаясь между собою жажда къ наслажденію, роскоши, пьянству и разврату вмѣстѣ съ поэтической мечтательностью къ новой жизни, къ новымъ запросамъ.

Поэзія и наука освобождаясь отъ оковъ XVII вѣка пробуждаетъ давно угасшее національное достоинство, и въ то же время продолжаетъ жить и отрицаніе всего отечественнаго. Родной, нѣмецкій языкъ завоевываетъ

---

1) Сухомлиновъ. Ломоносовъ студентъ Марбургскаго университета.
2) Тамъ же.

права гражданства и въ тоже время остается попрежнему въ пренебреженіи.

Разумѣется всѣ эти особенности ярче всего отразились въ студенческой средѣ.

Рыцарскій духъ, лишенный прежней дымки поэзіи и уваженія къ женщинѣ вылился въ грубыхъ, почти обязательныхъ поединкахъ; уваженіе къ женщинѣ— презрѣніемъ, религіозность — полнымъ равнодушіемъ и даже отрицаніемъ религіи и церкви. Честь человѣческаго достоинство приравнивалась къ чести корпораціи. Сила, умѣніе владѣть шпагой, количество выпитаго вина, цинизмъ и глумленіе надо всѣмъ святымъ считались лучшими достоинствами того студенчества. Наука была въ полнейшемъ загонѣ, даже въ кнейпѣ воспрещалось говорить о наукѣ и поэзіи. Вся энергія, весь умъ германскаго студенчества того времени былъ обращенъ на наружный образъ жизни.

Умственный кругозоръ оставался очень низкимъ. Вѣра въ колдовство, заклинаніе и вообще суевѣріе прочно жили въ средѣ студенчества. Такъ, напримѣръ, въ 1715 г., студенты заклинали духовъ при открытіи клада. Вотъ поэтому-то университеты, при общемъ равнодушіи студенчества къ наукѣ, давали очень мало своимъ питомцамъ. Дни студенчества скорѣе были веселымъ временемъ разгула, весной юности, а не временемъ пріобрѣтенія познаній,

Эр. Николаи такъ описываетъ „свои впечатлѣнія объ отношеніяхъ къ наукѣ студентовъ Вѣнскаго университета того времени въ своемъ путешествіи“ [1]). „На лекціи философіи онъ засталъ около 200 слушателей, лекція была хороша, интересна и понятна, но слушатели вели себя какъ мальчики: нѣкоторые лежали на скамьяхъ, болтали, другіе ребячески поглядывали вокругъ себя, а нѣкоторые кивали головой. Это имъ еще разрѣ-

1) Шерръ I. Исторія цивилизаціи Германіи стр. 379.

шалось, но чтобы эти молодые любители мудрости не настолько шумѣли, чтобы мѣшать профессору. Около кафедры отдѣльно сидѣлъ степенный студентъ называемый fiscus philosophcae, который, когда студенты поднимали шумъ, вставалъ и напоминалъ имъ объ обязанностяхъ по отношенію къ учителю".

Но къ чести студентовъ надо сказать, что не вездѣ замѣчалось такое невнимательное отношеніе къ лекціямъ. Лекціи Вольфа по возвращеніи его въ Галле, какъ и въ Марбургѣ, слушались съ большимъо вниманіемъ. Лекціи Вольфа записывались съ буквальною точностью. Слушатели боялись проронить не только слово, но даже движеніе, сопровождавшее его рѣчь. Въ тетрадѣ одного изъ его слушателей отмѣчено: „здѣсь засмѣялся Господинъ Совѣтникъ" [1]).

Вообще мы говоримъ о большинствѣ студентовъ, но между ними были разумѣется и такіе, которые впослѣдствіи оказались гордостью научной Германіи

Но особенно ярко вылилась жизнь студента, въ студенческихъ пѣсняхъ того времени. „Нѣтъ жизни въ мірѣ лучше", поетсявъ одной изъ пѣсенъ, „какъ жизнь студента, её создалъ намъ Бахусъ и Гамбринъ". „Бѣгать по кнейпамъ и пропивать свои деньги—вотъ величайшее, прекраснѣйшее призваніе. Исчезли деньги—дѣлается складчина и жизнь идетъ все также весело; нѣтъ гроша въ кошелькѣ—за то есть кредитъ въ кабакѣ и студентъ вѣчно тотъ же безпечный весельчакъ". [2]).

Долги студентовъ были обычнымъ явленіемъ съ которымъ боролось даже правительство, такъ въ 1735 г. ландграфъ Гессенскій издалъ слѣдующій указъ: „Мы съ прискорбіемъ узнали, что многіе изъ иностранцевъ и здѣшнихъ гражданъ, учащихся въ Марбургскомъ университетѣ, берутъ въ займы большія суммы деньгами или товаромъ,

---

1) Сухомлиновъ. Ломоносовъ, студентъ Марбугскаго университета стр. 139.

2) Модзалевскій.—Бытъ студентовъ Германіи стр. 87—88.

и часто случается, что подобные займы приводятъ студентовъ къ окончательному раззоренію и къ дебошамъ, а черезъ то и университетъ нашъ можетъ пріобрѣсти дурную славу. Поэтому повелѣваемъ, чтобы ни одинъ купецъ, ни портной, ни парикмахеръ, ни виноторговецъ, ни пивоваръ, ни содержатель кофейни и биллiярда, не смѣлъ давать студентамъ въ долгъ болѣе какъ на пять гульденовъ. Всѣмъ же ростовщикамъ, которые берутъ въ залогъ книги, платье, бѣлье, и тѣмъ дѣлаютъ большой вредъ студентамъ, строго запрещается принимать подобные залоги. Въ противномъ случаѣ, не будетъ дѣйствительна ни одна просьба о взысканiи долга, заложенныя вещи будутъ безплатно возвращены прежнимъ владѣльцамъ, а заимодавцы подвергнутся наказанію“ [1]). Но эти строгости разумѣется не могли уничтожить зло и мы видимъ что въ 1746 году опять повторяется указъ 1735-го года.

Но помимо кнейпы громадную роль въ жизни студента играла и женщина. „Биться съ мужчинами и возиться съ женщинами, да имѣть больше долговъ, чѣмъ денегъ вотъ что значитъ для студента жить на свѣтѣ“. Не менѣе вѣрна слѣдующая пѣсня подъ заглавiемъ: „Wobleibt die Zeit zum Ochsen (Гдѣ взять время зубрить)“. „Въ 8 часовъ утра я еще тяжелъ и тупъ, меня мучаетъ тошнота и головная боль. Въ 9 час. я ворочаюсь въ постели и мутными глазами обвожу свою комнату. Въ 10 час. приходитъ ко мнѣ служанка и мы мелемъ кофе. Въ 11 час. я мечтаю о своей милой и натягиваю на ноги ботфорты. Въ 12 час. старымъ векселемъ раскуриваю трубку. Въ 1 час. иду въ трактиръ „Золотого пѣтуха“ и ѣмъ черезъ силу. Въ 2 часа отправляюсь прогуляться и въ 3 часа смотрю молодцомъ. Въ 4 часа приходитъ какой-нибудь студентъ старикъ и тянетъ меня биться. Въ 5 час. приходится возиться съ разными фи-

1) Сухомлиновъ. Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета.

листерами и гонять со двора кредиторовъ. Въ 6 час. играемъ въ карты, а въ 7 час. уже бѣгаемъ за дѣвочками. Въ 8 час. спѣшимъ въ кнейпу и возимся съ пивомъ до тѣхъ поръ, пока Морфей ловкимъ боксомъ не собьетъ тебя съ ногъ. Ну скажите-же мнѣ теперь мой любезный ректоръ гдѣ же взять время на зубренье". 1).

Студенты,—пишетъ Мейфартъ, (въ началѣ XVII в.) простудировавъ нѣсколько лѣтъ лекціи въ университетѣ рѣдко возвращались домой цѣлыми, но большей части они бывали страшно изувѣчены съ разбитыми головами, изломанными руками и ногами, съ поврежденными глазами, беззубыми, со шрамами и рубцами на лицѣ и на всѣмъ тѣлѣ. Интересная пословица сохранилась до насъ отъ того времени: „если кто изъ Виттенбергскихъ студентовъ возвращался домой здоровымъ, изъ Лейпцигскихъ и Тюбингенскихъ не женатымъ, изъ Іенскихъ и Гельмштедтскихъ не изувѣченнымъ, тотъ можетъ похвалиться особеннымъ счастьемъ". Какъ мы увидимъ ниже, одно изъ этихъ предсказаній, а именно женитьба, оправдалось и надъ Ломоносовымъ.

Но кромѣ того корпораціи налагали обязанность и на костюмъ студента, который стоилъ очень дорого и по понятіямъ студенчества былъ куда важнѣе покупки нужныхъ книгъ и лекцій. Бархатный камзолъ, обшитый шнурами на подобіе венгерки, подъ которымъ по жилету одѣвалась цвѣтная лента корпораціи, стоилъ нѣсколькихъ десятковъ рублей. Головная короткая шапочка, всегда яркаго цвѣта, съ едва замѣтнымъ козырькомъ, на макушкѣ которой вышивался золотомъ и серебромъ корпоративный вензель въ лавровомъ вѣнкѣ, стоила тоже рублей 15 и дороже. Высокіе, большею частью выше колѣнъ, сапоги тоже густо украшались корпоративными знаками; толстая палка и большая трубка дополняли костюмъ студента. Корпорація налагала свою тяжелую руку, даже

1) Модзалевскій. Быть студентовъ Германіи.

на внѣшность студента. Самоувѣренный, чаще дерзкій видъ, длинные волосы, изуродованное свѣжими рубцами лицо, особенно носъ, считались главнымъ достоинствомъ студента. Презрѣніе ко всѣмъ филистерамъ, т. е. къ тѣмъ, кто не студентъ выражалось также дико и грубо.

Мошетонъ (XVIII в.) пишетъ: „въ ночное время иные (студенты) бѣгаютъ по улицамъ съ обнаженными шпагами въ рукахъ, и ударяютъ ими о камни такъ, что искры сыпятся; кричатъ неистово по лошадиному, по коровьи, по ослиному, по кошачьи, по собачьи, по дурацки, даже въ ушахъ дѣлается больно; бьютъ по окнамъ камнями, кольями и дубинами, крича: „выходи пеналъ!“ „выходи фуксъ!“ „выходи негодяй!“ и вообще наводили такой ужасъ, что у меня волосы дыбомъ становились“. Тогда обыватель, волей неволей, вооружался кольями и дубинами и выходилъ гнать студентовъ. Происходили цѣлыя битвы, которыя нерѣдко кончались убійствами и вмѣшательствомъ городской вооруженной силы.

Разумѣется, несмотря на всѣ грубости, пьянство и развратъ, которые охватывали большинство студенчества того времени, изъ нихъ все-же выходили и двигатели науки и искусства, потому что повторяемъ, пороки студенчества были присущи тому времени. Наука въ избранныхъ своихъ пробуждала мысль и опредѣляла будущіе идеалы, красоты и правды и эти избранные, какъ мы видимъ, помогли возродиться Германіи.

Въ такой средѣ, которую мы къ сожалѣнію могли только бѣгло очертить, приходилось жить и работать нашимъ студентамъ. Порокъ всегда заразителенъ, особенно въ молодые годы. Имъ же они были къ тому же заражены еще въ Москвѣ. Эти пороки и особенно пьянство отравили и великаго нашего перваго русскаго ученаго. Но винить его за пьянство едва ли позволительно, надо скорѣе удивляться какъ онъ могъ среди общаго отупѣнія того времени пробиться геніальнымъ умомъ впередъ и стать отцомъ русской науки. Вотъ

поэтому-то намъ особенно интересны отзывы о немъ Вольфа вскорѣ по пріѣздѣ русскихъ студентовъ въ Марбургъ.

Вольфъ, послѣ двухъ уже увѣдомленій Академіи о нехорошемъ поведеніи студентовъ, пишетъ 24-го ноября 1737 года въ Петербургѣ: „въ послѣдній разъ я забылъ написать вамъ, что не мѣшало-бы напомнить имъ, чтобы они были бережливѣе, а то въ случаѣ отзыва ихъ окажутся долги, которые могутъ задержать ихъ отъѣздъ“. Почти тоже повторяетъ онъ и Шумахеру въ письмѣ отъ 30 марта 1738 года. По полученіи этихъ донесеній наша Академія 29 мая 1738 года прислала имъ строгую инструкцію гдѣ между прочимъ говорилось: „не тратить деньги на наряды и пустое щегольство... Остерегаться дѣлать долги“ и пр. Но несмотря на это 17 августа того же года Вольфъ пишетъ барону Корфу: „...тому что уже случилось, этимъ (т. е. новой инструкціей) врядъ ли можно помочь. Вся ошибка происходитъ отъ перваго начала. Деньги, привезенныя ими съ собою они прокутили, не заплативъ того, что слѣдовало, а потомъ, добывъ себѣ кредитъ надѣлали долговъ“... и добавляетъ: „они кажется, еще не знаютъ, какъ нужно обращаться съ деньгами и жить бережливо, да и не думаютъ о томъ чѣмъ кончится дѣло, когда ихъ отзовутъ отсюда“. И, наконецъ, въ донесеніи объ отъѣздѣ русскихъ студентовъ изъ Марбурга пишетъ 21 іюня 1739 года относительно ихъ долговъ: „они чрезъ мѣру предавались разгульной жизни и были пристрастны къ женскому полу“. Но намъ болѣе интересны другіе отзывы Вольфа, а именно объ ихъ научныхъ успѣхахъ, потому что долги, пьянство и развратъ, какъ мы видѣли, были необходимые спутники того времени. Такъ должно было быть, такъ и случилось. Но вотъ что пишетъ Вольфъ въ тѣхъ-же донесеніяхъ: „у Ломоносова, повидимому, самая свѣтлая голова между ними; при хорошемъ прилежаніи онъ могъ бы и на-

учиться многому, выказывая большую охоту и желаніе учиться. А 13 января 1739 года пишетъ барону Корфу: „болѣе всего я еще полагаюсь на успѣхи Ломоносова". А въ мартѣ того же года: „я надѣюсь, что на нихъ (Ломоносова и Рейзера) деньги расходуются не напрасно. Г. Ломоносовъ начинаетъ также принимать болѣе кроткіе нравы". Далѣе Вольфъ пишетъ: „прилежно посѣщалъ (Ломоносовъ) мои лекціи по математикѣ и философіи, а преимущественно физики и съ особенной любовью старался пріобрѣтать основныя познанія. Нисколько не сомнѣваюсь, что если онъ съ такимъ же прилежаніемъ будетъ продолжать свои занятія, то современемъ, по возвращеніи въ отечество можетъ принести пользу государству, чего отъ души и желаю. А профессоръ Марбургскаго университета Дуисингъ свидѣтельствуетъ, что „благороднѣйшій юноша, любитель философіи, Ломоносовъ, посѣщалъ лекціи химіи съ неутомимымъ прилежаніемъ и большимъ успѣхомъ". Если сопоставить эти донесенія—первымъ, то невольно преклонишься передъ жаждой знанія Ломоносова и передъ его сильнымъ и непреклоннымъ характеромъ.

Но мы знаемъ теперь только одну сторону жизни, такъ сказать жизнь улицы и товарищества, попробуемъ-же разобраться въ умственномъ состояніи Германіи того времени, что намъ особенно важно, потому что Германія, а не Московскія школы сдѣлали Ломоносова ученымъ. Но прежде всего мы считаемъ необходимымъ ближе познакомить читателя съ Христіаномъ Вольфомъ и его ожесточенною борьбою за свободную критическую мысль съ казенными учителями мертвой науки, тѣмъ болѣе, что эта борьба очень похожа на будущую борьбу за науку его знаменитаго ученика, Ломоносова, въ нашей Петербургской Академіи.

Смѣлыя мысли Лейбница, его послѣдователей и Томазіуса нашли особенно яркаго выразителя въ лицѣ Вольфа.

Правда къ этому времени уже было много сторонниковъ Томазіуса, но они оставались какъ-то въ тѣни не имѣя мужества смѣло выступить въ открытую борьбу. Вскорѣ послѣ первыхъ, сравнительно робкихъ лекцій, Вольфъ точно окрѣпъ и заговорилъ смѣлымъ для того времени языкомъ. Правда, какъ мы увидимъ ниже, умственные верхи народа уже отчасти были втянуты и заинтересованы первыми попытками Томазіуса о свободѣ науки, но все-таки лекціи Вольфа были необычайны для того времени и стали собирать большую аудиторію заинтересованныхъ и пораженныхъ новизной студентовъ, тѣмъ болѣе, что у Вольфа ученіе о нераздѣльности вѣры и науки вылилось съ большею опредѣленностью, чѣмъ у его предшественниковъ и съ большею очевидностью доказывалось „случайность міра“ и конечный выводъ изъ перваго предположенія случайность и самаго акта творенія.

О лекціяхъ Вольфа заговорили всѣ. На нихъ откликнулись всѣ университеты и вокругъ Вольфа стали стекаться его горячіе сторонники. Этотъ смѣлый выводъ изъ робкихъ положеній Лейбница и Томазіуса, разбилъ ученыхъ на два неравныхъ лагеря, большій—противниковъ и меньшій — послѣдователей. Горячность и убѣдительность доказательствъ Вольфа съ каждымъ годомъ создавали ему славу и друзей. Скоро горячіе приверженцы ученія Вольфа являются во всѣхъ университетахъ. Лекціи ихъ, хотя и не такія талантливыя и убѣдительныя какъ у Вольфа, все-таки вербуютъ новыхъ сторонниковъ и непримиримыхъ враговъ.

Загорѣлась страшная борьба, которая становилась все жарче и популярнѣе. Этому помогали и научныя работы на нѣмецкомъ языкѣ, явившіяся еще при Томазіусѣ. Такимъ путемъ въ воздухѣ накопилось много горючаго матерьяла, не доставало только искры, чтобы вспыхнулъ громадный пожаръ. Такой искрой была рѣчь, произнесенная Вольфомъ въ 1721 г. при передачи проректорской должности, объ ученіи о нравственности у Ки-

тайцевъ. „Oratio de Chinarum philosophia practica,“ гдѣ Вольфъ усиленно подчеркнулъ ученіе Конфуція, какъ проповѣдника чистой нравственности. Это былъ уже открытый вызовъ старымъ уставнымъ вѣрованіямъ. Здѣсь Вольфъ впервые смѣло открылъ забрало передъ лицомъ ученыхъ Германіи и показалъ свою истинную вѣру. Проповѣдовать, что благо и нравственность существуетъ также и внѣ откровенія христіанскаго міра, казалось въ то время чудовищностью. Терпѣніе ревнителей старой вѣры и философіи истощилось и старшій членъ богословскаго факультета Юстъ Брейтгауптъ, на другой же день, въ церкви, въ горячей проповѣди, требуетъ наказанія и огражденія церкви отъ такого богохульства. Его примѣру послѣдовали другіе. Но Вольфъ со своими союзниками горячо, на лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ, защищали свои положенія. Скоро устная полемика перешла въ письменную между Франке, деканомъ богословскаго факультета, и Вольфомъ. Но видя трудность открытой борьбы съ Вольфомъ и боясь что эта распря еще болѣе дастъ Вольфу приверженцевъ, среди профессоровъ богословскаго и философскаго факультетовъ родилась мысль ходатайствовать въ министерствѣ о назначеніи особой коммиссіи, которая-бы, изучивъ ученіе Вольфа, оффиціально подтвердила его отпаденіе отъ церкви и доказала неправильность его философскихъ воззрѣній.

Узнавши объ этомъ Вольфъ, разумѣется, не могъ остаться равнодушнымъ. Страсти разгорались и особенно послѣ того, какъ приватъ-доцентъ Даніилъ Штрелеръ, напавъ на Вольфа въ своемъ печатномъ произведеніи подъ заглавіемъ: „Разборъ мыслей Г-на надворнаго совѣтника Вольфа, о Богѣ, о вселенной и о душѣ человѣка, а также обо всѣхъ, въ которомъ разсматривается заключеніе г. автора, показывается ихъ неправильность, обнаруживаются его заблужденія и приводятся въ большую ясность, какъ метафизическія, такъ и связанныя съ ними нравственныя истины“. Этотъ поступокъ

Д. Штрелера, который онъ предпринялъ по всей вѣроятности послѣ долгаго обсужденія со своими товарищами богословскаго факультета, былъ помимо неожиданности для Вольфа и незаконенъ.

Вольфъ естественно не могъ остаться безъ отвѣта и онъ отвѣтилъ тоже печатно и въ то же время подалъ 8-го Марта 1723 г. сенату университета записку, въ которой, въ пылу борьбы, забывая свой печатный отвѣтъ указываетъ, что Штрелеръ въ своемъ печатномъ сочиненіи назвалъ его по имени, между тѣмъ, согласно повелѣнію короля, ни одинъ профессоръ въ Галле не долженъ нападать на другого, а въ особенности печатно. Вольфъ доказывалъ, что этимъ поступкомъ Штрелеръ подрываетъ въ глазахъ студенчества репутацію профессоровъ и самаго учрежденія и требовалъ примѣрнаго наказанія. Сенатъ отклонилъ жалобу Вольфа, но указалъ черезъ попечителя королевскихъ университетовъ фонъ-Принцена, какъ въ подтвержденіе королевскаго положенія, на неумѣстность полемики между профессорами и запретилъ даже упоминать объ этой распрѣ какъ на лекціяхъ, такъ и на публичныхъ бесѣдахъ, подъ страхомъ лишенія Штрелера магистрской степени, а другихъ крупнаго денежнаго штрафа и присовокупилъ, что дальнѣйшія несогласія, изложенныя письменно должны направляться къ начальству. Этого, по всей вѣроятности, и добивались главнымъ образомъ противники Вольфа, имъ хотѣлось властью начальства затушить этотъ острый споръ и прекратить лекціи Вольфа по этому предмету, въ надеждѣ, что споръ потерявъ остроту мало-по-малу забудется.

Но не одинъ только университетъ въ Галлѣ возсталъ на Вольфа. Критическая философія вызвала искреннее негодованіе среди ученыхъ и другихъ университетовъ, приверженцевъ спокойной старины и освященной догмы, и они съ необычайнымъ жаромъ обрушились на приверженцевъ Вольфа—горячую молодежь. Борьба шла по всей линіи и съ каждымъ днемъ оже-

сточалась. Молодость послѣдователей Вольфа, ихъ страстность и не продуманность положеній ихъ учителя часто давали въ руки враговъ сильное оружіе противъ повшества въ наукѣ. Наконецъ въ эту борьбу вступаетъ и духовенство и, разумѣется, присоединяется къ врагамъ Вольфа. Духовенство конечно знало, что споръ этотъ можетъ подорвать ихъ авторитетъ, разъ онъ вышелъ изъ стѣнъ университета и сталъ достояніемъ большой публики—добрыхъ христіанъ.

Въ церквахъ стали все чаще и чаще раздаваться горячія проповѣди, противъ ученія Вольфа, въ нихъ приглашались вѣрующіе къ борьбѣ съ врагами христіанства. Такимъ путемъ споръ о новой философіи вступаетъ въ стадію чисто религіознаго спора.

Людовицы—критикъ и изслѣдователь Лейбницевой и Вольфовой философіи собралъ въ своемъ сочиненіи почти всѣ мнѣнія университетовъ, кромѣ Галле, противъ ученія Вольфа. Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ собраніе положенія Іенскаго университета, какъ выразителя мнѣній соединенныхъ силъ противниковъ новаго ученія, какъ ученыхъ, такъ и рядового духовенства и даже бюргерства, хотя оно и подписано профессорами и деканами. „Мы деканы,—говорится въ немъ,—старшіе члены и профессора факультетовъ (богословскаго и философскаго) по зрѣлому повторительному обсужденію, пришли къ слѣдующему заключенію: самъ г. надворный совѣтникъ и профессоръ Вольфъ, а также его приверженцы, находящіеся здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, отнюдь не сознаютъ, что ихъ принципы опасны и, что они особенно противны св. писанію и основанной на немъ или на здравомъ смыслѣ религіи и доброй нравственности". Послѣ этого введенія слѣдуютъ 26 пунктовъ. Мы остановимся на первомъ и послѣднемъ.

II. I. Г. Вольфъ называетъ обманомъ и софизмомъ важный аргументъ, которымъ до сихъ поръ не только богословы и философы, но и самъ Богъ въ словѣ сво-

емъ доказываетъ бытіе Божіе, а именно: выводъ необходимости творца изъ существованія тварей, и далѣе п. 25. По ученію о нравственности получается весьма дурное представленіе о Божьемъ законодательствѣ, о его справедливости и благости, а равно и о человѣческой любви къ Богу, страхѣ Божьемъ и надеждѣ на Бога, тѣмъ болѣе, что (п. 26) послѣдняя у него зиждится лишь на премудромъ порядкѣ природы и состоитъ въ радости по поводу прекрасной связи всѣхъ вещей между собой и въ упованіи на такую всегдашнюю связь", и далѣе въ томъ же пунктѣ: „Вольфовы начала ненавидимы учеными, какъ зловредныя, въ особенности же извѣстно всему міру, какъ на нихъ смотритъ его Величество Король Пруссіи, а потому легко усмотрѣть, какую дурную и опасную для него славу пріобрѣлъ бы нашъ университетъ, если бы оныя слишкомъ усилились въ немъ" *). Особенно здѣсь характерно обращеніе къ Королю, какъ къ защитнику науки. Вообще во всѣхъ вышеніякхъ красною питью проходятъ боязнь и безсиліе приверженцевъ слѣпой догмы къ новому ученію. Но несмотря на весь этотъ шумъ, нападки, угрозы и доносы Вольфъ и его приверженцы продолжали читать лекціи и ряды ихъ съ каждымъ днемъ пополнялись новыми и новыми единомышленниками и, это станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы вспомнимъ съ какимъ пренебреженіемъ и равнодушіемъ къ наукѣ и религіи относились правящіе верхи во главѣ съ королемъ. Но чего не смогли добиться всѣ ученые вмѣстѣ, то сдѣлалъ шутъ короля и тоже по всей вѣроятности по просьбѣ ученыхъ и духовенства. Гундлингъ, въ одно изъ пиршествъ, въ знаменитой „табачной компатѣ", въ присутствіи короля произнесъ шутовскую рѣчь противъ Вольфа и его ученія, гдѣ подчеркнулъ дикую для философа мысль, что по его, Вольфа, ученію если дезертируетъ

*) Ludovici. Historie der Wolffschen Philosophie, стр. 239.

какой-нибудь изъ рослыхъ гренадеръ въ Потсдамѣ, то это дѣлается по опредѣленію фатума, бѣглецъ не можетъ противиться этой необходимости и, что король не правъ его наказывать.

Знаменитымъ приказомъ короля, отъ 8 ноября 1723 года, Вольфъ былъ удаленъ изъ Гальсскаго университета.

Наступаетъ настоящая оргія побѣдителей. Со всѣхъ сторонъ сыпятся строгія кары на приверженцевъ Вольфа, вырабатываются строгія мѣры для пресѣченія зла. Но зло, все растетъ и растетъ, какъ растетъ и слава Вольфа и тѣмъ еще яснѣе становиться пораженіе и безсиліе его враговъ во главѣ съ королемъ.

Раздраженный король не въ силахъ былъ уничтожить Вольфа, который послѣ увольненія уѣхалъ изъ его владѣній, и потому всей тяжестью мести обрушился на послѣдователей Вольфа. Сыпится цѣлый рядъ грозныхъ указовъ, а указомъ 13 мая 1729 г., подъ угрозою каторжныхъ работъ, запрещается печатать и держать атеистическія книги, въ спискѣ которыхъ значатся философскія и этическія сочиненія Вольфа. Запрещеніе касалось не однихъ только книгъ, но и лекцій и вновные доценты и профессора подвергались увольненію и штрафу въ 100 червонцевъ. Жестокость преслѣдованія, какъ это всегда бываетъ, служила лучшимъ проводникомъ въ общество ученія Вольфа и, мы видимъ, что сочиненія Вольфа скоро и широко распространяются по всей образованной Европѣ и даютъ ему заслуженную славу борца за свободу науки и создаютъ цѣлую школу его учениковъ.

Свобода научнаго изслѣдованія, не могла ограничиться только философіей. Сбросивъ съ себя цѣпи догмы, ученые стали примѣнять методы свободнаго изслѣдованія къ естествознанію, къ юридическимъ и даже богословскимъ наукамъ и, когда въ Іенскомъ университетѣ на лекціи профессоръ Циммерманъ, въ 1728 г.,

т. е черезъ годъ послѣ грозныхъ приказовъ короля о каторжныхъ работахъ, рискнулъ увѣрять слушателей въ невѣрности ученія Вольфа и назвалъ его еретикомъ, то произошелъ большой публичный скандалъ и уличные безпорядки. Возмущенные студенты стали кричать „vivat“ Вольфу и „pereat“ Циммерману, а вскорѣ академіи Парижа и Лондона избрали Вольфа въ почетные члены и этимъ подчеркнули передъ образованнымъ міромъ правоту ученія Вольфа и нелѣпость воздвигнутаго противъ его ученія гоненія [1]). „Я долженъ видѣть особое благословеніе Бога въ томъ,—пишетъ 29 дек. 1737 г. Вольфъ по поводу распространенія его сочиненія даже въ Итали,—что мои сочиненія нашли сочувствіе въ Италіи“, и справедливо добавляетъ: „этого-бы никогда не случилось, если-бы Ланге не поднялъ такого шума, который всѣхъ привелъ въ изумленіе, ибо нельзя отрицать, что нигдѣ скептицизмъ такъ не свирѣпствуетъ какъ въ Италіи и, что, потому тамъ большинство сердцемъ чуждо религіи“.

Мы намѣренно такъ подробно остановились на этой поистинѣ героической борьбѣ Вольфа за свободную науку, потому что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ долгія интимныя бесѣды со своимъ любимымъ ученикомъ Ломоносовымъ Вольфъ посвятилъ его во всѣ детали этой борьбы, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ въ Ломоносовѣ тоже будущаго борца за науку въ Россіи. Да и самая борьба ко времени пріѣзда Ломоносова еще была далеко не окончена, о ней говорили всѣ, о ней страшно спорили. Къ тому же Вольфъ видѣлъ, что таже сила воли за свои убѣжденія была родственна натурѣ Ломоносова и, быть можетъ, слушая о борьбѣ Вольфа Ломоносовъ уже думалъ о своей будущей борьбѣ, тѣмъ болѣе, что отзывы Вольфа объ ученыхъ

[1]) Lange, Hundert und dreissig Fragen aus der neur mechanischen Philosophie, стр. 140.

въ Петербургской академіи не могли быть хорошими, потому что первые рекомендованные имъ ученые къ этому времени въ большинствѣ уже уѣхали изъ Россіи, а ихъ мѣста большею частью заняли ученые старыхъ взглядовъ на науку.

Но помимо борьбы Вольфа Ломоносовъ всецѣло былъ подъ вліяніемъ математической теоріи научной работы его. Правда, и въ это время [1]) и даже въ Петербургской академіи Ломоносовъ не могъ быть въ этомъ отношеніи близокъ къ своему учителю. Онъ часто увлекался, часто отходилъ въ сторону отъ холоднаго дѣлового математическаго мышленія. Ломоносовъ былъ слишкомъ молодымъ и живымъ и даже въ наукѣ чуждъ узкихъ рамокъ. Его свободный геній не могъ укладываться въ нихъ, рвался прочь къ новой творческой мысли часто не вытекающей логично изъ научныхъ положеній и предпосылокъ, но въ общемъ, въ возрѣніяхъ на природу, на науку творенія Бога, Ломоносовъ былъ тѣсно связанъ со своимъ учителемъ. Вольфъ первый и единственный открылъ ему широкіе горизонты науки и смѣлый протестъ противъ старины и рутины. Не даромъ Гюттнеръ говоритъ [2]): „какой свѣтъ, какая логическая дисциплина распространилась въ томъ скудномъ образованіи (Ломоносова), которое доселѣ вмѣсто живой, возвышенной науки обладала лишь жалкимъ хламомъ мертвеннаго педантизма и водяной теологіи охватила Ломоносова послѣ бесѣдъ съ Вольфомъ“.

Ломоносовъ на всю жизнь сохранилъ свѣтлое воспоминаніе о своемъ учителѣ. Въ письмахъ по разнымъ случаямъ мы видимъ, что Ломоносовъ называетъ его Вольфа „славнѣйшемъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ авторомъ“. И первое, что сдѣлалъ Ломоносовъ на самостоятельномъ ученомъ поприщѣ, это переводъ опытной физики Вольфа.

[1]) Геттнеръ І. Исторія всеобщей литературы XVIII в. стр. 221.
[2]) Гюттнеръ. Истор. всеобщ. нѣмецк. лит. XVIII в., стр. 202.

О томъ же рѣшающемъ вліяніи Вольфа на Ломоносова говоритъ и Сухомлиновъ [1]). При общемъ сочувствіи къ Вольфу его многочисленныхъ учениковъ, при сильномъ вліяніи на нихъ, нельзя предполагать, чтобы всѣ курсы и бесѣды его остались безплодными, для одного изъ даровитѣйшихъ слушателей, по признанію самого профессора,—на Ломоносова. Въ школѣ Вольфа Ломоносовъ на всю жизнь пріобрѣлъ опредѣленное направленіе ума и любовь къ естественнымъ наукамъ.

Но помимо науки была еще другая сторона творческой работы Ломоносова,—это поэзія, а въ ней Ломоносовъ былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ. Вольфъ тутъ не могъ играть никакой роли, или только отрицательную, потому что какъ по складу ума, такъ и по возрѣніямъ, Вольфъ былъ чуждъ не только поэзіи, но даже чувству изящнаго. Поэзіи онъ отводилъ самое низкое мѣсто въ развитіи человѣчества. И этотъ взглядъ серьезнаго, кабинетнаго работника былъ вполнѣ понятенъ, если мы вспомнимъ, что поэзія въ то время находилась на степени ремесла и притомъ не самостоятельнаго, претендующаго на уваженіе, а скорѣе ремесла лакейскаго. И дѣйствительно поэзія была служанкой въ королевскихъ дворцахъ и у знати и воспѣвала только подвиги и оправдывала насилія, причемъ была даже установлена опредѣленная такса. Такъ, напримѣръ, за оды и хвалебныя рѣчи въ стихахъ полагалась при дворѣ 12 таллеровъ. Правда въ это время хотя робко, но уже прорывалась истинная поэзія, но она пропадала среди тяжелыхъ казенныхъ одъ. Но однако, эти новые пути поэзіи, неуловимые для учителей Ломоносова, были уловлены его геніемъ. Кромѣ того, Ломоносовъ былъ знакомъ, какъ мы выше видѣли, съ поэзіей вообще. Поэзія въ Россіи была въ то время, какъ и вездѣ, необходимой приправой торжествъ и праздниковъ. Еще дома, у себя въ дере-

---

1) Сухомлиновъ. М. И. Ломоносовъ студентъ Марбургскаго университета.

внѣ, онъ зналъ увлекательную поэзію сектантовъ и русскую народную. Эта поэзія, по всей вѣроятности, скоро забылась въ московскихъ школахъ и мѣсто ея заступила другая, представителемъ которой былъ Тредьяковскій и вліяніе Тредьяковскаго было преобладающимъ вначалѣ на поэзіи Ломоносова. Присланный имъ изъ заграницы въ 1738 году переводъ оды Фенелона очень важенъ какъ показатель этого вліянія. Эти четырехстопные хореи, введенные у насъ Тредьяковскимъ взяты и Ломоносовымъ. Кромѣ того, мы знаемъ, что отправляясь заграницу Ломоносовъ взялъ съ собою и „способъ къ сложенію русскихъ стиховъ“ Тредьяковскаго. Между тѣмъ, спустя годъ послѣ присылки оды Фенелона, онъ присылаетъ новую оду „на взятіе Хотина“ нашими войсками, а главное письмо въ Академію „о правилахъ русскаго стихотворенія“, въ которомъ бросаетъ смѣлый вызовъ своему недавнему учителю поэзіи Тредьяковскому, ратуя противъ стиховъ, гдѣ односложные слова считаются долгими. Онъ горячо проповѣдуетъ свободу риѳмы и утверждаетъ, что „чистые ямбическіе стихи хотя и трудновато сочинять, однако, подымаясь тихо вверхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ“, т. е. какъ разъ въ противоположность Тредьяковскому, который училъ, что „тотъ стихъ худой, который весь ямбы составляетъ“. Но и въ оцѣнкѣ поэзіи Ломоносовъ окончательно расходится съ учителемъ. Тредьяковскій, какъ ученикъ Парижа, преклоняется и беретъ за образецъ француза Буало, Ломоносовъ же называетъ ихъ „нѣжными господами“ и тяготѣетъ болѣе къ нѣмцамъ, хотя какъ и Буала къ неоклассику Гюнтеру. И тяготѣніе это станетъ для насъ понятнымъ, если вспомнимъ, что Гюнтеръ былъ тоже въ то время революціонеромъ въ области германской поэзіи, какъ и Вольфъ—въ наукѣ. И такъ мы видимъ, что на Ломоносова, какъ на поэта имѣла сильное вліяніе только что народившаяся новая школа поэзіи въ Германіи, съ которой онъ, по пріѣздѣ въ Марбургъ, позна-

комился и которую полюбилъ, и, чтобы лучше уяснить это вліяніе мы, хотя бѣгло, познакомимся съ состояніемъ поэзіи вообще къ пріѣзду Ломоносова въ Германію.

Родоначальникомъ нѣмецкой поэзіи безспорно нужно считать Мартина Опицъ (XVII в.), основателя „первой силезской школы“. Онъ пользовался необычайной, даже для нашего времени, популярностью и славой среди своихъ сограждан. Но находясь всецѣло подъ вліяніемъ французовъ, онъ слѣпо копировалъ древнихъ французскихъ поэтовъ и потому поэзія Опица отличалась крайней разсудительностью и безцвѣтностью; но тѣмъ не менѣе, онъ смогъ свою поэзію связать съ только что нарождающимъ національнымъ сознаніемъ Германіи, что и стяжало ему популярность. Собственно говоря, здѣсь на него оказала также вліяніе и Италіанская поэзія. Это было время расцвѣта національной поэзіи Италіи, которое замѣтно распространялось вездѣ. Италія, къ тому времени, первая освободилась отъ классическаго упадка renaissance, освожденіе это проникло черезъ Опица и въ Германію.

Это вліяніе становится преобладающимъ во второй силезской школѣ, основанной Гофманъ-фонъ--Гофмансвальдау, который стараясь избѣгать сухости и разсудительности Опицевой поэзіи, впалъ въ другую крайность, въ грубую чувствительность, скоро перешедшую всѣ грани приличія. Манерность языка, вульгарность, циничная откровенность и болѣзненно-извращенная фантазія были отличительными чертами этой школы. Казалось, что они хотѣли даже превзойти знаменитаго итальянца Мирино, который въ своихъ главныхъ произведеніяхъ „Адонисъ“ и „Вифлеемское избіеніе младенцовъ“ въ 1623—33 г.г., описываетъ открытыя груди матерей, женщинъ, въ самыхъ неестественныхъ сладострастныхъ позахъ и отвратительныя сцены изъ жизни падшихъ женщинъ, съ особой извращенной фантазіей. Но несмотря на это, вторая школа имѣла очень много послѣдователей и погубила не мало истинныхъ талантовъ.

Но къ концу XVII в. и въ началѣ XVIII, подъ вліяніемъ Томазіуса, открывшаго новую эру науки и, что важно, пробудившаго уваженіе къ родному языку, въ жалкое состояніе подражательной поэзіи впервые проникаетъ новый лучъ свѣта. Точно брешь пробитая въ старой рутинѣ, наука помогла освободить и поэзію. И это особенно замѣтно среди молодыхъ поэтовъ и ученыхъ. Они сплотились вмѣстѣ и сплоченность эта создала первые научные и литературные кружки, члены которыхъ рѣзко отличались отъ представителей старой науки и старой поэзіи, каторая по откровенному признанію Бессера „не только способствовала къ моему счастью, но и доставляла мнѣ значительный доходъ, такъ какъ я отъ одного лишь Его Величества короля Прусскаго, за стихи свои получилъ нѣсколько тысячъ въ подарокъ“.

Новые поэты, независимые отъ двора, уже въ первое десятилѣтіе XVIII в. смогли пробудить въ большой германской публикѣ интересъ къ новой поэзіи. На ряду съ этимъ является множество брошюръ, сборниковъ и журналовъ, въ которыхъ говорится о поэзіи, о критикѣ и о языкѣ. Эти журналы на родномъ языкѣ, понятные всѣмъ возбуждали большой интересъ и вся Германія пришла въ движеніе.

Наука въ союзѣ съ поэзіей убивали казенную поэзію, воспѣвавшую насиліе и несуществующія достоинства. Новые поэты пѣли народное горе, плачь души угнетеннаго человѣка и его человѣческаго достоинства.

Среди этихъ народившихся новыхъ силъ въ германской поэзіи видное мѣсто занимали: Даніилъ Моргафъ, который первый воскресилъ чистоту средневѣковой поэзіи, Христіанъ Гюнтеръ цѣликомъ уже принадлежалъ къ народу, зналъ и пѣлъ о его тяжеломъ положеніи. Въ его стихахъ впервые въ нѣмецкой поэзіи прозвучала истинная, а не мишурная жизнь, истинная тоска и страданіе; недаромъ великій Гёте признаетъ его единственнымъ великимъ поэтомъ XVIII вѣка.

Въ новомъ теченіи поэзіи крайности двухъ силезскихъ школъ, или какъ ихъ тогда называли: „водяные поэты“, во главѣ съ Войзе, совершенно утрачиваютъ свое значеніе. Молодая германская поэзія растетъ.

Къ сожалѣнію, Гюнтеръ, благодаря своей крайне безпорядочной, бродячей и пьяной жизни, свойственной, какъ мы видѣли, тому времени, не далъ того, что могъ дать: онъ умеръ не достигнувъ 26 лѣтъ. Новая германская поэзія,—такъ непохожая на старую, разумѣется, захватила впечатлительную душу Ломоносова.

Благодаря Гюнтеру Ломоносовъ, со свойственной ему рѣшимостью, рѣзко порвалъ нити, связывавшія его съ поэзіей Тредьяковскаго, и скинулъ грузъ заимствованныхъ и пышныхъ фразъ, перейдя къ болѣе простымъ и естественнымъ стихамъ. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько отрывковъ поэзіи Гюнтера, въ которыхъ сказалась безпокойная душа поэта.

Первое поэтическое произведеніе Гюнтера была ода къ Леонорѣ (такъ называлъ онъ свою первую любовь, дочь доктора, съ которой его, тогда бѣднаго студента, насильно разлучили). „Вспоминай обо мнѣ и о моей любви, о дитя, насильно у меня отнятое, и вѣрь, что мои чистыя стремленія и теперь, и всегда, направлены къ тебѣ, и что вѣчно на землѣ я буду чтить только тебя. Вспоминай обо мнѣ въ своихъ горестяхъ и утѣшайся моею вѣрностью, какъ бы не былъ рѣзокъ воздухъ, вѣрь, что гроза пройдетъ,—и послѣ грома землю освѣжитъ плодоносный дождь“.

Неправда ли какъ это далеко отъ хвалебныхъ одъ? А его пересказъ знаменитой студенческой пѣсни; „Gaudeamus igitur“, который былъ въ то время въ большомъ ходу...

„Братья!. будьте веселы пока продолжается весна и блескъ солнца юности освѣщаетъ нашу жизнь. Гробъ и могила не ждутъ. Кто собираетъ розы теперь, тотъ и получитъ вѣнокъ. Быстрый бѣгъ нашей жизни не тер-

питъ узды и злобная ревность судьбы дастъ ему крылья. Годы бѣгутъ, и можетъ быть, въ этотъ часъ строгаютъ засовъ къ нашему гробу".

Въ годъ смерти поэта, въ 1831 г., вышелъ сборникъ его стиховъ, который произвелъ громадное впечатлѣніе. Его стихи съ жадностью заучивались наизусть, надъ ними плакали не отдавая себѣ отчета, не замѣчая, что поэтъ впервые обнажилъ ихъ душу. Правда Гюнтеръ, какъ человѣкъ своего вѣка, не всегда выдерживалъ стихъ, иногда и онъ грѣшилъ грубыми, не поэтическими выраженіями, но онъ всетаки былъ первымъ и самымъ яркимъ представителемъ самобытной, молодой нѣмецкой поэзіи. Вліяніе Гюнтера на Ломоносова было очень сильно. Шлецеръ даже высказываетъ предположеніе, что Ломоносовъ на взятіе Хотина, перевелъ его оду, Гюнтера. „Ломоносовъ, —говоритъ онъ,—въ особенности любилъ стихи творенія Гюнтера и зналъ ихъ почти наизустъ, по тому же размѣру сталъ онъ сочинять русскіе стихи" и далѣе, „отъ обхожденія съ тамошними (германскими) студентами и слушая ихъ пѣсни, возлюбилъ нѣмецкое стихотвореніе. Лучшій для него писатель былъ Гюнтеръ [1])". И Гротъ, изучая поэзію Ломоносова говоритъ, что послѣдній „принявъ въ размѣръ оды Гюнтера (на миръ Австріи съ Турціей въ 1718 г.) и его десятистрочную строфу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочетаніи риомъ, кромѣ внѣшней формы, подражаніе его ограничивается сроднымъ духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей, *но онъ, Ломоносовъ, нигдѣ не заходитъ до степени даже вольнаго перевода* [2]).

Къ дальнѣйшему развитію поэзіи Ломоносова мы вернемся разсматривая его жизнь и дѣятельность въ

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изд. А. Куникомъ. II, стр. 393.

[2]) Очерки академической дѣятельности Ломоносова, читанные Гротомъ въ Академіи наукъ, 6 апрѣля 1865 г.

Петербургской академіи, теперь же остановимся на его женитьбѣ въ Марбургѣ, кстати сказать, самымъ темнымъ мѣстомъ его заграничной жизни. Штелинъ говоритъ, что „около этого времени (1740) Ломоносовъ тайно женился въ Марбургѣ на дочери своего хозяина, Марбургскаго гражданина, ремесломъ портного, у котораго онъ жилъ нѣсколько времени и,—тамъ-же родилась у него первая дочь". Совершенно иначе говоритъ личный врагъ Ломоносова и современникъ Шлецеръ, а именно: „Въ Марбургѣ Ломоносовъ близко познакомился со своей прачкой". Эти показанія Шлецера-отца исправлены и дополнены его сыномъ, который говоритъ, что „Ломоносовъ жилъ въ Марбургѣ у одного ремесленника и съ дочерью его находился въ интимныхъ отношеніяхъ. Случилось, что посланныя ему деньги не дошли до него,—по причинѣ семилѣтней войны?), затруднявшей сообщенія. Чтобы спастись отъ грозившей ему нужды онъ рѣшилъ жениться, тѣмъ болѣе, что родители его невѣсты были люди достаточные". Вотъ все, что осталось отъ его современниковъ и близкихъ. Самъ же Ломоносовъ нигдѣ, ни въ разговорахъ, ни въ письмахъ не упоминаетъ о своей женитьбѣ. Но къ этимъ свѣдѣніямъ надо относиться очень недовѣрчиво, какъ мы увидимъ ниже, благодаря документамъ, найденнымъ Сухомлиновымъ.

Но какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что въ послѣдній пріѣздъ въ Марбургъ Ломоносовъ женился,—и, въ этомъ фактѣ, тотъ, кто изучалъ характеръ и натуру Ломоносова, не найдетъ ничего неожиданнаго и удивительнаго.

Послѣ первыхъ бурныхъ кутежей и пиршествъ, когда уже наука и вліяніе Вольфа захватили Ломоносова, въ немъ самомъ произошла обычная реакція.

Бурная жизнь теряла прежнюю прелесть новизны, что подтверждалъ и Вольфъ въ 1739 г. „Ломоносовъ начинаетъ принимать болѣе кроткіе нравы" пишетъ

онъ въ академію. Но одиночество всетаки осталось и его невольно тянуло къ женщинѣ, но женщины низовъ, которыхъ онъ зналъ, утратили въ его глазахъ прелесть недоступности, а можетъ быть стали противны и его чистаго и цѣломудреннаго по натурѣ потянуло къ другимъ женщинамъ. И Ломоносовъ нашелъ ихъ въ домахъ бюргеровъ. Въ чистыхъ комнаткахъ, съ занавѣсками и цвѣтами на окнахъ, онъ отдыхалъ отъ шума и разгула улицы и полюбилъ искренно дѣвушку безъ всякихъ, разумѣется, плановъ на ея приданое.

Повторяемъ, Ломоносовъ женился, потому что онъ былъ молодъ и одинокъ; женился на дочери бюргера, потому что онъ былъ чистъ.

О женитьбѣ Ломоносова мы находимъ прекрасную статью М. П. Сухомлинова [1]). „По даннымъ, находящимся въ Марбургѣ,—говорится въ этой статьѣ,—оказывается, что Ломоносовъ дѣйствительно былъ женатъ; онъ вѣнчался въ реформатской церкви и въ церковной книгѣ записано: „16 іюня 1740 г., обвѣнчаны Михаилъ Ломоносовъ, кандидатъ медицины, сынъ Архангельскаго торговца Василія Ломоносова и Елизавета Христина Цильхъ, дочь умершаго члена городской думы и церковнаго старосты Гендриха Цильхъ“.

Жена Ломоносова родилась 22 іюня 1720 года и названа Елизаветой. самымъ популярнымъ въ Марбургѣ именемъ, которое дается обыкновенно въ честь патронессы города, св. Елизаветы. Что жена Ломоносова пользовалась уваженіемъ Марбургскихъ жителей, видно изъ того, что отецъ ея былъ церковнымъ старостою и членомъ пресбитеріальнаго совѣта; въ 1726 году въ числѣ членовъ пресбитеріальнаго коллегіума, названо: профессоръ Дуисингъ, докторъ правъ и совѣтникъ Рейнгардтъ и Гендрихъ Цильхъ, пивоваръ. „Въ городскихъ спискахъ Марбургской“ ратуши тесть Ломоносова, Генд-

[1]) Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета „Рус. Вѣстникъ“, 1861 г., кн I.

рихъ Цильхъ, записанъ также въ числѣ пивоваровъ. 1 января 1742 г., т. е. уже въ отсутствіе Ломоносова родился у него сынъ Иванъ, крещенъ реформатскимъ пасторомъ 4 января и умеръ 7 февраля того-же года. Всѣ эти свѣдѣнія находятся въ архивѣ реформатской церкви въ Марбургѣ.

Эта правдивая оффиціальная выписка ясно говоритъ, что жена Ломоносова была изъ лучшаго семейства города и всѣ свѣдѣнія о ней современниковъ и близкихъ Ломоносова, страдаютъ большой неточностью. Но тутъ насъ поражаетъ маленькій, казалось-бы, даже незначительный фактъ. Бумага о званіи Ломоносова, при женитьбѣ, предъявлена не аттестатъ, данный Ломоносову Вольфомъ, а профессоромъ медицины, выданный ему какъ кандидату медицины, т. е. человѣкомъ, Ломоносову почти постороннимъ и, во всякомъ случаѣ не имѣвшимъ никакого отношенія къ нашей академіи наукъ.

Тутъ можетъ быть два предположенія. Одно,—что Ломоносовъ не хотѣлъ, чтобы Вольфъ зналъ о его женитьбѣ, другое и пожалуй самое вѣрное,—боязнь, что Вольфъ, какъ лицо отвѣтственное за русскихъ студентовъ передъ Петербургской академіей, долженъ будетъ донести о томъ начальству Ломоносова.

Между тѣмъ наша академія, недовольная поведеніемъ студентовъ, а можетъ быть снисходительностью къ нимъ Вольфа, рѣшила отозвать ихъ изъ Марбурга въ Фрейбергъ для изученія металлургіи и обратилась съ письмомъ къ Вольфу, гдѣ просила сообщить сумму ихъ долговъ. Вольфъ добросовѣстно исполнилъ это порученіе и сообщилъ, что долговъ числится свыше 1936 рейхсталеровъ. Въ этомъ-же письмѣ онъ опять, какъ мы видѣли уже раньше, пишетъ блестящую характеристику Ломоносова какъ прилежнаго и способнаго ученика, и чтобы должно быть сгладить впечатлѣніе отъ суммы долговъ, добавляетъ, что эти деньги истрачены не даромъ, и, что Ломоносовъ „по возвращеніи въ отечество

можетъ принести пользу государству, чего отъ души желаю". Вольфъ въ этомъ пожеланіи, какъ мы знаемъ, оказался пророкомъ.

Разставаніе съ городомъ, съ любимой женщиной, тогда еще невѣстою и,—особенно съ любимымъ профессоромъ, было очень тяжело для Ломоносова. Онъ зналъ, что навсегда отрывается отъ его ученыхъ, увлекательныхъ бесѣдъ.

Интересны воспоминанія Вольфа о послѣднихъ минутахъ разставанія со своими русскими учениками. Въ письмѣ въ академію, отъ 21 іюля 1739 г., онъ пишетъ: „студенты уѣхали отсюда 20 іюля утромъ, послѣ 5 часовъ и сѣли въ экипажъ у моего дома, причемъ каждому при входѣ въ карету вручены деньги на путевыя издержки. Изъ-за Виноградова мнѣ пришлось еще много хлопотать, чтобы предупредить столкновеніе его съ разными студентами, которые могли замедлить отъѣздъ. Ломоносовъ тоже еще выкинулъ штуку, въ которой было мало проку и, которая могла только послужить задержкою, если бы я, по теперешнему своему званію проректора, не предупредилъ этого... и далѣе... „я не могу не сказать, что въ особенности Ломоносовъ сдѣлалъ успѣхи въ наукахъ; съ нимъ я *чаще имѣлъ случай говорить*, нежели съ Рейзеромъ и его манера разсуждать мнѣ болѣе извѣстна. Причина ихъ долговъ обнаружилась мнѣ лишь теперь, послѣ ихъ отъѣзда. Они черезъ мѣру предавались разгульной жизни и были пристрастивши къ женскому полу. Пока они еще были здѣсь на лицо, всякій боялся сказать про нихъ что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всѣхъ въ страхѣ. Отъѣздъ освободилъ меня отъ многихъ хлопотъ"... и добавляетъ, точно оправдывая ихъ „когда же они увидѣли сколько уплачивалось за нихъ денегъ и услыхали какія имъ дѣлали затрудненія при переговорахъ о сбавкѣ, тогда только стали они раскаяваться и не только извиняться передо мною, что они надѣлали

мнѣ столько хлопотъ, но и увѣрять, что они впредь хотятъ вести себя совершенно иначе, и, что я нашелъ бы ихъ совершенно другими людьми, если-бы они только нынѣ явились въ Марбургъ. Я убѣждалъ ихъ, что имъ теперь необходимо опять загладить свои проступки передъ Вашимъ Превосходительствомъ (т. е. барономъ Корфомъ) и академіей наукъ, а что обо мнѣ имъ нисколько не нужно безпокоиться. При этомъ особенно Ломоносовъ отъ горя и слезъ не могъ промолвить ни слова".

Это письмо какъ нельзя лучше подтверждаетъ наше предположеніе о жизни русскихъ студентовъ въ Марбургѣ.

25 іюля 1739 г. они пріѣхали въ Фрейбергъ къ Генкелю. Генкель былъ тоже человѣкъ большого ума и слава его, какъ химика, привлекала въ Фрейбергъ не мало учениковъ. Его химическія сочиненія считались одними изъ лучшихъ и безспорно составляли цѣнный вкладъ въ науку. Но по характеру онъ былъ совершенно противоположенъ Вольфу и его отношенія къ русскимъ студентамъ къ несчастью сложились не особенно благопріятно; правда сами обстоятельства можетъ быть вызвали помимо его эту остроту отношенія.

Петербургская академія, желая наказать провинившихся студентовъ за ихъ жизнь въ Марбургѣ, рѣшила сократить имъ содержаніе и еще до ихъ прибытія въ Фрейбергъ Генкель получилъ отъ барона Корфа 7 іюня 1739 г. письмо, гдѣ говорилъ, что „эти три лица въ прилежаніи и успѣхахъ своихъ очень неравны между собою, въ мотовствѣ же какъ бы превосходятъ другъ друга", и потому академія рѣшила вмѣсто 300 руб. прежняго содержанія, высылать имъ половину, т. е. 150 руб. и далѣе проситъ, чтобы и этихъ денегъ не выдавать имъ сразу на руки, а „чтобы то, что должно быть израсходавано на студентовъ, было уплочено вами самими кому слѣдуетъ, студентамъ же, кромѣ одного

талера въ мѣсяцъ, назначеннаго имъ на карманныя деньги и разныя мелочи, не выдавать никакихъ денегъ на руки, а между тѣмъ объявить въ городѣ, чтобы впредь никто имъ не вѣрилъ въ долгъ, ибо, если это случится, то академія наукъ за подобный долгъ никогда не заплатитъ ни одного гроша". Генкель со свойственной ему педантичностью аккуратно сталъ исполнять это предписаніе академіи. Какъ не странно но по всей вѣроятности это распоряженіе о сокращеніи на половину ихъ содержанія не поразило студентовъ, что видно изъ ихъ жизни первое время въ Фрейбергѣ; они должно быть приняли его какъ должное за свои проступки или можетъ быть,— подъ вліяніемъ еще раскаянія передъ Вольфомъ и въ силу ихъ ему обѣщаній.

Переломъ отъ бурной жизни въ Марбургѣ къ скромной до крайности въ Фрейбергѣ особенно ясно виденъ изъ писемъ въ академію самого Генкеля. Такъ 30-го мая 1739 г. онъ пишетъ о ихъ искреннемъ раскаяніи въ старыхъ грѣхахъ и добавляетъ: „я со своей стороны столько же увѣренъ въ искренность ихъ чувствъ, сколько уже замѣчаю въ нихъ необходимую для ихъ занятій способность, охоту и старательность, *равно какъ довѣріе и вниманіе ко мнѣ*", и проситъ простить ихъ и прибавить къ ихъ содержанію хотя еще по 50 руб.

Къ этому же времени въ Фрейбергъ прибылъ членъ Петербургской академіи Юнкеръ, для изученія соляного дѣла. Онъ скоро знакомится съ русскими студентами и поручаетъ Ломоносову, какъ самому знающему, переводы и донесенія въ академію. Ломоносовъ работалъ съ нимъ четыре мѣсяца и Юнкеръ остался необычайно доволенъ его работой, а главное большимъ знаніемъ. Онъ пишетъ о томъ барону Корфу и прибавляетъ: „упомянутые студенты по одеждѣ своей, правда, глядѣли неряхами, но по части указанныхъ имъ наукъ какъ убѣдился и Бергъ-ратъ, положили прекрасное основаніе, которое послужило намъ явнымъ доказательствомъ *ихъ прилежа-*

нія въ Марбургъ“ и тоже присоединяется къ просьбѣ Генкеля „тѣмъ болѣе мы льстимъ себя надеждою, что благодушное сердце вашего превосходительства не отринетъ покорнѣйшей просьбы нашей забыть заслуженный гнѣвъ, который упомянутые студенты навлекли на себя легкомысленнымъ хозяйствомъ, и благосклонно утвердить сдѣланныя нами съ доброю цѣлью распоряженія.“ Но академія и на этотъ разъ осталась тверда въ своемъ прежнемъ рѣшеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что студенты знали о просьбахъ Генкеля и Юнкера объ увеличеніи ихъ содержанія, надѣялись и ждали. Притомъ же, привыкнувъ къ самостоятельной и независимой отъ надзора жизни и къ свободнымъ денежнымъ средствамъ они страшно тяготились своимъ положеніемъ. Распоряженіе-же академіи объявить всѣмъ, чтобы имъ не давали въ долгъ било по самолюбію, а что объявленіе при малочисленности жителей Фрейбера, а главное при педантичности Генкеля безъ сомнѣнія было сдѣлано, не подлежитъ сомнѣнію, талеръ же въ мѣсяцъ представлялъ изъ себя грошъ. Не надо забывать, что старая жизнь и старыя привычки, послѣ продолжительнаго воздержанія и упорной научной работы, давали себя знать особенно сильно, а между тѣмъ не только удовлетворить ихъ, но даже и удовлетворенія первой необходимости они были лишены.

Благодаря письма Юнкера, мы видимъ, что по всей вѣроятности они были убѣждены, что академія увеличитъ ихъ содержаніе. Генкель даже рискнулъ выдать имъ на руки больше денегъ,—чѣмъ полагалось. Это подтверждается фразой Юнкера, гдѣ онъ проситъ „и благосклонно утвердить сдѣланныя нами (т. е. Генкелемъ) съ доброю цѣлью распоряженія“. Получивъ отказъ, Генкель, разумѣется, перешелъ на старое положеніе и, можетъ быть, здѣсь-то и произошло серьезное охлажденіе между нимъ и учениками. Отказъ академіи безспорно задѣлъ самолюбіе самоувѣреннаго Генкеля и при его придирчивомъ

и мелочномъ характерѣ выразился особенно больно на студентахъ. При томъ нельзя забывать, что безпокойствіе Ломоносова еще больше увеличивалось отѣмъ, что въ Марбургѣ онъ оставилъ невѣсту.

Нервы натянулись до крайности и разрушали съ каждымъ днемъ нужное спокойствіе при научныхъ работахъ. Мелкія, сперва незамѣтныя и часто сдерживаемыя вспышки раздраженія должны были, разумѣется, перейтивъ открытое неудовольствіе той и другой стороны и это неудовольствіе скоро особенно ясно вылилось въ недовѣріи къ самимъ занятіямъ и къ научнымъ занятіямъ самого Генкеля. Создавалось невозможное положеніе. И мы видимъ, что скоро Ломоносовъ и товарищи, выбитые изъ обычной научной колеи, по натурѣ русскаго человѣка, махнули на все рукой и съ головой шли, на сколько было возможно, въ старую разгульную жизнь.

Въ январѣ 1740 г. произошла уже открытая, бурная ссора съ Генкелемъ изъ за донегъ, а послѣ другой не менѣе острой ссоры, Ломоносовъ тайно покидаетъ Фрейбергъ.

Въ пылу общей раздражительности оба пишутъ донесенія объ этомъ академіи. Генкель жалуется на грубость и заносчивость Ломоносова, а также и на его пьянство. „Я, пишетъ онъ, узналъ также, что онъ уже и прежде въ разныхъ мѣстахъ велъ себя неприлично, ужасно буянилъ въ своей квартирѣ, колотилъ людей, участвовалъ въ разныхъ дракахъ въ винномъ погребкѣ и съ самаго начала слишкомъ пьянствовалъ". Если сравнить это письмо съ недавними еще письмами въ академію Генкеля и совершенно посторонняго студентамъ Юпкера, то мы увидимъ всю степень раздраженія Генкеля и его сильное негодованіе на побѣгъ Ломоносова. И что особенно подчеркиваетъ мелочность характера Генкеля это то, что онъ добавляетъ, гдѣ будто-бы Ломоносовъ поддерживалъ *подозрительную* переписку съ какой-то Марбургской дѣвушкой.

Ломоносовъ тоже не остался въ долгу и въ письмѣ 5 ноября старается, оправдывая себя, представить Генкеля человѣкомъ злымъ и алчнымъ, а главное, что онъ не оправдалъ довѣрія Академіи и читалъ имъ о пустякахъ и даже не давалъ какъ слѣдуетъ заниматься.

„Что же до курса химіи подлежитъ, пишетъ онъ, то онъ въ первые четыре мѣсяца едва ученіе о соляхъ пройти успѣлъ, на что одного мѣсяца довольно было; остального времени должно было достать для изученія всѣхъ главнѣйшихъ матерій, какъ-то: металловъ, полуметалловъ, земель, камней и сѣръ. Но при ономъ часть опытовъ ради его неловкости не удавалась.“ . . . И. далѣе, „сего господина могутъ почитать идоломъ только тѣ, которые коротко его не знаютъ.... Самые обыкновенные процессы, о которыхъ почти во всѣхъ химическихъ книжкахъ говорится, онъ держалъ въ секретѣ и сообщалъ ихъ неохотно“ и, оправдывая свою прежнюю жизнь въ Марбургѣ, пишетъ: „мои прежніе проступки, которые не столько къ моей безпорядочной жизни приписать слѣдуетъ, сколько къ тягостнымъ и несчастнымъ обстоятельствамъ, къ *соблазнительному обществу* и къ поздней пересылкѣ всемилостивѣйше назначенной мнѣ стипендіи“. Сильное раздраженіе и даже явная неправда этого письма особенно наглядны, если мы сопоставимъ ему отзывъ Ломоносова о Генкелѣ спустя много лѣтъ. Такъ въ 1751 г. Ломоносовъ говоритъ, что „показывалъ студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ и самъ учился у Генкеля[1])“.

Но можетъ быть причину неожиданнаго ухода Ломоносова отъ Генкеля, помимо ссоры, нужно искать въ его страшномъ стремленіи изучить горное и соляное дѣло на практикѣ въ рудникахъ и копяхъ. Это желаніе можетъ быть укрѣпилъ у него и Юнкеръ и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ въ письмѣ предлагалъ Академіи

[1]) Билярскій, стр.—187.

послать Ломоносова на практику въ рудники, какъ самаго способнаго въ дѣлѣ разработки рудниковъ и устройства машинъ. Ссора изъ-за денегъ и неестественность положенія только ускорили привести на дѣлѣ эту мысль. Это особенно ясно видно изъ того же письма о Генкелѣ, гдѣ Ломоносовъ говоритъ: „естественную исторію нельзя выучить въ кабинетѣ Генкеля изъ его шкаповъ и ящиковъ; нужно самому въ разныхъ рудникахъ побывать". И онъ, несмотря на страшный рискъ лишиться совершенно стипендіи, уходитъ отъ Генкеля.

Съ этого времени начинается кочевая жизнь Ломоносова, полная лишеній. По письмамъ къ Шумахеру можно прослѣдить, что онъ поѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ надѣялся встрѣтить русскаго посланника барона Кайзерлинга и просить его о помощи, но не засталъ его и поѣхалъ въ Кассель. Какова была вообще жизнь Ломоносова въ это время, къ сожалѣнію, мы не знаемъ, но увѣрены, что очень не изъ веселыхъ. Не имѣя знакомыхъ, а главное денегъ, онъ, должно быть, сильно бѣдствовалъ. Между тѣмъ Генкель 20 іюня 1740 г. пишетъ въ Академію „что г. Рейзеръ на дняхъ сообщилъ мнѣ, что Ломоносовъ, писавшій ему изъ Лейпцига, живетъ тамъ очень весело и проситъ, чтобы квартира его была сдана, что и сдѣлано". Нѣтъ ничего удивительнаго что Рейзеръ получилъ отъ Ломоносова письмо; но можетъ быть Генкель, не простившій еще Ломоносову его поступокъ, преувеличилъ или даже перепачилъ слова Рейзера; а можетъ быть, что всего вѣроятнѣе, Ломоносовъ, зная, что его письмо будетъ передано Генкелю, умышленно писалъ неправду; это послѣднее предположеніе особенно свойственно Ломоносову, такъ какъ мы видимъ, что во всю свою жизнь Ломоносовъ рѣдко говорилъ о своихъ горестяхъ.

Изъ Касселя, по письмамъ Ломоносова, онъ доѣхалъ до Марбурга, встрѣтивъ своихъ знакомыхъ.

Въ Марбургъ Ломоносовъ пріѣхалъ, разумѣется, по-

видаться съ невѣстой и, какъ онъ говоритъ, занять денегъ. Казалось, что самое вѣрное занять было у Вольфа. Но и тутъ особенно ярко вырисовалась гордая натура Ломоносова а главное его глубокое уваженіе къ Вольфу. „Я, „пишетъ Ломоносовъ“, отправился въ Марбургъ, чтобы у старыхъ пріятелей своихъ запастись на поѣздку (въ Россію, деньгами). Быть въ тягость Вольфу я не осмѣлился, узнавъ отъ него, что онъ лишь нѣсколько недѣль тому назадъ изъ Петербурга остальныя деньги получилъ“. Послѣ Марбурга онъ попадаетъ въ Франкфуртъ, а потомъ Роттердамъ и Гаагу. Въ Гаагѣ онъ добился свиданія съ графомъ Головинымъ, прося у него помощи, но, по его словамъ, „графъ Головинъ совсѣмъ отказалъ мнѣ въ помощи и не хотѣлъ вовсе ввязываться въ дѣло“. Далѣе мы уже видимъ Ломоносова въ Амстердамѣ, гдѣ онъ встрѣчаетъ знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые ему отсовѣтовали возвращаться въ Петербургъ безъ разрѣшенія Академіи. И только по возвращеніи въ Германію у него проявляется жалоба на тягость этой бродячей жизни. „Коликую опасность и нужду я претерпѣлъ, пишетъ онъ, въ пути, мнѣ самому страшно даже вспомнить и поелику долго было бы писать о томъ, то для краткости лучше вовсе умолчу. Въ настоящее время (ноябрь 1740 г.) я живу инкогнито въ Марбургѣ, (вѣроятно спасаясь отъ долговъ) у своихъ пріятелей и упражняюсь въ алгебрѣ, намѣреваясь оную къ теоретической химіи примѣнить. Утѣшаю себя пока тѣмъ, что мнѣ удалось въ знаменитыхъ городахъ побывать, поговорить съ нѣкоторыми искусными химиками, осмотрѣть ихъ лабораторіи и *взглянуть на рудники въ Гассенъ и Зигенъ.* И такъ мы видимъ, что, не смотря на большія лишенія, Ломоносовъ съ настойчивостью помора добился своего и не смотря на трудность положенія успѣлъ побывать на рудникахъ. И это упорство въ достиженіи своей цѣли, особенно если это касается науки, красною нитью проходитъ сквозь всю жизнь Ломоносова.

Ни трудности, ни опасности, никакія, казалось бы, непреодолимыя препятствія не могутъ остановить бѣгъ его генія и пытливаго ума, даже внѣдрившіеся въ него пороки временно отступаютъ передъ научными интересами.

Наука была его жизнью. Наука вынесла его, простого помора, на высоту перваго ученаго Россіи и та же наука не позволила ему окончательно уйти въ пошлость той жизни.

Между тѣмъ, какъ Академія, такъ и Генкель были въ полной неизвѣстности гдѣ находится Ломоносовъ.

23 сентября 1740 г. Генкель пишетъ: „Я положительно не могу себѣ представить, гдѣ бы Ломоносовъ могъ находиться въ настоящее время, развѣ нашелъ себѣ убѣжище у гофрата Вольфа“. Но что особенно важно для характеристики Ломоносова, это то, что въ томъ-же письмѣ Генкель, очевидно успокоившись послѣ первой острой злобы на Ломоносова, нашелъ у себя силы сказать правду о занятіяхъ своего строптиваго ученика и пишетъ: „Ломоносовъ, довольно хорошо усвоившій себѣ теоретически и практически химію, преимущественно металлургичускую, а въ особенности пробирное дѣло, равно какъ и маркшнейдерское искусство, распознаваніе рудъ, рудныхъ жилъ, земель, камней, солей и водъ, способенъ основательно преподавать механику, въ которой онъ, по отзыву знатоковъ, очень свѣдущъ“, и 20 октября того же года послѣ полученія, какъ мы видѣли, письма отъ Ломоносова Рейзеромъ, пишетъ, что онъ въ Марбургѣ и проситъ прислать для его возвращенія во Фрейбергъ 50 рейхсталеровъ.

О бѣдствіяхъ Ломоносова въ это время можно всего лучше судить по разсказу Штелинга, что „Ломоносовъ отъ ничтожныхъ средствъ къ содержанію и отъ не порядочнаго, можетъ быть, хозяйства, а также отъ необходимыхъ издержекъ на содержаніе своего тайнаго семейства, впалъ въ бѣдность, долги и также въ отчаянное

положеніе, — изъ котораго не зналъ, — какъ освободиться. Изъ опасенія попасть въ тюрьму, онъ рѣшился тайно убѣжать въ Голландію, хотя бы даже пришлось ему дорогой просить милостыню." Къ этому же періоду его кочевой жизни относится и другой эпизодъ изъ его жизни, именно невольное поступленіе его въ рекруты прусскаго короля. Не придавая этому случаю важнаго значенія, мы все-таки позволимъ себѣ привести разсказъ объ этомъ того же Штелина, тѣмъ болѣе, что этотъ поступокъ лишній разъ подчеркиваетъ смѣлость и рѣшимость Ломоносова.

„По дорогѣ въ Дюссельдорфъ, въ разстояніи двухдневнаго пути отъ Марбурга, зашелъ онъ на большой дорогѣ въ мѣстечко, гдѣ хотѣлъ перепочевать въ гостинницѣ. Тамъ нашелъ онъ королевско-прусскаго офицера, вербующаго рекрутъ, съ солдатами и съ нѣсколькими новобранцами, которые весело пировали. Нашъ путешественникъ показался имъ пріятною находкою. Офицеръ вѣжливо пригласилъ его безъ платы поужинать и попить въ ихъ компаніи. Не забыли также расхвалить ему королевско-прусскую службу и мало по малу уговорили молодого странника вступить въ нее. Они такъ напоили его, что онъ на слѣдующій день ничего не могъ себѣ припомнить, что происходило съ нимъ въ продолженіе ночи. Проспавшись увидѣлъ онъ только, что у него на шеѣ красный галстухъ, который онъ тотчасъ-же снялъ, и въ карманѣ нѣсколько прусскихъ монетъ. Офицеръ-же назвалъ его славнымъ молоддомъ, которому навѣрно посчастливиться въ королевско-прусской службѣ; солдаты называли его товарищемъ. Я вашъ товарищъ? спросилъ Ломоносовъ, я про то незнаю, я русскій и никогда не былъ вашимъ товарищемъ!.. Что! возразилъ вахмистръ, ты имъ не товарищъ? Развѣ ты проспалъ или уже забылъ, что ты вчера при насъ принялъ королевскую прусскую службу, ударилъ по рукамъ съ г. поручикомъ, взялъ задатокъ и пилъ съ нами за здоровье

твоего и нашего полка? Будь добрѣе, другъ кавалеристъ, и не раскаивайся; тебѣ у насъ понравится, ты красивый молодецъ и верхомъ будешь очень хорошъ на парадѣ". Итакъ нашъ бѣдный Ломоносовъ сталъ королевскимъ прусскимъ рейтаромъ, и дня черезъ два, вмѣстѣ съ другими рекрутами, набранными въ окрестности, былъ отправленъ въ крѣпость Вуаль. Съ этой минуты онъ твердо рѣшился бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Его провожатые, казалось, замѣтили въ немъ,—еще дорогою,—это желаніе и потому въ крѣпости Вуаль, съ самаго начала стали присматривать за нимъ строже, чѣмъ за прочими рекрутами. Замѣтивъ это, онъ притворился очень довольнымъ, какъ будто онъ возъимѣлъ величайшую охоту къ военной службѣ. Къ его счастію, онъ не былъ, какъ большая часть рекрутовъ, помѣщенъ въ городѣ, на квартирахъ, но остался въ караульнѣ, гдѣ долженъ былъ спать на скамейкѣ. Такъ какъ эта караульня находились близко отъ вала и заднее окно выходило прямо на валъ, то онъ и рѣшился воспользоваться этимъ и другими удобствами къ своему предположенному бѣгству, которое онъ черезъ нѣсколько недѣль смѣло предпринялъ и благополучно исполнилъ. Онъ каждый вечеръ заранѣе ложился спать на свою скамейку, такъ что высыпался довольно, когда его товарищи едва только засыпали, и всегда искалъ случая убѣжать. Однажды, проснувшись вскорѣ послѣ полуночи, онъ замѣтилъ, что всѣ прочіе спали глубокимъ сномъ; онъ рѣшился съ величайшей осторожностью вылѣзти изъ задняго окна и взобраться на валъ. Тутъ въ темнотѣ онъ полѣзъ до вала на четверинкахъ, чтобы часовые, разставленные въ не далекомъ разстояніи одинъ отъ другого, не могли его замѣтить, спустился въ ровъ, переплылъ чрезъ него безъ шуму, взобрался на четверинкахъ на валъ и опять спустился въ ровъ и переплылъ его, потомъ вскарабкался на контръ-эскарпъ, перелѣзъ черезъ частоколъ и палисадникъ и съ гласиса выбрался въ открытое поле. И

такъ самое трудное, подъ защитою ночного мрака, было благополучно окончено. Теперь его спасеніе зависѣло отъ достиженія прусской границы, до которой оставалось болѣе нѣмецкой мили. И вотъ онъ, въ мокрой солдатской шинели, повязавъ шею носовымъ платкомъ, вмѣсто краснаго галстуха, собралъ всѣ свои силы, чтобы до разсвѣта достигнуть границы. Едва совершилъ онъ четверть пути какъ стало уже разсвѣтать, и вскорѣ послѣ того онъ съ трепетомъ услыхалъ съ крѣпости пушечный выстрѣлъ, обыкновенный сигналъ о бѣжавшемъ дезертирѣ. Этотъ угрожающій звукъ заставилъ его удвоить шаги и онъ побѣжалъ изовсѣхъ силъ, оглядываясь по временамъ; онъ увидѣлъ даже, хотя въ далекомъ еще разстояніи, кавалериста изъ крѣпости, скачущаго за нимъ во весь опоръ. Но прежде нежели онъ могъ настичь его, нашъ смѣлый бѣглецъ достигъ границы и возблагодарилъ Бога за благополучное свое спасеніе отъ прусской власти. Даже и тутъ, въ Вестфальской деревнѣ, онъ не рѣшился остановиться, а пошелъ въ ближайшій лѣсъ, гдѣ въ густомъ кустарникѣ снялъ съ себя мокрое платье, чтобы высушить его, а самъ, между тѣмъ, легъ и проспалъ до сумерокъ. Вечеромъ онъ съ новыми силами пустился въ путь, выдавая себя вездѣ за бѣднаго студента.

Отъ себя добавимъ, что въ это время насильственнымъ путемъ вербовали рослыхъ, красивыхъ и сильныхъ мужчинъ въ королевско-прусскую гвардію не только благодаря опьяненію, но и грубой силой, такъ напр., одинъ изъ современниковъ Ломоносова Л. З. Готшедъ (Gotsched), слушая въ Кенигсбергѣ лекціи богословія и философіи, не безъ основанія боялся за свой высокій ростъ и хорошее сложеніе, чтобы не попасть по неволѣ въ солдаты гвардіи Фридриха-Вильгельма, и эта боязнь заставила его въ 1724 г. тайкомъ бѣжать въ Саксонію, въ Лейпцигъ.

Наконецъ Ломоносовъ въ послѣдній разъ попадаетъ

въ Марбургъ и, какъ мы видѣли, пишетъ 16 ноября 1740 г. оправдательное письмо къ Шумахеру, гдѣ опять таки проситъ, не смотря на рядъ тяжелыхъ неудачъ, „приказать мнѣ отправиться еще въ какое либо мѣсто, какъ напримѣръ въ Гарцъ и. т. д., гдѣ бы я могъ свою горную науку завершить". На это письмо Петербургская Академія въ февралѣ 1741 года прислала Вольфу вексель въ 100 руб. съ рѣшительнымъ приказаніемъ вернуться Ломоносову въ Петербургъ. Въ отвѣтъ на это 25 апрѣля 1741 года Вольфъ пишетъ Шумахеру, что Ломоносовъ увѣдомилъ его, что на поѣздку и экипировку его хватитъ назначенныхъ по векселю денегъ, но что на уплату долговъ ему нужно еще сто рейхсталеровъ или не многимъ болѣе, а потому: „я просилъ моего добраго пріятеля въ Марбургѣ за моею отвѣтственностью поручиться за него, что онъ и обѣщалъ мнѣ сдѣлать" и еще разъ убѣждалъ Ломоносова поспѣшить отъѣздомъ на сколько возможно. И здѣсь опять необыкновенно ярко просвѣчиваетъ отеческая любовь Вольфа къ Ломоносову, несмотря на всѣ его пороки, потому что, повторяемъ, пороки Ломоносова были пороками вѣка и они затушевывались свѣтомъ его генія.

8 іюня 1741 года Ломоносовъ прибылъ въ Петербургъ и тутъ начинается новый, самый свѣтлый и трудный періодъ научной работы Ломоносова въ нашей Академіи.

IV.

Послѣ бурной жизни заграницей онъ естественно боялся встрѣтить со стороны академическаго начальства и особенно всевластнаго Шумахера далеко не милостивый пріемъ. Но, противъ ожиданія, Шумахеръ принялъ его хорошо, и недоумѣвающій и обрадованный Ломоносовъ поселился въ отведенныхъ ему Шумахеромъ

двухъ комнатахъ въ домѣ Быковскаго на Среднемъ проспектѣ Васильевскаго острова, недалеко отъ нынѣшняго Тучкова моста и сталъ внимательно присматриваться къ новой для него Петербургской жизни и къ своему новому положенію члена Академіи наукъ.

Для Ломоносова, совершенно незнавшаго Петербургской жизни, а главное новаго и чуждаго для него русскаго дворянскаго общества, съ которымъ онъ теперь впервые столкнулся, все было ново, интересно, а главное непонятно.

Ему, далекому простому помору, голодному, оборванному ученику духовныхъ школъ и разгульному германскому студенту нельзя было сразу понять и опредѣлить сложную общественную русскую жизнь. Къ тому-же къ пріѣзду Ломоносова время переживаемое Россіей было особенно сложное, напряженное и даже страшное.

На Россійскомъ престолѣ былъ Императоръ—младенецъ Іоаннъ III Антоновичъ, а государствомъ правила мать его Анна Леопольдовна, герцогиня Брауншвейгъ-Блюнебургская. Русское общество, упоенное первой крупной побѣдой надъ ненавистными правителями—нѣмцами, а главное сверженіемъ всесильнаго регента Бирона, обманулось въ своихъ ожиданіяхъ и сново смутно, робко, но настойчиво готовилось къ новому государственному перевороту.

По наружности спокойные, веселые и радостные русскіе придворные круги и гвардія, внутри страшно но опасливо волновались. Имя дочери Петра В. Елизаветы все чаще и чаще выплывало какъ символъ окончательнаго сверженія нѣмцевъ и торжества русскихъ.

Гнетъ нѣмецкихъ правителей, которые вскорѣ послѣ изгнанія Бирона оправились и опять брали въ свои руки власть былъ теперь слабѣе чѣмъ раньше, но зато обиднѣе и больнѣе послѣ недавней побѣды.

Эта напряженность правящихъ круговъ невольно передавалась всему обществу. Всѣ жили въ страшной

тревогѣ, неизвѣстности и боязни, всѣ готовились и мучительно ждали грядущихъ важныхъ событій.

Ломоносовъ, разумѣется, не могъ не только понять, но даже уловить это общее настроеніе общества. Правда, въ Академіи онъ встрѣтилъ своихъ старыхъ товарищей по московскимъ духовнымъ школамъ, которые казалось-бы могли познакомить его съ надеждами и опасеніями русскихъ. Но не надо забывать, что въ то время, при почти всеобщемъ сыскѣ не безопасно было говорить объ этомъ; Ломоносовъ-же послѣ долгаго пребыванія заграницей, сталъ для нихъ совершенно чужимъ, притомъ-же ихъ жизнь была совершенно отдѣльная отъ жизни русскаго общества и исключительно поглащена узкими интересами Академіи и внутренней борьбой съ Шумахеромъ.

Нелюдимый, замкнутый въ себя Ломоносовъ жилъ первое время совершенно одинъ и если и слышалъ про ненависть къ нѣмцамъ своихъ товарищей, то эту ненависть не могъ понять, а главное осмыслить. Напротивъ, на нѣмцовъ академиковъ, онъ, привыкшій и любящій германскую науку, смотрѣлъ съ уваженіемъ. Къ Шумахеру онъ тоже ни могъ питать злобы, а скорѣй всего благодарность за неожиданный радушный пріемъ.

Ломоносовъ жилъ туманными планами своей будущей академической работы.

Каковы были его отношенія въ это время съ членами академіи мы не знаемъ, но по всей вѣроятности на него смотрѣли сперва съ любопытствомъ, а нѣмцы академики и съ недовѣріемъ къ его силамъ какъ будущаго профессора и это было вполнѣ естественно. Русскій профессоръ въ то время былъ явленіемъ необычайнымъ.

Но жизнь мало-по-малу начинаетъ втягивать Ломоносова и онъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ входитъ въ ея интересы.

Всесильный, въ то время Шумахеръ, обратилъ особенное вниманіе на Ломоносова и всѣми силами ста-

рался расположить его къ себѣ. Умный, знающій жизнь, а главное русскіе правительственные круги, гдѣ у него благодаря его умѣнію располагать къ себѣ было много доброжелателей, правильно понялъ настроеніе русскаго общества и видѣлъ, что Ломоносовъ, какъ русскій профессоръ, будетъ въ его рукахъ сильнымъ оружіемъ въ его борьбѣ съ нѣмцами профессорами и русскими членами академіи. Этимъ можно объяснить непонятный, милостивый пріемъ провинившагося русскаго студента. Это положеніе подтверждается еще тѣмъ, что онъ назначилъ Ломоносова для руководства не къ кому-либо изъ профессоровъ—недруговъ, а къ своему зятю Амману, завѣдывающему академическими собраніями по естественной исторіи, „чтобы съ нимъ поскорѣе можно было дойти до предполагаемой цѣли“.

Нѣтъ сомнѣнія, что Амманъ посвятилъ Ломоносова въ академическую борьбу. Но, съ другой стороны, объ этой борьбѣ Ломоносовъ зналъ и со стороны противниковъ Шумахера; такимъ путемъ онъ съ первыхъ-же дней академической жизни попалъ между двухъ огней. При томъ это борьба особенно обострилась благодаря уходу президента академіи Карла Броверна. Съ именемъ же новаго президента связывалась побѣда многочисленныхъ враговъ надъ Шумахеромъ. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что первые шаги Ломоносова были ошибочны.

Намъ особенно важенъ именно этотъ періодъ дѣятельности Ломоносова, потому что въ борьбѣ противъ Шумахера, въ которой скоро принялъ участіе и Ломоносовъ, а также его столкновенія и съ другими профессорами, принято считать какъ первое, смѣлое его выступленіе, первый вызовъ къ борьбѣ съ нѣмцами за русскую науку и за русское національное достоинство.

Мы глубоко убѣждены, что это положеніе невѣрно, или во всякомъ случаѣ сильно преувеличено. Вся ошибка происходитъ отъ того, что борьбу русскаго придворнаго общества за *власть* противъ правителей—нѣмцевъ, стали

впослѣдствіи считать какъ и борьбу академиковъ-нѣмцевъ противъ злоупотребленія *властью* Шумахера, борьбой за русское національное достоинство. „Русскіе, выигравшіе преобладаніе послѣ государственнаго переворота, говоритъ профессоръ Буличъ [1]), возведшаго на престолъ дочь Петра Великаго, не могли похвалиться лучшими свойствами. Борьба ихъ съ нѣмцами не была *сознательно патріотическою борьбою* изъ за народныхъ началъ. Мотивъ ея былъ только *власть*, придворное значеніе, а слѣдовательно и деньги". То же самое мы наблюдаемъ и въ борьбѣ противъ Шумахера.

Поэтому мы позволимъ себѣ подробнѣе остановиться именно на этомъ періодѣ жизни Ломоносова.

Разумѣется, при томъ нервномъ настроеніи, которое переживало русское общество и въ частности Академія, трудно было отдаться научной работѣ и особенно при увлекающемся характерѣ Ломоносова, что и было на самомъ дѣлѣ. Гебачъ, который впослѣдствіи расматривалъ дополненный Ломоносовымъ каталогъ, данный ему по порученію Аммана пишемъ: „подлинникъ той части каталога, которая принадлежитъ Ломоносову, написанъ съ поспѣшностью и невѣрностью, свидѣтельствующими, что составитель желалъ поскорѣе окончить трудъ и отдѣлаться отъ непріятной работы". Мы, разумѣется, не скажемъ, что работа по естествознанію была ему непріятна. Здѣсь, какъ мы видѣли, были другія причины, а также и новизна жизни вообще. Но главное—почти исключительно интересъ академической жизни потому, что о жизни русскаго общества онъ зналъ только по ея наружному настроенію, что видно изъ его оды, написанной 12 августа 1741 года ко дню рожденія Императора—младенца, гдѣ онъ патетически восклицаетъ:

„Въ Петровъ и Аннинъ вѣкъ вступайте".

Разумѣется при болѣе близкомъ знакомствѣ съ государ-

[1]) Буличъ, Н. Н. Къ столѣтней памяти Ломоносова.

ственной жизнью онъ не сталъ бы воспѣвать тяжелое для русскихъ царствованіе Императрицы Анны съ ея „Бироновщиной“. Но видя радость, что нѣтъ „Бироновщины“, которую въ то время не надо было скрывать, онъ пишетъ:

„Проклята гордость, злоба, дерзость
Въ чудовище одно срослись;
Высоко имя скрыто мерзость
Слѣпой талантъ пустилъ взнестись“.

Эти смѣлыя строки противъ хотя и павшаго врага, отвѣчали настроенію, были замѣчены обществомъ и можетъ быть послужили первымъ камнемъ его будущей популярности какъ поэта.

Это незнаніе внутренняго настроенія общества, а можетъ быть и малый интересъ къ нему продолжается до государственнаго переворота. Такъ напримѣръ, 23 августа, онъ пишетъ новую оду на побѣду русскихъ войскъ надъ Шведами при Вильманстрандѣ подъ заглавіемъ: „Первые трофеи Его Величества Іоанна III“.

Извѣстно, что придворные русскіе круги и русское общество эта блестящая побѣда не обрадовала. Общество жадно ждало побѣды не надъ шведами, а надъ нѣмцами правителями. Государственный переворотъ назрѣвалъ. Но несмотря на равнодушіе къ побѣдѣ, ода Ломоносова имѣла большой успѣхъ. Русское общество, воспитанное на тяжелыхъ стихахъ Тредьяковскаго, и на казенныхъ одахъ Штелина было пріятно удивлено новымъ поэтомъ.

Ломоносовъ замѣтно выплываетъ изъ неизвѣстности еще до начала своихъ научныхъ трудовъ и его имя становится знакомымъ и при дворѣ. Эта неожиданная популярность Ломоносова заставляетъ имъ дорожить какъ Шумахера, такъ и его противниковъ.

Но Ломоносовъ продолжаетъ жить далеко отъ истиннаго пониманія событій государственной жизни, и совершившійся государственный переворотъ былъ для него полной неожиданностью. Это видно изъ того, что не-

смотря на всеобщее ликованіе, которое проникло, хотя отчасти, и въ среду русскихъ членовъ академіи, Ломоносовъ не пишетъ оды, а ее пишетъ Штелинъ, а онъ дѣлаетъ только къ ней переводъ.

Между тѣмъ совершившійся государственный переворотъ внесъ много новаго и въ замкнутую жизнь академіи. Побѣда русскихъ и паденіе нѣмцевъ сдѣлали то, что борьба съ Шумахеромъ, какъ съ представителемъ нѣмецкой власти, стала реальнѣе и острѣе. Нѣмцы-профессора и русскіе открыто порицаютъ его дѣйствія, надѣясь, что въ этотъ переворотъ Шумахеръ потерялъ своихъ сильныхъ покровителей нѣмцевъ.

Но жизнь Ломоносова течетъ еще вдали даже отъ академической борьбы.

Имъ всѣ были довольны и особенно Шумахеръ; эта близость Ломоносова къ общему врагу академіи вызывала можетъ быть безпокойство среди противниковъ Шумахера. Къ этому же время относится и его прошеніе, въ которомъ онъ настойчиво напоминаетъ объ обѣщаніи даннымъ ему и его товарищамъ при отъѣздѣ заграницу, произвести ихъ по возвращеніи въ экстраординарные академики, что и было исполнено невѣроятно быстро, опять-таки благодаря его близости къ Шумахеру, который подписалъ его 8 января, а 28 того-же мѣсяца оно было приведено въ исполненіе. „Понеже сей проситель студентъ Михаилъ Ломоносовъ, специментъ своей науки еще въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1741 года въ конференцію подалъ, который есть всѣхъ профессоровъ оный конференціи такъ отпробованъ, что сей специментъ и въ печать произвесть можно; къ тому же покойный профессоръ Амманъ сего, Ломоносова, канцеляріе рекомендовалъ, къ тому же оный Ломоносовъ въ переводахъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ на россійскій языкъ довольно трудился, а жалованья и мѣста понынѣ ему не опредѣлено; то до дальнаго указа изъ правительствующаго сената и нарочнаго Академіи опредѣленія, быть ему,

Ломоносову, адъюнктомъ физическаго класса. А жалованья опредѣляется ему съ 1742 года января съ 1-го числа по 360 руб. на годъ, счисляя въ то число квартиру, дрова и свѣчи".

Симпатію Шумахера къ Ломоносову особенно видно изъ его переписки со Штелиномъ по поводу постановки въ Москвѣ италіанской оперы Gleinenza di Tito, подъ заглавіемъ: „La Russia affitae riconsolto", по случаю коронаціи Императрицы Елизаветы, въ переводахъ которой дѣятельное участіе, по порученію Шумахера, принималъ Ломоносовъ. Такъ, 25-го февраля 1742 года Шумахеръ пишетъ: „послѣ полученія вчера г. Ломоносовымъ французской копіи, онъ тотчасъ же принялся за работу. Онъ не будетъ перелагать въ стихи речитативы, но послѣдуетъ французскому (тексту)". 8-го Марта. „Ломоносовъ безподобно подвигается въ своемъ переводѣ; можетъ быть ему удастся успѣть въ немъ. Если-бы только не было у него *одного недостатка*, то отъ него должно было ожидать много хорошаго", а 15 марта: „если Ломоносовъ встрѣтитъ одобренія, то это доставитъ мнѣ удовольствіе, потому что при переводѣ человѣкъ не щадитъ ни трудовъ, ни усердія". Эти выписки изъ писемъ Шумахера для насъ особенно важны для уясненія истинной подкладки будущей борьбы съ нимъ Ломоносова.

Если, какъ мы и говорили, въ первое время Шумахеръ вниманіемъ къ Ломоносову старался привлечь его на свою сторону, что при настроеніи общества въ первую половину царствованія Елизаветы было особенно важно, то теперь въ этихъ письмахъ онъ говоритъ совершенно искренно и видимо дѣйствительно питалъ къ нему симпатію, и, это тѣмъ вѣроятнѣе, что письма писались къ его родственнику въ Москву, безъ всякой разумѣется надежды, что Ломоносовъ ихъ прочитаетъ.

Та-же симпатія и даже боязнь за Ломоносова заставляютъ Шумахера въ письмѣ Штелину сожалѣть его: „я жалѣю Ломоносова и тѣхъ, которые превозносили

до небесъ его стихи и переводъ". Онъ основательно боится, очевидно уже узнавши увлекающійся и самоувѣренный характеръ Ломоносова, что шумный успѣхъ его одъ и придворныхъ переводовъ повредитъ и повліяетъ отрицательно на его поэтическое дарованіе.

Но въ этихъ-же письмахъ намъ тоже особенно важно и сожалѣніе Шумахера объ *„одномъ недостаткѣ"* Ломоносова. Мы хорошо знаемъ каковъ былъ этотъ недостатокъ. Онъ привелъ его преждевременно къ могилѣ и создалъ много непріятностей въ жизни. Этотъ недостатокъ—пьянство ему привила жизнь Москвы и окончательно закрѣпила за-граничное студенчество и теперь, во время шумныхъ празднествъ, при восшествіи на престолъ Елизаветы и торжествъ русскихъ, гдѣ всѣ предавались чрезмѣрному пьянству, онъ особенно проявился.

Конечно успѣхи торжественныхъ одъ могли льстить его самолюбію, но не могли заполнить его умъ, къ тому-же жизнь теряла уже свою новизну, перестала его захватывать и у Ломоносова пробуждается старая, никогда ненасытная жажда къ наукѣ. Онъ дѣятельно хлопочетъ объ открытіи при академіи химической лабораторіи и получаетъ отказъ. Разумѣется отказъ этотъ при настойчивомъ характерѣ Ломоносова не могъ не повліять на него и онъ упорно продолжалъ хлопотать о разрѣшеніи, также какъ и о томъ, что: „имѣю я, нижайшій, намѣреніе чинить оптическія и физическія обсерваціи, а особливо въ ботаникѣ, для того, что сіе въ нынѣшнее весеннее и лѣтнее время можетъ учинено быть удобнѣе, для которой обсерваціи потребно мнѣ микроскоповъ простыхъ и сложныхъ". И, тоже получаетъ отказъ, за неимѣніемъ денегъ.

Это препятствіе къ открытію лабораторіи и пріобрѣтенію необходимыхъ инструментовъ для научныхъ работъ раздражаетъ Ломоносова и онъ, какъ и всѣ, начинаетъ считать виновникомъ Шумахера и понемногу отходитъ отъ него въ лагерь его враговъ. Но была еще

другая не менѣе важная сторона, вину которой ошибочно тоже приписывали Шумахеру: это невозможность получать во время жалованье.

Безденежье особенно остро чувствовали члены академіи, оторванные отъ общей жизни и почти неимѣвшіе знакомыхъ за стѣнами академіи. Это безденежье скоро испыталъ на себѣ и Ломоносовъ, что видно изъ поданнаго имъ прошенія въ 1743 году, гдѣ говорится, что за прошлый 1742 г. было получено только двѣ трети жалованья. Въ этомъ прошеніи онъ усиленно проситъ выдать жалованье хотя бы за два мѣсяца прошлаго года. На эту просьбу изъ академической канцеляріи онъ получаетъ 10 рублей. Особенно характерно слѣдующее прошеніе, тоже о выдачѣ жалованья, въ августѣ 1743 г., гдѣ онъ пишетъ: „надлежитъ мнѣ, нижайшему, изъ академіи наукъ донять заслуженнаго мною жалованья за сентіябрскую треть прошлаго 1742 года и почти за двѣ трети сего 1743 года. Итакъ, почти за цѣлый годъ, я, нижайшій, жалованья отъ академіи не получалъ и отъ того пришелъ въ крайнюю скудость. А нынѣ, я, нижайшій, нахожусь болѣнъ и при томъ, не токмо лѣкарства, но и дневной пищи себѣ купить на что не имѣю и денегъ, взаймы достать не могу. Того ради академію наукъ покорнѣйше прошу, дабы повелѣно было на счетъ заслуженнаго мною жалованья для моего содержанія выдать денегъ сколько академія наукъ заблагоразсудитъ“. 9 сентября онъ получилъ отвѣтъ, что за неимѣніемъ въ казнѣ денегъ, выдать, ему Ломоносову, пять рублей, а 29 ноября, по такому же прошенію, Ломоносовъ, вмѣсто денегъ получилъ „для его пропитанія“ академическихъ изданій на 80 руб. Разумѣется, это безденежье заставляло членовъ академіи прибѣгать къ частнымъ разорительнымъ для нихъ займамъ. Такъ мы знаемъ, что въ началѣ Ломоносовъ занималъ деньги у Шумахера.

Всѣ эти неурядицы вызывали сильную непріязнь

къ Шумахеру, притомъ всѣ знали, что часть средствъ расходуется на мастерскія, заведенныя Шумахеромъ при академіи.

Ломоносовъ, еще недавно довольный Шумахеромъ, подъ вліяніемъ неудачи своихъ хлопотъ и неполученія жалованья, а главное, подъ вліяніемъ общаго неудовольствія, сталъ считать Шумахера виновникомъ всего и открыто перешелъ на сторону его враговъ.

Воцареніе Елизаветы, ея защита русскихъ интересовъ и русскихъ людей, сдѣлали то, что эта борьба вылилась наконецъ въ конкретныя формы. Собственно говоря, эта борьба была очень старая. Еще въ концѣ 1734 года, при вступленіи барона Корфа въ должность „главнаго командира“ академіи, профессоръ астрономіи Николай Делиль, въ привѣтственной рѣчи жаловался на Шумахера, разумѣется, съ согласія своихъ товарищей, и указывалъ на ненормальность того положенія, что ученые члены академіи были въ полной зависимости отъ канцеляріи и притомъ „опая канцелярія неправеднымъ образомъ взяла команду и надъ академіей наукъ и во всемъ опредѣляетъ сама собою“. Онъ указывалъ также и на неправильное распредѣленіе канцеляріей академическихъ суммъ: „и на нужды науки какъ-то заведеніе лабораторій деньги не отпускаются, а тратятся на открытіе разныхъ мастерскихъ“. Баронъ Корфъ эту оффиціальную жалобу оставилъ безъ послѣдствій и Шумахеръ открываетъ новыя мастерскія при академіи, которыя урѣзываютъ скромныя суммы академическихъ средствъ, а 31 марта 1738 года, послѣ новыхъ жалобъ о томъ же на Шумахера, баронъ Корфъ, находящійся къ тому времени подъ полнымъ вліяніемъ Шумахера, даетъ распоряженіе хранить академическія суммы подъ печатью Шумахера.

Это распоряженіе дѣлаетъ Шумахера полнымъ хозяиномъ и члены академіи, при частомъ неполученіи жалованья, всецѣло отъ него зависѣли. Денежная власть

и вліяніе на президента позволяютъ Шумахеру дѣлать разныя льготы своимъ приверженцамъ и даже прибавлять имъ сверхъ установленнаго жалованья въ ущербъ остальнымъ профессорамъ.

Выведенные изъ терпѣнія властолюбіемъ Шумахера, его постоянными отказами на просьбы для академіи, а главное пользуясь новымъ вѣяніемъ при русскомъ дворѣ, академики-нѣмцы вступаютъ въ союзъ съ русскими членами академіи, также недовольными Шумахеромъ и во главѣ съ малограмотнымъ, но заслуженнымъ токаремъ Петра Великаго, Нартовымъ, въ то время завѣдывающимъ токарной мастерской при академіи, и со старымъ недругомъ Шумахера, академикомъ астрологомъ Делилемъ, подаютъ донесеніе на злоупотребленія Шумахера. Въ этомъ донесеніи также ставится въ вину Шумахеру и препятствіе къ обученію русскихъ, что противно основной мысли Петра Великаго, основателя академіи. „Обученіе россійскаго народу молодыхъ людей оставлено, а производятъ въ наукахъ чужестранныхъ, въ которыхъ россійской Имперіи никакой пользы быть не можетъ, кромѣ единаго казеннаго убытка“, пишутъ они. Не надо забывать, что существуетъ мнѣнье, что донесеніе Нартова написано Ломоносовымъ, но даже если это и не вѣрно, то во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что Ломоносовъ стоялъ на сторонѣ его враговъ. Принято также считать, что донесеніе Нартова, или лучше Ломоносова, было протестомъ противъ расхищенія народныхъ средствъ нѣмцами. Но какъ мы видѣли выше, едва-ли это допустимо и даже самое упоминаніе о препятствіи чинимомъ нѣмцомъ Шумахеромъ къ обученію русскихъ науками— сомнительно. Интересно также знать, что подразумѣвали Нартовъ и его товарищи подъ науками. „Производятъ въ наукахъ чужестранныхъ“... По нашему глубокому убѣжденію, которое вытекаетъ изъ хода борьбы, эти науки и есть тѣ мастерскія: граверныя, рисовальныя и другія, которыя открылъ Шумахеръ и которыя были такъ ненавистны академіи.

Вслѣдъ за донесеніемъ и должно быть для подкрѣпленія своихъ обвиненій въ препятствіи Шумахера къ преподаванію наукъ было объявлено о чтеніи лекцій. „Нынѣ начинаемъ опять подъ державою Всеавгустейшія Императрицы Елизаветы, нашея всемилостивѣйшія Государыни и Покровительницы, публичное и приватное въ наукахъ наставленіе". Чтеніе лекцій возможно были предприняты по желанію Ломоносова, который по своей натурѣ жаждалъ дѣятельности публичной, а не только тихихъ кабинетныхъ занятій. Но это желаніе быть полезнымъ русскимъ, какъ и можно было ожидать, не нашло отклика, такъ какъ на лекціи Ломоносова явился одинъ слушатель, да и то нѣмецъ—Клейнфельдъ.

И такъ борьба завязалась. Шумахеръ зналъ о донесеніи Нартова и Делиля и по обыкновенію, надѣясь на свою ловкость и на покровительство сильныхъ, мало безпокоился, что и видно изъ его писемъ къ Штелину. Такъ напримѣръ, 29-го іюля 1742 года, онъ пишетъ, что ему извѣстно донесеніе, . . . „сдѣланное въ правительствующій сенатъ г.г. Делилемъ и Нартовымъ, я съ удовольствіемъ ожидаю когда дойдетъ до меня дѣло и съумѣю тогда раскрыть злостныя намѣренія этихъ людей. Оба они о б м а н щ и к и и дураки, за каковыхъ слывутъ у всѣхъ кто ихъ знаетъ". . . и 26-го августа: „Совѣтникъ Нартовъ получилъ изъ сенатской конторы паспортъ на проѣздъ въ Москву, безъ сомнѣнія, для подтвержденія переданныхъ Делилемъ пунктовъ и своихъ собственныхъ клеветъ. Я не обращаю на то вниманія, потому что у меня совѣсть чиста. Кромѣ нѣкоторыхъ негодяевъ, и большіе и малые подтвердятъ, что намѣреніе обоихъ клонится единственно къ тому, чтобъ разрушить Академію и извлѣчь пользу изъ ея разрушенія". Тутъ по всей вѣроятности онъ тоже думаетъ о мастерскихъ, этомъ краеугольномъ камнѣ раздора.

Но несмотря на то, что Шумахеръ зналъ жизнь придворной среды, онъ все-таки не принялъ во вниманіе

особенности начала царствованія Императрицы Елизаветы, съ ея преувеличеннымъ недовѣріемъ къ нѣмцамъ, и торжествующій Нартовъ, къ удивленію всѣхъ, привезъ изъ Москвы 30-го сентября 1742 года указъ Императрицы о назначеніи слѣдственной коммиссіи.

Шумахеръ растерялся. Враги же его бурно выразили свою радость.

Но профессора нѣмцы, какъ и русскіе, во главѣ съ Ломоносовымъ, какъ не политики не предвидѣли, что увлеченіе всѣмъ русскимъ сдѣлаетъ то, что на мѣсто Шумахера и во главѣ академіи будетъ поставленъ, какъ и случилось, Нартовъ, который по безпристрастному отзыву слѣдственной коммиссіи былъ „хотя состоянія добраго, однакожъ повидимому въ тѣхъ дѣлахъ недостаточенъ и въ пристойныхъ къ оной Академіи ученіяхъ не былъ, ибо кромѣ токарнаго художества ничего не знаетъ“. И мы видимъ, что съ первыхъ же шаговъ назначенія Нартова начались острыя столкновенія его съ профессорами. Жалуясь на самовластіе Шумахера, онъ самъ проявлялъ его еще болѣе и притомъ въ очень грубой формѣ. Назначеніе Нартова оскорбило заслуженныхъ профессоровъ и еще болѣе его обращеніе съ ними. Положеніе ихъ стало хуже, а безцѣльное и дерзкое опечатываніе архива академической канцеляріи, въ которомъ, какъ и во многихъ другихъ некрасивыхъ поступкахъ, видную роль принималъ и Ломоносовъ, сдѣлало то, что недавніе враги Шумахера стали писать отвѣты на вопросы слѣдственной коммиссіи, благопріятные Шумахеру, и не только нѣмцы, но и русскіе, притомъ съ именами какъ напримѣръ, Тредьяковскій.

Положеніе академиковъ еще тѣмъ болѣе ухудшилось, что къ грубостямъ Нартова прибавились ничѣмъ не сдерживаемыя грубости Ломоносова, большею частью когда онъ былъ подъ вліяніемъ вина. Грубости эти доходили „до позорной нѣмецкой брани“.

Разумѣется, при такомъ положеніи дѣла, при изво-

ротливости Шумахера, а главное при его многихъ высокопоставленныхъ доброжелателяхъ, ему легко было оправдаться, тѣмъ болѣе, что и самые пункты обвиненія были исключительно построены на оскорбленномъ самолюбіи. И только объясненія переводчика, Никиты Попова, могли сильно, по тому времени, повредить Шумахеру. Поповъ обвинялъ Шумахера и профессоровъ въ томъ, что они русскимъ переводчикамъ не даютъ ходу. Вмѣсто научныхъ сочиненій, гдѣ они могли бы учиться, имъ даютъ переводы канцелярскихъ бумагъ. Кромѣ того, Поповъ указывалъ, что какъ переводчики, такъ и русскіе въ академической типографіи получаютъ меньше жалованья чѣмъ нѣмцы. „Отъ сего порядку,— говоритъ Поповъ,—что нѣмцамъ содержаніе двойное противъ русскихъ или противъ должностей ихъ очень довольное дается, происходитъ то, что нѣмцы понятнѣе и трудолюбивѣе почитаются за тѣмъ, что они ни о чемъ домашнемъ попеченія не имѣютъ, все въ довольствѣ къ содержанію своему имѣя. И то есть истинное реченіе о обученіи всякимъ наукамъ въ чемъ они и самымъ дѣломъ много успѣваютъ. Тоже-бы самое и русскіе учинили безъ всякаго сомнѣнія, ежели бы ихъ также содержали, и, они бы не имѣли причины признавать себя передъ нѣмцами за обиженныхъ и, нынѣ бы уже половину цѣлую профессорскаго комплекту россіяне составляли". Это было единственное и смѣлое слово во всемъ процессѣ въ защиту русской науки— идеи Петра Великаго. Но это слово было скорѣй красивой но очень ранней, для того времени, мечтой Попова, которая все-таки ему дѣлаетъ величайшую честь.

Шумахеръ сослался на то, что какъ Поповъ, такъ и его товарищи еще плохо знаютъ иностранные языки, и какъ студенты не могутъ по недостатку знанія самостоятельно преподавать и самостоятельно работать. Коммиссія сдѣлала запросъ профессорамъ, тѣ подтвердили слова Шумахера и добавили, что слушать лекціи и

учиться въ академіи никому не запрещается и, что самъ Поповъ небрежно относится къ занятіямъ, а неумѣніе русскихъ ученыхъ происходитъ отъ того, „что большая часть русскихъ какъ родителей, такъ и дѣтей ихъ къ продолженію наукъ особливой охоты и терпѣливости не имѣютъ, что когда нѣкоторые изъ учениковъ въ русскихъ классахъ уже такъ далеко пропзошли, что они въ латинскіе произведены быть могутъ, то они сами или ихъ родители, когда имъ объ томъ объявлено бываетъ, отъ того отговариваются".

Интересно, что отвѣтъ Ломоносова на запросъ о виновности Шумахера данъ былъ уклончивый и скорѣй въ пользу Шумахера. Это лишній разъ свидѣтельствуетъ лучше всякихъ разглагольствованій, что онъ не очень хлопоталъ тогда объ успѣхѣ дѣла начатаго противъ Шумахера и мало заботился о поддержкѣ его враговъ [1]). Слѣдствіемъ этого было то, что коммиссія постановила 24 декабря 1742 г. освободить изъ-подъ ареста Шумахера. „По нѣжѣ никакого важнаго преступленія его не видитъ". Въ этомъ постановленіи нельзя обвинять какъ раньше нѣмцевъ, потому что члены коммиссіи были русскіе подъ предсѣдательствомъ адмирала графа Н. Ѳ. Головина и графа Игнатьева и коммерцъ-коллегіи кн. Бориса Юсупова, а 4 декабря того же года вышелъ указъ сената, который говорилъ: „Шумахеру быть у дѣлъ въ академіи по прежнему и за которое время жалованье онъ не получалъ, оное ему выдать". За то, по обычаю того времени, всѣ обвинители Шумахера, особенно русскіе сильно пострадали. Они были приговорены къ наказанію плетьми, а Горлинскій даже къ смертной казни. 15 іюля 1744 г., т. е. когда вышло это постановленіе послѣдовало распоряженіе Императрицы о прощеніи ихъ и объ опредѣленіи при академіи по старому. Разумѣется, Шумахеръ, послѣ полнаго

1) Пекарскій.—Исторія Имп. Акад. Наукъ, стр. 337.

оправданія въ коммиссіи, высоко поднялъ голову и почувствовавъ вновь силу сталъ мстить своимъ врагамъ.

„Никогда г. совѣтникъ Шумахеръ,—писали академики, подавая въ сенатъ на него новую жалобу 7 августа 1745 года,—такъ самовольно не поступалъ, какъ съ того времени, когда бывшая надъ нимъ слѣдственная коммиссія въ его пользу рѣшена была. Во время правленія канцеляріей совѣтника Нартова, когда мы жаловались на него Нартова въ коммиссіи, что пишетъ къ намъ указомъ, чего и прежніе президенты никогда не дѣлали и, коммиссія отъ насъ требовала извѣстія, какимъ образомъ совѣтникъ Шумахеръ къ намъ писалъ, то мы для того и не могли инако какъ въ Шумахерову пользу отвѣтствовать, что никогда онъ такой власти надъ нами себѣ не взялъ, чтобы насъ указами ордеровать. А послѣ отрѣшенія Нартова отъ правленія канцеляріею, онъ, Шумахеръ, думая что теперь всѣ его боятся должны и въ канцеляріи и въ профессорскомъ собраніи публично намъ грозилъ, ежели по его указамъ исполнять не будутъ".

Съ этого времени начинается новая упорная борьба Шумахера съ членами академіи и Ломоносовымъ и опять-таки изъ-за власти. Но и это донесеніе, какъ и слѣдующія, мало достигали цѣли можетъ быть потому, какъ горько жалуется Ломоносовъ, что ученые „пріобыкли быть всегда при наукахъ и не навыкнувъ разносить по знатнымъ домамъ поклоновъ, не могли сыскать себѣ защищеніе".

Въ этой борьбѣ, которую мы, къ сожалѣнію, могли только отчасти коснуться [1]), не видно даже намека со стороны Ломоносова, а также и со стороны другихъ, что они боролись за національныя начала, за интересы русской науки противъ поработителей нѣмцевъ.

---

[1]) Борьба Шумахера съ академіей подробно разработана въ капитальномъ трудѣ, Пекарскаго П. Исторія Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ. Т. I—II.

Напротивъ, въ этой борьбѣ мы видимъ даже такое рѣдкое явленіе, что „враждебная Шумахеру сторона, т. е. большинство нѣмцы и часть русскихъ явилась защитницей русскихъ интересовъ въ академіи, а между тѣмъ, служащіе въ ней русскіе какъ-то: Адодуровъ, Тредьяковскій и Тепловъ подали отзывы въ пользу владычества надъ академіей Шумахера“ [1]).

Но помимо борьбы съ Шумахеромъ была еще другая не менѣе важная сторона жизни Ломоносова въ академіи, это его столкновеніе со своими товарищами профессорами нѣмцами. Эти отношенія скоро вылились въ очень обостренныя формы и послужили также поводомъ вывести изъ нихъ борьбу Ломоносова, какъ борьбу за право русской науки и русскихъ интересовъ.

Мы знаемъ, что первое время жизни Ломоносова въ Академіи течетъ мирно, но къ концу 1742 года оно рѣзко измѣняется, начинаютъ происходить „схватки съ нѣмцами“. И мы должны прослѣдить эти схватки. Сигналомъ къ нимъ послужило побитіе имъ нѣмцевъ 26 сентября 1742 года. Ломоносовъ, говоритъ Пекарскій [2]), сначала пришелъ къ служанкѣ академическаго садовника Штурма, сосѣда своего, занимавшаго квартиру въ томъ же академическомъ домѣ, гдѣ жилъ и нашъ адъюнктъ, а потомъ вошелъ и къ самому Штурму и началъ упрекать его гостей, что они украли его эпанчу. Вслѣдствіе этого завязалась у нихъ драка съ обидчикомъ. Ломоносовъ обладая, по свидѣтельству Штелина, чрезвычайною физическою силою, „схватилъ болванъ, на чемъ парики вѣшаютъ, и началъ всѣхъ бить и слугѣ своему приказалъ бить всѣхъ до смерти. На этомъ побоищѣ получили раны и увѣчье жена Штурма, его тесть Грове, бухгалтеръ Прейсеръ и служанка; самъ хозяинъ спасся бѣгствомъ, выскочивъ изъ окна на улицу, гдѣ сталъ

[1]) Тамъ же.
[2]) Пекарскій. Исторія Имп. Акад. Наукъ т. VI стр. 329.

кричать „караулъ“. Причемъ и Ломоносову схватка не прошла даромъ; когда академическая канцелярія потребовала его къ отвѣту, то онъ не могъ явиться, такъ какъ, по свидѣтельству доктора академика Вилоде, онъ чувствовалъ ломъ въ груди, а лѣвое колѣно у него совсѣмъ распухло“. Разумѣется въ тихомъ академическомъ муравейникѣ, среди ученыхъ, хотя и привыкшихъ къ грубости той жизни, этотъ случай не могъ не вызвать сильнаго возмущенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что и раньше Ломоносовъ подъ вліяніемъ вина позволялъ себѣ грубые и нетактичные поступки, но они проходили незамѣтно, а можетъ быть онъ еще въ то время старался сдерживаться. Возмущеніе было общее и сильное и разумѣется эта пьяная драка оттолкнула отъ него, сравнительно корректныхъ нѣмцевъ. Но этотъ поступокъ прошелъ Ломоносову безнаказанно, благодаря поданному въ то время донесенію Нартова и отстраненіе Шумахера отъ дѣлъ. Что принесло Академіи владычество Нартова, мы знаемъ, но въ тоже время назначеніе Нартова вызвало шумное торжество русскихъ. Пьянство дикое, прочно свило гнѣздо въ стѣнахъ Академіи и ничѣмъ не сдерживаемое вылилось въ дикія формы. Интересно, въ это время необыкновенно ярко вылилась страшная язва русской жизни середины XVIII вѣка—доносъ и сыскъ. Съ первыхъ-же шаговъ по управленію Нартовъ, какъ и его единомышленники, взяли всѣхъ нѣмцевъ подъ подозрѣніе благодаря чему и послѣдовало ничѣмъ необъяснимое кромѣ сыска, запечатываніе архивовъ; но академики добились открытіе ихъ. Распоряженіе коммиссіи объ открытіи архивовъ для занятій вызвало неудовольствіе Нартова, которое вскорѣ и обнаружилось въ грубой формѣ. „Въ силу онаго приказу“, говорится въ новомъ донесеніи отъ профессоровъ въ коммиссію, о невозможности пользоваться архивомъ, „вынялъ профессоръ Винцгеймъ изъ архива въ присутствіи опредѣленнаго при коммиссіи г. Маіора, также адъюнкта

Ломоносова, коммиссара Камера и кописта Пухорта, для нужныхъ справокъ по его должности, потребные протоколы 1735 и 1737 годовъ, но вмѣсто того, чтобъ по силѣ означеннаго приказу дѣло въ архивѣ придержаться могло, началъ коммиссаръ Камеръ съ товарищами вновь всякія своевольства чинить, ибо когда отворили запечатанный столовый ящикъ профессора Винцгейма, то адъюнктъ Ломоносовъ, вынялъ изъ онаго наглымъ образомъ половину бѣлой писчей бумаги, говоря, что ему профессору Винцгейму, столько бумаги не надобно, и положилъ оную въ архиву, которую опять запечатали", и далѣе, „потомъ, когда 14 дня октября, всѣ обще профессоры имѣли чрезвычайное собраніе, то адъюнктъ Ломоносовъ и переводчикъ Горлинскій вошли съ немалымъ безстыдствомъ и дерзостью въ нашу конференцію подъ видомъ осматриванія печатей и помѣшали продолжать намъ свои дѣла. А когда у нихъ спросили, имѣютъ-ли они на такіе проступки указъ, то они отвѣтствовали, что имѣютъ на то ея императорскаго величества указъ, однакожъ они его не предъявили. Вскорѣ по выходѣ ихъ, вошелъ опять адъюнктъ Ломоносовъ и привелъ съ собою коммиссара Камера, который Камеръ не постыдился намъ профессорамъ, выговаривать, для чего мы не позволяемъ печати осматривать и что намъ нужды требовать, чтобы о томъ предъявили указъ".

Возможно, что эта жалоба повліяла на Ломоносова и его товарищей какъ сдерживающее начало. На эту жалобу въ январѣ 1743 года былъ сдѣланъ запросъ Ломоносову и его товарищамъ „прошлаго 1742 года въ октябрѣ мѣсяцѣ чего ради *ты* Ломоносовъ съ переводчикомъ Горлицкимъ и коммиссаромъ Камеромъ и съ кописто мъ Пухортомъ, подъ видомъ осматриванія печати съ недозволеннымъ безстыдствомъ обыкновеннаго собранія въ палату входили да еще не однократно, и собою-ль или по чьей посылкѣ и имъ во отправленіи ихъ

дѣлъ мѣшать, и какъ ученили своевольства, которыя въ ея императорскія академіи предосудительны? и о томъ тебѣ, Ломоносову, показать самую сущую правду, а послѣ изоблеченъ будешь, и за то учинено тебѣ будетъ по ея императорскаго величества указамъ!“ Очень характерно это обращеніе коммиссіи на *ты* къ русскому ученому и адъюнкту, что лишній разъ подчеркиваетъ какъ знать въ то время относилась къ ученымъ. Но характеренъ также и поступокъ Ломоносова. Въ то время какъ его товарищи написали свои оправданія въ коммиссію, Ломоносовъ отказался отъ дачѣ какихъ бы-то ни было показаній и какъ не сильны были члены коммиссіи во главѣ съ гр. Головинымъ, кн. Юсуповымъ и Игнатьевымъ не могли заставить Ломоносова покориться ихъ воли.

Этотъ поступокъ Ломоносова можно объяснить или его полнымъ отчаяніемъ, стыдомъ передъ своими проступками противъ профессоровъ, или той силой, которую онъ чувствовалъ какъ поэтъ, своей популярностью при дворѣ, а отсюда и заступничествомъ при томъ же дворѣ и послѣднѣе предположеніе, которое разумѣется отчасти не исключаетъ и первыхъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что, когда была принесена на него жалоба академиками, онъ написалъ новую оду на возвращеніе Императрицы изъ Москвы и эта ода произвела очень сильное впечатлѣніе при дворѣ и въ обществѣ и закрѣпило за нимъ славу русскаго поэта. О силѣ впечатлѣнія, произведеннаго этой одой, въ то время, можно судить потому, что даже долго спустя, а именно въ 1817 году Мерзляковъ находитъ ее прекрасной и совершенной. Таже ода подтверждаетъ наше предположеніе еще тѣмъ, что въ послѣднихъ стихахъ ея Ломоносовъ очень прозрачно намекаетъ на себя, а главное на слѣдственную коммиссію, т. е. на жалобу профессоровъ о которой разумѣется всѣ знали, что мы и видимъ изъ слѣдующихъ строкъ.

„Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,

Что посятъ лавръ похвалъ зеленый
„Доволенъ будь собою самъ“
Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ стихій, ни мрака древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть,
Котору будутъ вѣкъ хранить
Дѣла Петровой дщери громко,
Что станутъ поздны честь потомки.

Но несмотря на увеличивающуюся силу Ломоносова, какъ поэта, сильно оскорбленные имъ академики настойчиво продолжали хлопотать о наказаніи Ломоносова. Этому особенно имъ могли помочь только что вернувшіеся изъ Сибири академики Мюллеръ и Гмелинъ, которые имѣли большое значеніе при дворѣ и которые разумѣется не могли не почувствовать остроту обиды своихъ товарищей. И когда Ломоносовъ пришелъ въ академическое засѣданіе академики заявили, что не желаютъ его видѣть въ своемъ кругу, пока не получатъ отвѣта отъ слѣдственной коммиссіи. Нартовъ рискнулъ потребовать отъ нихъ объясненій, но получилъ тотъ-же самый отвѣтъ.

Между тѣмъ 25 апрѣля 1743 года Ломоносовъ, опять-таки подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, „сперва вошелъ не снимая шляпы, въ комнату академическихъ засѣданій и сдѣлалъ находившемуся тамъ академику Винцгейму непристойный знакъ изъ пальцевъ, а потомъ отправился въ географическій департаментъ, гдѣ между прочими работали бывшіе его товарищи по Московской духовной школѣ: Чадовъ, Шишкаревъ, Старковъ, Ковринъ. Здѣсь Ломоносовъ бранитъ Винцгейма, говоря: „я де календарь и самъ сочиню не хуже ево“. Когда адъюнктъ Трюскоттъ остановилъ его, то получилъ въ отвѣтъ: „ты-де что за человѣкъ? Ты де адъюнктъ, кто тебя сдѣлалъ? Шумахеръ!.. Говори со мною по латыни... Когда Трюскоттъ отказался отвѣчать, то Ломоносовъ продолъ жалъ: „ты-де дрянь, никуда не годишься и не-достойно произведенъ! и притомъ, по словамъ Чадова, бранилъ

Шумахера и воромъ назвалъ, и прочихъ господъ профессоровъ также бранилъ". По показанію Трюскотта, Ломоносовъ велъ себя еще неумѣреннѣе и произносилъ слова неудобныя въ печати, а Винцгейму грозилъ, если только произнесетъ тотъ еще одно слово, поправить всѣ зубы. Къ послѣднему онъ еще разъ возвратился изъ географическаго департамента и упрекалъ за постановленіе объ исключеніи его изъ академическихъ засѣданій, называя академиковъ Hundsfotter и Spitzbuben [1]). Когда Винцгеймъ пригрозилъ занести все происшедшее въ протоколъ, то разбушевавшійся адъюнктъ отвѣчалъ: „Ja, ja schreiben sie nur; ich verstehe so viel ein Professor und bin ein Landeskind. (т. е. да, да пишите, я столько-же смыслю сколько профессоръ, а притомъ-же я природный русскій. Это послѣднее особенно характерно не только для Ломоносова, но и вообще для того времени. Сбросивъ хоть отчасти безграничное владычество нѣмцевъ правителей „русскій" сталъ синонимомъ всего и какъ всегда, особенно при некультурности того русскаго общества, всѣ русскіе впали въ страшную крайность, которую мы видѣли въ назначеніи малограмотнаго Нартова главой академіи, такъ и въ этихъ словахъ Ломоносова, гдѣ именемъ „русскій" онъ прикрывается и считаетъ его защитой даже противъ такихъ ничѣмъ не оправданныхъ поступковъ и оскорбленій другихъ.

Послѣ этого поступка академики опять подаютъ жалобу и ихъ отношенія къ Ломоносову окончательно портятся, что къ сожалѣнію продолжалось почти до конца жизни Ломоносова. Князь Юсуповъ сдѣлалъ распоряженіе допросить Ломоносова, но Ломоносовъ какъ и въ первый разъ уклонился отъ дачи показаній и 28 мая онѣ говорилъ что „я-де по пустому отвѣтствовать не буду, и надо мною главную имѣетъ команду академія, а не коммиссія. И надлежитъ-де его требовать отъ Академіи, а безъ того въ допросъ не пойдетъ, и ничего-де со мною

[1]) Пекарскій П. Исторія Академіи Наукъ въ Петербургѣ т. VI, стр. 338—39.

коммиссія сдѣлать не можетъ. И сверхъ того предъ присутствіемъ кричалъ онъ, Ломоносовъ, неучтиво и смѣялся".

Выведенные изъ терпѣнія упорствомъ и дерзостью Ломоносова члены коммиссіи 28 мая 1743 года постановили его арестовать, что и было приведено въ исполненіе. Арестъ повліялъ на Ломоносова отрезвляюще, хотя онъ и подаетъ изъ-подъ ареста въ Академическую канцелярію, что онъ въ оскорбленіи профессоровъ не виновенъ и арестованъ напрасно, но уже въ другой просьбѣ проситъ освободить его ссылаясь, что благодаря аресту прекратились его научныя занятія. Просьба Нартова объ освобожденіи Ломоносова тоже осталась безъ результата. И только въ январѣ 1744 года вышло постановленіе Сената объ его освобожденіи. Это постановленіе замѣчательно своей необычайной мягкостью и незначительнымъ наказаніемъ опредѣленнымъ Ломоносову за его проступки. Безъ сомнѣнія тутъ тоже сыграла главную роль его популярность какъ стихотворца или можетъ быть даже личное вліяніе Императрицы, которой было извѣстно его имя, во всякомъ случаѣ Сенатъ постановилъ 18 января 1744 года: „онаго адъюнкта Ломоносова, для его дальнѣйшаго обученія отъ наказанія освободить, а въ объявленныхъ, учиненныхъ имъ продерзостяхъ у профессоровъ просить ему *прощеніе*: а что онъ такіе непристойные поступки учинилъ въ коммиссіи и въ конференціи, яко въ судебныхъ мѣстахъ, зато давать ему, Ломоносову, жалованья въ годъ по нынѣшнему его окладу половинное: ему-жъ, Ломоносову, въ канцеляріи правительствующаго сената объявить съ подпискою, что ежели онъ впредь въ таковыхъ продерзостяхъ явится, то поступлено съ нимъ будетъ по указамъ не отмѣнно". Положимъ половинное жалованіе Ломоносовъ получалъ недолго, 15 іюля того же года послѣдовалъ указъ императрицы о выдачѣ Ломоносову полнаго жалованія.

Освободившись изъ-подъ ареста ему пришлось про-

сить прощеніе у профессоровъ въ конференціи. Но разумѣется это примирѣніе было наружно, а 4 февраля у него опять произошло бурное столкновеніе со своимъ товарищемъ по Московской Академіи Голубцовымъ. Будучи у него въ гостяхъ и безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ вина Ломоносовъ „Голубцова ударилъ, какъ доноситъ ихъ товарищъ, присутствовавшій при этомъ Лебедевъ, шандаломъ въ лицо, отчего воспослѣдовалъ у него въ глазу ломъ, а на лицѣ отъ удара язва, такъ что нынѣ публично выйти не можетъ". Но Шумахеръ, который въ это время былъ уже на прежнемъ мѣстѣ, не сталъ доносить объ этомъ проступкѣ Ломоносова по начальству Академіи, а представилъ Голубцову жаловаться на Ломоносова обычнымъ судебнымъ порядкомъ. Вотъ въ этихъ поступкахъ Ломоносова и заключались „схватки съ нѣмцами". И здѣсь мы при всемъ желаніи тоже не видимъ даже намека борьбы за русскую науку и за русское національное достоинство.

Благодаря этой борьбѣ Ломоносовъ нажилъ себѣ въ Академіи только враговъ и ни одного искренняго друга. Онъ жилъ одинъ, и чувство одиночества не покидало его до конца жизни, даже пріѣздъ въ 1743 году его жены изъ заграницы не могъ сгладить умственнаго одиночества.

Послѣднимъ скандаломъ у своего товарища оканчивается бурная полоса въ Академической жизни Ломоносова. Онъ точно отрезвился отъ угара и съ 1745 года начинается усиленная дѣятельность его на ученомъ поприщѣ. Геній Ломоносова, его трудъ и жажда знанія скоро заставили профессоровъ-нѣмцевъ забыть всѣ непріятности, которыя онъ причинилъ имъ и къ чести ихъ нужно сказать, что они были далеко не злопамятны.

По немногу Ломоносовъ начинаетъ ближе знакомиться съ русскимъ обществомъ и съ придворными кругами. Имя его какъ мы видѣли уже было знакомо, какъ по-

эта теперь онъ выступаетъ уже въ качествѣ ученаго; этому особенно благопріятствовало возвращеніе двора въ Петербургъ, а также близкое знакомство съ гр. Воронцовымъ, которому онъ посвятилъ свой переводъ, сокращенной экспериментальной физики Вольфа. Къ этому же времени Ломоносову разрѣшается просить о назначеніи его изъ адъюнктовъ въ профессора. Шумахеръ какъ видно, не питая злобы къ своему недавнему врагу очень скоро переслалъ его прошеніе въ собраніе академиковъ. Когда просьба Ломоносова дошла до академическаго засѣданія 17 іюня, то Гмелинъ, заявилъ, что онъ готовъ уступить ему кафедру по химіи причемъ просьба вообще не встрѣтила препятствія ни у кого изъ профессоровъ, которые къ тому времени уже высоко цѣнили научныя знанія Ломоносова и находили, что „поданныя отъ г. адъюнкта ученія его специменты достойны профессорскаго званія". Даже Миллеръ впослѣдствіи писалъ Теплову, что онъ много способствовалъ къ производству его въ профессора. 7-го августа 1745 года Ломоносовъ былъ утвержденъ въ званіи профессора и вмѣстѣ съ нимъ совершенно неожиданно для Академіи и помимо ея просьбы въ томъ-же званіи былъ утвержденъ и Тредьяковскій.

Ломоносовъ окончательно уходитъ въ научную работу, а также въ новую борьбу вмѣстѣ съ остальными профессорами противъ Шумахера, что видно изъ совмѣстныхъ его дѣйствій съ Миллеромъ и дѣятельно хлопочетъ объ открытіи химической лабораторіи. Но добрыхъ отношеній съ товарищами по работѣ мы по прежнему не видимъ и этому мѣшаетъ теперь уже не пьяный задоръ Ломоносова, но самый складъ его нелюдимаго характера, или можетъ быть непривычка его жить въ обществѣ, *извѣстная* одичалость отъ общества, къ которому онъ не привыкъ и не жилъ съ первыхъ сознательныхъ дней своей жизни.

Съ этого времени начинается новый періодъ его академической жизни. Онъ начинаетъ тихо, но настойчиво проводить идею своего великаго учителя Вольфа и ста-

рается развить въ русскомъ обществѣ любовь къ родному языку и любовь къ наукѣ, но въ томъ и другомъ онъ съ первыхъ же шаговъ встрѣчаетъ препятствія, но опять-таки не со стороны профессоровъ нѣмцевъ, а со стороны самого русскаго общества. Равнодушіе и даже высокомѣрное пренебреженіе къ наукѣ въ русскомъ обществѣ казалось непоборимымъ. Разумѣется эта борьба за распространеніе научныхъ знаній и за чистоту гражданство, литературнаго и ученаго русскаго языка не могла быть такой сильной и яркой какъ борьба Вольфа, но за то была гораздо труднѣе. Ломоносовъ работалъ одинъ, не имѣя ни одного сильнаго союзника какихъ мы видѣли было много у Вольфа. Сѣрая незамѣтная, но героическая борьба Ломоносова была не менѣе блестяща, чѣмъ красивая шумная борьба Вольфа.

Ломоносовъ понималъ, что прежде чѣмъ сдѣлать научныя знанія популярными надо создать русскихъ ученыхъ и онъ съ необычайной энергіей, отрываясь отъ любимой науки, старается осуществить эту первичную цѣль.

6-го мая 1746 года Ломоносовъ входитъ въ академическое засѣданіе съ предложеніемъ, гдѣ проситъ представить правительствующему сенату необходимость, во-первыхъ, присылки способныхъ учениковъ изъ монастырскихъ школъ, 2) увеличить число учениковъ гимназій и 3) немедленно озаботиться о широкомъ переводѣ научныхъ сочиненій на *русскій языкъ* [1]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Ломоносовъ воспользовавшись вступленіемъ новаго президента Академіи гр. Кирилла Разумовскаго опять хлопочетъ о разрѣшеніи ему публичныхъ лекцій на *русскомъ языкѣ* и печатаетъ приглашеніе къ любителямъ физики, гдѣ предлагаетъ имъ слушаніе натуральной философіи на русскомъ языкѣ, „ничего иного отъ нихъ (слушателей) не желая, какъ только

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

постояннаго слушанія". Но и эта просьба долгое время неосуществлялась можетъ быть благодаря Шумахера. Но намъ особенно важна эта просьба какъ подтвержденіе, что Ломоносовъ настойчиво проводилъ взгляды Вольфа.

Въ это время выходитъ переводъ Ломоносова экспериментальной физики Вольфа. Въ предисловіи перевода какъ нельзя ярче отразилось начало борьбы его учителя, а главное—первый вызовъ въ Россіи, брошенный противъ схоластики духовныхъ училищъ. „Здѣсь (въ предисловіи) въ первый разъ на русскомъ языкѣ опредѣленно и понятно разсказано объ успѣхахъ науки въ XVII и началѣ XVIII столѣтій". Не надо забывать, что Ломоносовъ говорилъ о томъ въ такое время, когда во всѣхъ нашихъ духовныхъ училищахъ, этихъ почти единственныхъ тогда разсадникахъ просвѣщенія въ Россіи, схоластика и искаженное ученіе Аристотеля пользовались непоколебимомъ авторитетомъ [1]).

Въ это-же время онъ работаетъ надъ переводомъ на русскій языкъ научной терминологіи. Воодушевляясь тѣмъ, что „отъ искренняго сердца желаю, чтобы по обширности сего государства высокія науки въ немъ распространялись, и чтобы въ сынахъ Россійскихъ къ онымъ охота и ревность равномѣрно умножились". На сколько высоко стоялъ научный аторитетъ Ломоносова къ этому времени не только въ нашей Академіи, но и за границей, видно изъ письма Эйлера 31 января 1748 года въ нашу Академію, гдѣ онъ сообщаетъ что Берлинская Академія назначала премію за оригинальную работу по вопросу о происхождеоіи селитры, гдѣ пишетъ: „Я сомнѣваюсь, чтобы могъ кто-либо, кромѣ г. Ломоносова, написать объ этомъ лучше, почему и прошу убѣдить его приняться за эту работу". Кромѣ того великій математикъ пишетъ Ломоносову „сколь много проницательству и глубинѣ вашего остроумія въ

[1]) Пекарскій. Исторія Импер. Академ. Наукъ, т. VII, 364.

изъясненіи претрудныхъ химическихъ вопросовъ я удивляюсь. Изъ вашихъ сочиненій съ превеликимъ удовольствіемъ я усмотрѣлъ, что вы въ истолкованіи химическихъ дѣйствій далече отъ принятаго у химиковъ обыкновенія отступили и съ препространнымъ искусствомъ въ практикѣ высочайше основательной физики знаніе вездѣ совокупляетъ—почему не сомнѣваюсь, что не твердыя и сомнительныя основанія сея науки приведетъ къ полной достовѣрности, такъ что ей послѣ мѣсто въ физикѣ по справедливости дано быть можетъ". Высоко цѣнимый какъ ученый заграницей, у себя на родинѣ Ломоносовъ не можетъ добиться даже скудныхъ средствъ для обстановки своихъ научныхъ работъ, даже открытія химической лабораторіи онъ доискивается только въ 1748 году.

Но никакія препятствія и непріятности не могли остановить Ломоносова и мы видимъ, что въ 1748 г. онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ разсмотрѣніи стараго университетскаго регламента, и расширенія университета, этого любимаго дѣтища Ломоносова. Это участіе особенно интересно тѣмъ, что взглядъ Ломоносова на университетъ какъ на разсадникъ науки далеко былъ впереди взглядовъ академическихъ профессоровъ нѣмцевъ. Такъ, въ своемъ мнѣніи, онъ предлагаетъ разбить университетъ на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій, а главное, чтобы „университетъ и Академія имѣли по примѣру иностранныхъ какія-нибудь вольности, а особливо, чтобы они освобождены были отъ полицейскихъ должностей". Въ добавленіе-же къ своему мнѣнію онъ высказываетъ желаніе, чтобы студенты перваго класса слушали всѣ лекціи, чтобы такимъ путемъ они-бы получили общее знакомство со всѣми предметами, а главное—чтобы могли опредѣлить къ чему они больше имѣютъ склонность. Наконецъ были вытребованы и воспитанники духовныхъ училищъ изъ Новгорода, Москвы и Петербурга. И такъ

послѣ многихъ трудовъ исполнилась завѣтная мечта Ломоносова, стараніями его былъ начатъ первый разсадникъ русскихъ ученыхъ. Въ словѣ, сказанномъ 26 дня 1741 года, при публичномъ празднованіи Академіей дня восшествія на престолъ Елизаветы, Ломоносовъ влагаетъ въ уста Императрицы такія слова, обращаясь къ новымъ питомцамъ университета. „Обучайтесь прилежно, я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю, сего польза и слава отечества“.

Въ 1754 году Ломоносовъ вѣрный своей мысли дѣятельно хлопочетъ уже объ открытіи университета въ Москвѣ. Тпманскій, въ своихъ запискахъ, говоритъ объ этомъ по воспоминаніямъ И. Шувалова. „Въ раннихъ годахъ славы Шувалова, при Императрицѣ Елисаветѣ лучшіе мѣсто занималъ Ломоносовъ. Съ нимъ онъ составлялъ проектъ Московскаго университета“ [1]).

Постоянная забота о распространеніи наукъ, а главное непріятности, постоянно отвлекаютъ Ломоносова отъ чисто научныхъ трудовъ, вотъ почему можетъ быть „труды Ломоносова скорѣе были образчиками трудовъ, чѣмъ труды доведенные до конца“ [2]). Напримѣръ весь 1755 годъ проходитъ въ борьбѣ. Но и здѣсь опять-таки мы не видимъ борьбу направленную исключительно противъ нѣмцевъ, а скорѣе противъ равнодушія русскаго общества и единичныхъ лицъ стоящихъ во главѣ Академіи наукъ, которые мѣшали ему скорѣй провести въ жизнь величайшую идею—распространенія наукъ. Пекарскій, разсматривая эту и послѣдующую борьбу Ломоносова за науку по бумагамъ, обнародованнымъ въ „Очеркахъ Россіи“, изданнымъ В. Пассекомъ, справедливо замѣчаетъ, что эти бумаги собраны „съ поспѣшностью, которою можно объяснить только наклонностью этого русскаго человѣка чѣмъ бы то ни было и какъ бы то ни было напомнить о розгѣ (съ поспѣшни-

[1]) Билярскій. 38.
[2]) Любимовъ 187.

ками—профессорами), о которой говорено выше, поспѣшность въ этомъ случаѣ была причиною, что бумаги изданы кое-какъ, съ замѣтнымъ желаніемъ оттѣнить тѣ изъ нихъ, въ которыхъ было болѣе выходокъ противъ нѣмцевъ. Повторяю—русскимъ невозможно читать Ломоносовскихъ бумагъ противъ его академическихъ враговъ безъ сочувствія къ писавшему ихъ, но при этомъ все-таки не слѣдуетъ выпускать изъ вида исторической правды, а ее не всегда найдешь въ писаніяхъ человѣка страстнаго, постоянно взволнованнаго, разсерженнаго, негодующаго" [1]).

Къ сожалѣнію о всей Академической дѣятельности Ломоносова мы коснулись очень поверхностно потому, что она достаточно разработана не говоря уже о Пекарскомъ и другими авторитетными научными силами, намъ хотѣлось только лишній разъ подчеркнуть, что Ломоносовъ, получившій всѣ свои научныя знанія у нѣмцевъ, знакомый съ ихъ культурой, не могъ бороться противъ своихъ учителей—нѣмцевъ, такъ и нѣмцы профессора Академіи наукъ не могли препятствовать въ пріобрѣтеніи русскими знаній, а напротивъ способствовали ихъ распространенію.

Можно смѣло сказать, что главный врагъ Ломоносова было русское общество, которое даже Академію наукъ считала излишней и терпимой только какъ наружное украшеніе Двора и государства.

Въ умственномъ состояніи той Россіи еще только начинала робко пробуждаться мысль, что наука нужна не для одного только украшенія Двора, но и какъ необходимая потребность общества и двигатель государства.

Въ то время даже само слово наука мало кѣмъ понималось, на труды Академіи смотрѣли какъ на ненужное занятіе и притомъ убыточное для государства.

---

[1]) Пекарскій. Исторія Имп. СПБ. Академіи Наукъ, т. II.

Внѣшній лоскъ европейской образованности сдѣлалъ то, что образованнымъ считался тотъ, кто написалъ нѣсколько нелѣпыхъ тяжелыхъ одъ; написавшій трагедію, въ слѣпомъ подражаніи французскимъ драмамъ считалъ себя уже Расиномъ россійскимъ и Вольтеромъ, поэтому въ томъ русскомъ обществѣ было много россійскихъ Гомеровъ, Лафонтеновъ, но почти ни одного истинно образованнаго человѣка и всѣ эти россійскіе Вольтеры, съ высоты своей ложной учености презрительно смотрѣли на науку, а главное на ея истинныхъ представителей. Это становится понятнымъ, когда мы вспомнимъ, что изъ громаднаго запаса западныхъ знаній до насъ дошли въ то время жалкія крохи. Потому наука серьезная считалась дѣломъ пустымъ, не нужнымъ умствованіемъ и даже „душевредительной“ какъ полагалъ даже такой умственно развитый человѣкъ того вѣка—Татищевъ. Среди это ложной образованности русскаго общества рѣзко выдѣлялось высшее духовенство, но оно имѣло слишкомъ незначительное вліяніе на умственное развитіе свѣтскаго общества, притомъ-же ихъ образованіе было узко спеціальное. Правда, и среди русскаго общества были люди, знающіе цѣну науки, какъ напримѣръ Шуваловъ, который считался меценатомъ Ломоносова. Но именно, въ этихъ лучшихъ лицахъ какъ нельзя ярче и отразилось то пренебреженіе къ людямъ науки, по большей части не принадлежащихъ къ высшему обществу, о которомъ мы говорили раньше. Мы знаемъ, что Шуваловъ несмотря на свой умъ и любовь къ наукѣ, находилъ неподдѣльное удовольствіе въ томъ, что стравливалъ Сумарокова съ Ломоносовымъ и открыто считалъ ихъ немногимъ выше своихъ домашнихъ шутовъ, а надо замѣтить, что Сумароковъ былъ старый дворянинъ и заслуженный чиновникъ, или напримѣръ случай съ Тредьяковскимъ, который былъ жестоко побитъ Волынскимъ.

Но кромѣ этого оскорбительнаго пренебреженія къ представителямъ науки, была другая сторона, которая

особенно тормазила ходъ научныхъ работъ въ Россіи. Это—подозрѣніе къ самой наукѣ и къ ученикамъ. Сыскъ, доносъ и боязнь измѣны и науку не обошли и эта язва XVIII в. особенно ярко вылилась въ просьбѣ академиковъ къ правительству, чтобы имъ было разрѣшено для научныхъ работъ пользоваться архивами: „Понеже Академіи, записано въ протоколахъ канцеляріи въ отвѣтъ на ихъ просьбу 21 февраля 1735 г., не безъ опасности есть, ежели что въ Россійскомъ государствѣ какіе описанія или извѣстія учинится, а въ иностранныя государства чрезъ то нѣкакія виды произнесутся, а о томъ еще не публиковано, о чемъ и указами запрещается, того ради обрѣтающійся главный командиръ, дѣйствительный камергеръ, баронъ фонъ-Корфъ приказалъ въ государственную иностранныхъ дѣлъ, въ военную, въ адмиральскую, коммерцъ коллегіи и въ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи и отъ строеній послать промеморіи и объявить, дабы изъ оныхъ коллегій и канцелярій какіе въ которыхъ имѣются, а именно разныя провинціальныя описанія извѣстія, книги, ландкарты и прочее по вопросамъ Академіи наукъ профессорамъ и адъюнктамъ ни подъ какимъ видомъ отпущены не были развѣ по письменному требованію Академіи наукъ изъ канцеляріи. „Мы знаемъ, что во главѣ канцеляріи стоялъ Шуматевъ, открытый врагъ профессоровъ. По другой просьбѣ академиковъ о выдачѣ имъ бумаги для печатанія исторіи получился еще болѣе характерный отвѣтъ Сената: „Разсуждаемо было, говорится между прочимъ въ отвѣтѣ, что въ Академіи затѣваютъ исторію печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже во онныхъ писаны лжи явственныя“.

Разумѣется, при такомъ отношеніи, нельзя было и говорить о процвѣтаніи наукъ въ Академіи. И мы дѣйствительно видимъ, что тамъ процвѣтала только безобидная математика, но и то относительно т. н., когда въ

въ 1728 году астрономъ Делиль хотѣлъ прочесть лекцію о движеніи земли вокругъ солнца, то печатаніе на русскомъ языкѣ лекціи было запрещено изъ боязни подорвать исконную вѣру русскихъ въ священное писаніе.

И такъ мы видѣли, что академія не по нежеланію, а въ силу чисто внѣшнихъ обстоятельствъ не могла распространять науки среди русскаго общества. Въ силу тѣхъ-же обстоятельствъ не могли того-же сдѣлать и крайне немногочисленные истино-образованные люди общества. Мы знаемъ, что Кантемиръ въ то время трудился надъ переводомъ книги Фонтеля „О множествѣ міровъ“, и уже напечатанную книгу постигаетъ запрещеніе какъ вредную. А смѣлыя сатиры Кантемира на пороки того времени и людей увидали свѣтъ только послѣ смерти автора. Мало того даже книги Петра начинаютъ вызывать въ обществѣ сильное сомнѣніе въ пользѣ ихъ и подвергаются гоненію въ лицѣ Аврамова, этого яркаго представителя многочисленныхъ противниковъ всякихъ реформъ и книжныхъ мудрствованій того времени. Аврамовъ былъ живъ и во время академической дѣятельности Ломоносова и тоже нападалъ на его сочиненія какъ вредныя для русскаго общества.

Правда, помимо русскаго дворянскаго общества и высшаго духовенства, былъ еще классъ людей, знакомыхъ съ наукой—это воспитанники духовныхъ Московскихъ и Кіевскихъ школъ, но они, какъ и высшее духовенство, не имѣли никакого вліянія на образованіе и не были приняты въ общество какъ люди „подлые“. Разбросанные по столицамъ и большимъ городамъ въ качествѣ переводчиковъ и переписчиковъ при правительственныхъ учрежденіяхъ, они оторванные отъ низовъ и не принятые въ общество,—по большей части окончательно спивались. Отношеніе малообразованнаго, а въ большинствѣ и невѣжественнаго русскаго общества къ образованнымъ людямъ низовъ, особенно характерно рисуется

въ оффиціальныхъ донесеніяхъ медицинской канцеляріи въ кабинетъ. Такъ въ 1734 г., говорится, что „штабъ-офицеры оныхъ лѣкарей хотятъ имѣть во всемъ въ своей командѣ, понеже онные штабы не токмо ихъ какъ лекарей содержать но многихъ какъ *камердинеровъ* употребляютъ, заставляютъ ихъ и парики направлять, а которые лѣкаря предъ штабами своими не похотятъ излишнюю услужливость и раболѣпство несть,—на такихъ нападаютъ и ихъ, по своимъ изволамъ штрафуютъ и обезчестятъ“ [1]). Благодаря такому отношенію общества, ученые чувствовали себя совершенно одинокими. И это чувство было особенно развито въ Ломоносовѣ при его гордомъ характерѣ. Явное пренебреженіе особенно больно чувствовалось имъ, что ярко видно изъ письма къ Шувалову, гдѣ Ломоносовъ пишетъ, что онъ не хочетъ быть шутомъ не только у него, но и у самого Бога.

Вотъ въ такой душной атмосферѣ общаго невѣжества пришлось Ломоносову проводить величайшую идею своего учителя о распространеніи наукъ и притомъ какъ мы видѣли одному. Общественная-же жизнь того времени была тоже очень неприглядна.

Страшное почти повальное пьянство и развратъ царили повсюда, несмотря на энергичную борьбу съ нимъ императрицы Елизаветы. Сыскъ, доносъ, застѣнокъ и ссылки продолжали пышно процвѣтать въ русской государственной жизни.

Правда дворянство послѣ Петра въ общемъ развилось, а смерть императрицы Анны и сверженіе нѣмецкихъ правителей во главѣ съ Бирономъ дали толчекъ къ развитію личнаго достоинства. Западъ тоже успѣлъ къ этому времени привить хотя внѣшней лоскъ культуры, но все-таки это былъ вѣкъ поразительнаго невѣжества и замѣчательно низкаго уровня нравственности [1]).

---

[1]) Полное Собр. Закон. № 7162.
[2]) Незеленовъ. Новиковъ издатель журналовъ, 1765—25 г.

Дѣйствительно конецъ XVII в., какъ и начало XVIII в., подняли умственной кругозоръ общества, сравнительно до петровской Руси, а главное и привили вкусы и пороки Европы, благодаря этому въ русской жизни наблюдается быстрый упадокъ патріархальныхъ нравовъ. Собственно говоря, Россія, во второй половинѣ XVIII в., переживала начало конца XVII вѣка Европы.

Женщина, вырвавшись изъ теремовъ, съ головой ушла въ новую для нея заманчивую и блестящую жизнь, и разумѣется, не зная требованій свободной жизни, незамѣтно перешла границу между свободой чувства и открытымъ развратомъ.

Блестящее по роскоши и легкости нравовъ царствованіе императрицы Анны довершило паденіе женской нравственности. „Страсть любовная, говоритъ Щербаковъ [1]), до Петра I почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувственными сердцами овладѣвать. Жены до того не чувствовавшія своей красоты, начали силу ея чувствовать, стали стараться умножить ее пристойными одѣяніями“. Мущины уже и ранѣе развращенные шли на встрѣчу новой жизни женщины, и еще болѣе толкали ее въ порокъ.

Большинство мемуаровъ рисуютъ жизнь того времени въ непрерывныхъ придворныхъ интригахъ, сплетняхъ, въ пьянствѣ и развратѣ.

Въ царствованіе Елизаветы и Екатерины подражаніе Европѣ, разумѣется со стороны внѣшней, стало закономъ для русскаго общества. Женщина скоро узнала любовь и „не на одной только разности половъ“ [2]).

Европейскія книги и рисунки, давно утратившія прелесть новизны въ Европѣ, стали пополнять Россію, и, стали любимымъ чтеніемъ русскаго общества. Развратъ сталъ не исключеніемъ, а правиломъ, даже ши-

[1]) Поврежденіе правовъ въ Россіи.
[2]) Фонвизинъ сочиненія.

комъ. „Замужнія женщины считали какъ бы своею обязаностью открыто измѣнять мужьямъ“ [1]).

„Въ высшихъ сферахъ барышни не жили безъ любовниковъ, мѣняя ихъ чуть ли ни каждый день“ [2]).

Остальное русское общество, мелкое чиновничество и дворянство, было не менѣе развратно и убого въ умственномъ отношеніи. Казалось, и сластолюбіе разлилось повсюду и волокитство было общимъ развлеченіемъ и цѣлью жизни, молодой человѣкъ погрязалъ въ пустотѣ праздной и безцѣльной жизни. Онъ жилъ минутой, изо дня въ день, ничѣмъ, кромѣ чувственныхъ наслажденій, не увлекался. Хорошо поѣсть, разсѣять скуку шатаніемъ изъ дома въ домъ, поиграть въ карты, посплетничать, вотъ вся цѣль, которую суждено было ему преслѣдовать“ [3]).—„Вино и званные обѣды заполняли пустоту и праздную жизнь испорченнаго вѣка“ [4]). Даже немногіе лучшіе русскіе люди были втянуты въ эту животную развратную жизнь. Шуваловъ, по словамъ князя Щербатова [5]), „въ удовольствіе своего любострастія всегда имѣлъ многихъ метрессъ, которымъ нежалѣя деньги сыпалъ, а дабы и тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно лѣкарства, которыя и смерть ему приключили“. Но несмотря на общій развратъ мы не знаемъ ни отъ друзей, ни отъ враговъ Ломоносова, ни объ одной его любовной связи. Нравственно, какъ и умственно, онъ стоялъ неизмѣримо выше своихъ современниковъ. Вотъ эта-то одинокая жизнь среди пошлой, развратной среды, а главное необъятный умъ, который глядѣлъ въ даль вѣковъ, не легко ему давалась. Непріятности, постоянная борьба за распространеніе наукъ, столкновенія съ обществомъ, оскорбленія расшатывали его крѣпкое здоровье и въ минуты, особенно тяжелыя, онъ пилъ.

---

[1]) Пугачевъ и его сообщники.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) Сочиненія.

Академическую жизнь Ломоносова можно разсматривать какъ сплошную трагедію генія.

Разумѣется, нельзя сказать, что русское общество того времени представляло сплошную картину пьянства, тупоумія и разврата, иначе передъ нами „явилось бы общество не людей, а какихъ-то особенныхъ существъ, соединяющихъ грубость и умственную тупость животнаго, со всѣми видами разврата, существъ, вся цѣль въ жизни которыхъ сдѣлать какъ можно больше зла другимъ и самому себѣ и современникамъ и потомкамъ“ [1]). Но, къ сожалѣнію, люди съ иными цѣлями, съ иными запросами и идеалами въ то время составляли незначительное меньшинство. Русская жизнь XVIII-го вѣка переживала историческій кризисъ на право жить и, къ счастью, этотъ кризисъ для нея счастливо кончился и, можно смѣло сказать, лишь только благодаря такимъ людямъ какъ Ломоносовъ, которые своей мукой, своей жизнью побѣдили страшную болѣзнь и вывели умственную Россію къ блестящему будущему.

Заканчивая нашу попытку освѣтить Ломоносова, какъ человѣка своего времени, мы скажемъ нѣсколько словъ и о послѣднихъ дняхъ его жизни. По словамъ Штелина „Ломоносовъ скончался на святой недѣли 1765 года. Смерть встрѣтилъ съ духомъ истиннаго философа, и сказалъ: „жалѣю только, что покидаю недовершеннымъ то, что задумалъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академическихъ“. И сейчасъ-же по смерти Ломоносова ярко вылилась вражда къ нему слабыхъ, но ревнивыхъ къ его генію людей. Тамъ же Штелинъ разсказываетъ, что Сумароковъ обратился къ нему „съ непристойнымъ выраженіемъ о Ломоносовѣ, что этотъ (Ломоносовъ) не можетъ болѣе шумѣть“.

---

[1]) Чечулинъ, Н. Д.—Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII в., стр. 5.

Радость пигмеевъ для насъ понятна; но теперь, въ день двухстолѣтней памяти, когда мы смотримъ на Ломоносова безпристрастно, невольно преклоняешься передъ этимъ гигантомъ мысли и воли.

Россія въ правѣ радоваться, что дала намъ Ломоносова, какъ и другихъ свѣтильниковъ разума.

Ими мы живы.... Ими велика Россія.

Н. Р. Политуръ.

КУЙБЫШЕВСКАЯ Областная БИБЛИОТЕКА
477124